

ДП 8464
Т. 67
1964

О. ВИЛЬЧЕВСКИЙ

КУРДЫ

УД 8464

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. П. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ LXVII

О. ВИЛЬЧЕВСКИЙ

КУРДЫ

ВВЕДЕНИЕ
В ЭТНИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ
КУРДСКОГО НАРОДА

K-15604

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1961 ЛЕНИНГРАД

АННОТАЦИЯ

В книге рассматриваются проблемы этногенеза курдов на фоне этнической истории Северной Месопотамии. Привлекая обширный исторический и этнографический материал, автор намечает пути образования, время и место сложения курдской народности.

Книга представляет интерес для специалистов по этнографии и древней истории Востока.

Ответственный редактор

Н. А. КИСЛЯКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курды — один из крупных по численности и интересных по политическому и культурному значению народов Передней Азии. Их общая численность превышает 7 млн человек. Курды населяют обширную горную страну — Курдистан (Страна курдов), расположенную на стыке горных систем Малой Азии и Иранского нагорья. Здесь на территории более 500 тыс. кв. км живет около 8,5 млн человек, из которых около 75% составляют курды. (За пределами Курдистана небольшие по численности группы курдов живут в Восточном Иране, в Сирии и на юге СССР; их общая численность не превышает 300—400 тыс. человек). В настоящее время Курдистан политически разделен между Турцией, Ираном и Ираком, государственные границы которых, проходя по населенной курдами территории, сходятся примерно в центре Курдистана. Курды являются крупнейшим и, пожалуй, наиболее активным из национальных меньшинств в каждом из этих государств. Имеющая почти столетнюю давность национально-освободительная борьба курдского народа носит упорный характер. Неоднократные восстания курдов против государственных режимов тех стран, на территории которых они проживают, в ряде случаев приводили эти государства на грань катастрофы. Однако ни одно из этих жестоко подавленных восстаний успеха в конечном счете не имело, и национальные права курдов не получили признания.

С этнической точки зрения средневековая история Передней Азии является процессом, во время которого из смешения народов раннего средневековья образовывались современные национальности. Существенное значение в этом сложном процессе принадлежит и курдскому народу, сыгравшему важную роль в средневековой истории Передней Азии. Выяснение этнической стороны этого многовекового процесса невозможно без установления основных моментов сложения курдского народа на заре его истории. Несмотря на значительное число исследований, затрагивающих в той или иной мере этническую историю курдского народа, проблема эта не может считаться окончательно выясненной. Если сегодня не трудно паметить в общих чертах этнические связи и взаимоотношения курдов с другими племенами и народами Передней Азии в средние века, то рассматриваемый в настоящей работе вопрос — где, когда и в каких условиях сложилось основное ядро курдского народа — до сего времени удовлетворительного решения не имеет. Причиной этого служит не только

скудость дошедших до наших дней источников, но и то, что выяснение ранних этапов этногенеза курдов тесно связано со сложной проблемой появления в горных районах Малой Азии и Ирана кочевых скотоводческих племен и взаимоотношения их с соседним оседлым населением. Этногенетические работы С. П. Толстова, связанные с изучением хозяйственно-бытового уклада тюркских народов Аральского бассейна, показывают, насколько сложны и своеобразны возникающие в этих условиях хозяйственные, этнические и социальные связи, насколько опасно подходить к решению такого рода проблем с готовым шаблоном, без учета конкретных особенностей места, эпохи, общественной структуры и хозяйственно-бытового уклада вступающих во взаимодействие между собой племен и народов.

Привлекая для решения ряда вопросов и интерпретации сохранившихся известий этнографический материал — сохранившиеся в быту, материальной и духовной культуре курдов reminiscences седой старины, — автор отдавал себе отчет, что эти пережитки далекого прошлого отнюдь не являются чертами, характеризующими «самобытность» курдского народа. Консервация этих архаических черт вызвана главным образом тем, что курдский народ находится под тройным гнетом — своих эксплуататоров, правящей верхушки переднеазиатских стран, на территории которых проживают курды и, что самое главное, иноземных колонизаторов. Лучшим доказательством правильности этого положения служит то, что небольшая по численности группа курдов СССР, получившая возможность свободного развития и строящая вместе со всеми народами нашей многонациональной Родины новую, счастливую жизнь, избавилась от этих пережитков, не только не потеряв при этом своего национального облика, но сохраняя и развивая его дальше.

пр
ра
сти

пе
по
ш
це
пл
че
ра
пе
ле
ся
и
н
на
Те
пу
во
на

к
об
по

ре
ка
п
о
С
те
о
К
б

х
п
р
ш
н

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Историческая жизнь в горных районах Северной Месопотамии и прилегающих к ней окраинах Иранского нагорья началась значительно раньше появления на этой территории племен, послуживших впоследствии костяком для формирования курдской народности.

Прибытие сюда этих племен отразилось в значительно большей степени на их собственных дальнейших исторических судьбах, нежели на последующем ходе исторического развития края — одного из древнейших районов человеческой цивилизации. Сложный многовековой процесс этногенеза курдского народа, в котором приняли участие и эти племена, происходил именно на данной территории. Вот почему изучение этого процесса мы начинаем с рассмотрения пока еще слабо разработанных вопросов о первом появлении в этих местах человека и ранних периодов его исторической жизни,¹ т. е. приблизительно с VI тысячелетия до н. э. Конечным этапом предыстории мы можем считать IV тысячелетие до н. э., когда здесь, как и на обширном пространстве от Сирии и Палестины до Средней Азии и Китая, обнаруживаются многочисленные следы поселений энеолитического типа, относящихся к группе так называемых культур крашеной керамики. Раскопки в Телль-Халаф, Телль-Брак, Арпачия, Тепе-Гаура, Самарра и, далее, в близлежащих пунктах Иранского нагорья — в Тепе-Гиян, Гей-Тепе и других дают возможность судить о культурном и общественно-экономическом облике населения, оставившего эти памятники.²

Несмотря на значительное разнообразие и самобытность каждого из культурных очагов этого типа, все они обладают рядом характерных общих черт, позволяющих до известной степени корректировать и дополнять результаты, получаемые из анализа отдельных комплексов.³

Антропологический тип этого, по-видимому, автохтонного для интересующих нас районов населения был весьма неоднороден. Здесь соприкасались и скрещивались все основные антропологические типы, распространенные в древности в Малой Азии и Иране. Если для западных окраин Иранского нагорья, так же как и для большей части Ирана и Средней Азии, характерен индо-памирский тип,⁴ то в Северной Месопотамии преобладали ассириоиды (арменоиды),⁵ характерные также для остальных районов Малой Азии и Аравийского полуострова; в долинах Каруна и Керхи, так же как и во многих других районах Южного Ирана, был распространен относящийся к негроидам дравидийский тип.⁶

Таким образом, уже в это время в интересующем нас районе происходили значительные передвижения населения,⁷ столь характерные для последующих эпох, начиная с передвижки семитов через области Двуречья на север вплоть до Ассирии. Такое раннее соприкосновение и смешение основных антропологических типов передвизатского мира в древности в значительной степени уменьшает ценность антропологических

материалов для суждения об этническом составе края вплоть до появления здесь тюрко-монгольских племен в средние века.

Результаты раскопок древнейших поселений в Северной Месопотамии — на территории нынешнего Северного Ирака и предгорий Курдистана — дают возможность отнести эти поселения к трем довольно ясно выраженным типам социально-экономической жизни их населения. А. П. Окладников, видящий в этих типах «последовательно сменявшиеся культурные этапы в развитии хозяйства и образа жизни древнейшего населения области», дает им следующую характеристику:

«Первое поселение, пещера Палегаура, было заселено типичными собирателями и охотниками юга, не имевшими представления о разведении домашних животных и возделывании растений. Эти люди находились на уровне мезолита. Они в совершенстве овладели техникой отщепления кремневых пластин от призматического нуклеуса, но не знали еще даже зачатков неолитических приемов обработки камня и кости, не пользовались костяными орудиями. Все, что они оставили после себя в своем пещерном жилище, кроме костей диких животных, — это пуклеусы призматического типа, пластины, служившие орудиями в необработанном виде, а также изготовленные из таких пластин орудия мезолитического облика.

«Тем нагляднее становятся перемены в хозяйстве и культуре у жителей следующего по времени поселения Керим-Шахир (вероятно, VI тысячелетие до н. э.), обитатели которого уже покончили с пещерной жизнью своих предшественников. Правда, при раскопках в Керим-Шахире не обнаружено определенных слоев строений, но все же о наличии жилищ, при этом достаточно многочисленных, свидетельствуют вымостки из камней, оставшиеся от разрушенных стен и полов.

«Эта черта принципиально нового уклада дополняется и усиливается другими признаками неолитической культуры. Первый такой признак — наличие еще грубых, но бесспорно неолитических по типу крупных орудий со шлифованными лезвиями, а также ряда других каменных изделий, изготовленных характерной для неолита пунктирной, или точечной, техникой. Второй признак неолита — наличие таких изделий, как шлифованные браслеты, украшения из раковин и камни со сверленными отверстиями для подвешивания, грубые скульптуры из не обожженной еще глины, костяные иглы и шилья. Все это говорит о значительном обогащении культуры и росте потребностей жителей поселения по сравнению с их предшественниками из Палегауры.

«Обитатели Керим-Шахира еще не умели, однако, выделять глиняную посуду и не имели типично неолитических наконечников стрел. В отличие от людей мезолита они тем не менее имели в своем распоряжении домашних и полудомашних животных — овец и коз, дававших им мясную пищу, шкуры и шерсть для изготовления одежды.

«Среди множества каменных пластин и изделий микролитического облика обнаружено несколько кремневых зернотерок, пестиков и ступок, а также кремневые лезвия для серпов. Если правильно предположение, что срезали колосья дикорастущих злаков, а на зернотерках растирали добытые из них зерна, то находки в Керим-Шахире свидетельствуют о развитом собирательстве, непосредственно предшествующем земледелию.

«Земледелие в совершенно отчетливом виде представлено находками в поселении в Кал'ат-Ярмо,⁸ датируемом V тысячелетием до н. э. (около 4750 г.).

«Жители поселения Кал'ат-Ярмо, так же как и их предшественники из Керим-Шахира, сохранили в технике обработки камня традиции отдаленной старины. Они по-прежнему выделяли по древним мезоли-

тическим образцам миниатюрные треугольники, проколки, резцы и скребки.

«Широко и систематически использовались различные крупные и тяжелые изделия из камня, приготовление которых требовало новых, неолитических приемов в виде шлифования и точечной ретуши. Это были топоры, молоты, а также каменные чаши, ступки, песты. Широко развивалась обработка кости, из которой выделялись иглы, шилья, фигурно обрамленные булавки, бусы, кольца и даже ложки.

«Жителям Кал'ат-Ярмо еще не было известно искусство изготовления настоящих сосудов из глины. Самое большее, чему они научились в деле использования глины как материала для сосудов, было изготовление своеобразных «бассейнов», или чанов, сделанных следующим образом: сначала в земле выкапывалась яма, затем ее тщательно обмазывали глиной, потом в яме разводили огонь и таким образом придавали ее стенкам водонепроницаемость и твердость.

«Общее усложнение ассортимента каменных и костяных вещей, а также хозяйственного инвентаря паходилось в связи с глубокими изменениями в жизни обитателей Кал'ат-Ярмо, с характерным для них новым хозяйственным укладом. Это были уже типичные древние земледельцы, весь уклад жизни, вся культура которых определялась земледельческим трудом и скотоводством.

«Характерно, что кости диких животных в Кал'ат-Ярмо составляют всего 5%, остальные 95% принадлежат домашним животным: козе, свинье, овце. Остатки культурных растений представлены в находках из Кал'ат-Ярмо отпечатками зерен в глине, из которой делались стены жилища и основания очагов. Найдены также обугленные зерна. Судя по ним, жители Кал'ат-Ярмо сеяли двурядный ячмень и пшеницу двух видов — однозернянку и двузернянку. Хлеб жали серпами с лезвиями из острых пластин.

«Земледельческое хозяйство определило новый, иной, чем прежде, характер поселения. Теперь это был уже не охотничий лагерь и не сезонное стойбище, а настоящая, правильно построенная по единому плану деревня, в которой проживала одна родовая община. Обитатели Кал'ат-Ярмо строили дома правильной прямоугольной формы, со стенами из плотно сбитой глины или, может быть, кирпича-сырца, иногда с фундаментом из камней. Внутри домов, в самой их середине, помещались небольшие овальные печи. Все эти дома располагались близко друг от друга, подобно клеткам одного большого организма — родовой общины, основанной на общем труде и материнском строе.

«Перемены в реальной жизни нашли свое закономерное отражение и в религиозных верованиях жителей поселения Кал'ат-Ярмо. В центре их верований находился культ плодородия и женского производящего начала. Об этом говорят статуэтки сидящих женщин, изображающих богиню-мать. С культом богини-матери был, вероятно, неразрывно связан и всюду его сопровождающий в позднейшие времена культ мужского божества растительности. В этих верованиях и культах имелось, конечно, много элементов, унаследованных от предшествующих этапов развития религии. Образ женского божества имел свои истоки в палеолитическом культе матерей-прародительниц, земледельческие обряды культа плодородия растений выросли из охотничьих обрядов размножения зверей. Но в целом это были уже новые религиозные представления, характерные для древних земледельцев».⁹

Разумеется, трудно что-нибудь возразить против этой восстанавливаемой по далеко не полным данным картины постепенного развития социально-экономической жизни края, нарисованной мастерской рукой крупнейшего советского историка первобытности. Действительно, по-

видимому, именно таким путем шло в общих чертах развитие человеческого общества на ранних этапах предистории в горных долинах и в нижней части горных склонов, где имелись все условия для возникновения оседлых поселений, обитатели которых занимались земледелием в сочетании со скотоводством. При этом надо иметь в виду, что высокогорные районы альпийских лугов, служащие основной территорией для выпаса стад современных кочевых и полукочевых племен Курдистана, в описываемую эпоху заселены не были. Однако между этими районами и зоной оседлых земледельческих поселений расположена обширная область горных склонов, покрытых густыми лесами, в частности зарослями дуба со съедобными желудями (*Quercus Vallonia*).¹⁰ В этой лесистой зоне, в которой, кстати, расположена пещера Пале-Гаура, обитали те «охотничьи племена», изготовлявшие орудия мустьерского типа, наличие которых в Курдистане отмечает Г. Чайлд.¹¹ Вполне вероятно, что первоначально такие племена могли обитать и ниже, в более благоприятных в климатическом отношении горных долинах. Однако по мере появления здесь земледельческих поселений оседлого типа они должны были быть вытеснены в расположенные выше леса.

Таким образом, намеченные А. П. Окладниковым типы социально-экономической жизни не просто сменяли друг друга в хронологическом порядке, а сосуществовали одновременно, в зависимости от района обитания их носителей. Вопрос этот — о неравномерном развитии экономической и общественной жизни в горных районах Северной Месопотамии уже на ранних стадиях исторической жизни — мало привлекал к себе внимание исследователей.¹² Между тем поскольку различные географические факторы, оказывающие существенное влияние на экономическое и общественное развитие, находятся здесь, как и во всяком горном районе, в самом близком соседстве, многие моменты в исторической жизни края находят себе объяснение именно в этой неравномерности в развитии общества в зависимости от района обитания — в долинах, на горных склонах, в лесах, на альпийских лугах и т. д.

Обстоятельство это, сопутствующее ходу общественной жизни края на протяжении всей его истории, делает возможным в данном районе одновременное сосуществование в близком соседстве обществ и племен, стоящих на различных ступенях дикости и варварства. С точки зрения этногенеза и этнической истории этим в известной мере обусловлено впоследствии почти обязательное различие этнического состава кочевых и оседлого населения, а также то, что исторические судьбы этого населения подчас оказывались различными и смена оседлого населения далеко не всегда сопровождалась, как мы увидим ниже, сменой кочевого населения, и, наоборот, изменение в этническом составе кочевников отнюдь не требовало обязательного изменения этнического облика оседлого населения. Однако при всем этом обязательная экономическая и общественная связь между кочевниками и оседлыми устанавливалась немедленно.

Следовательно, уже на заре истории, в то время как в долинах возникали и развивались оседлые формы общественно-экономической жизни, покрытые лесами горные склоны, как и в более позднее время, были заселены племенами, занимавшимися сбором желудей и съедобных трав, а также охотой на мелких животных и пресмыкающихся. О наличии такого рода племен мы имеем многочисленные свидетельства как в древнее время, так и в средние века, вплоть до наших дней.¹³ Трудно допустить, что эти племена, находящиеся на столь низком уровне общественно-экономической жизни, проникли в край впоследствии, в результате миграции, хотя, конечно, не исключена возможность, что в отдельных случаях

разоренное и загнанное в горные леса население могло деградировать до уровня собирателей. Во всяком случае несомненно, что значительную часть населения горных районов Северной Месопотамии и прилегающих областей составляли племена охотников-собирателей, обитавшие в наиболее труднодоступной лесистой части края. Эти племена, меньше чем оседлое население и кочевники-скотоводы, подвергались впоследствии губительным результатам внешних нашествий и, стало быть, имели больше шансов сохраниться, хотя бы частично, на всем протяжении богатой событиями многовековой жизни края. При этом нельзя не считаться с тем, что среди значительной части курдских племен до сих пор сильны пережиточно сохраняющиеся обычаи, в той или иной форме связанные с культом дуба, желудя и т. п.¹⁴ Это обстоятельство наряду с тем значением, которое до сих пор имеет дуб в хозяйственной жизни курдов, является, пожалуй, наиболее веским доказательством того, что в формировании курдского народа в качестве до сих пор ощущаемого субстрата приняли участие автохтонные племена охотников-собирателей, в экономике которых большую роль играл дуб и съедобные желуди. В этом отношении далекое прошлое курдов типологически близко к прошлому ряда народов юга Европы, где на Пиренейском полуострове, в Италии, в Греции, крупное хозяйственное значение также имел дуб со съедобными желудями.¹⁵

В то же время, как свидетельствуют археологические данные, долины и горные склоны Северной Месопотамии и прилегающих горных районов были одним из основных центров возникновения и развития неолитической культуры «красной керамики». Оттуда, по-видимому, она распространилась и на южную часть Двуречья, в район Шумера,¹⁶ и на запад, в Сирию.¹⁷ Развитие культуры неолита, так же как и развитие сменявшей ее культуры бронзы, появление которой датируется примерно IV тысячелетием до н. э.,¹⁸ связано с дальнейшим общественно-экономическим развитием населения оседлых поселений в долинах горной части Северной Месопотамии. Есть все основания считать, что одним из результатов этого процесса было постепенное отделение ремесла от сельского хозяйства, в частности появление профессионалов-гончаров и, что особенно важно, — как полагает Г. Чайлд, — «странствующих кузнецов».¹⁹ Для нашей темы важно отметить, что институт профессиональных ремесленников, кочующих в поисках работы, возник и в дальнейшем развивался среди оседлого населения. В структуру кочевого населения даже в значительно более позднее время ремесленники не входили; несмотря на бесспорную, казалось бы, экономическую необходимость, они всегда ощущались и ощущаются вплоть до наших дней как институт ипородный, связанный не с кочевым, а с оседлым обществом.²⁰

Природные условия долин и нижней части горных склонов горной части Северной Месопотамии обусловили также то чрезвычайно важное обстоятельство, что развитие здесь земледелия, вплоть до появления поливного земледелия и садоводства, не было связано с отделением земледелия от скотоводства. Наоборот, земледелие развивалось здесь параллельно с развитием скотоводства. Термин «земледельцы-скотоводы», которым Г. Чайлд характеризует население неолитической еще стоянки Тель-Хасун в окрестностях нынешнего Мосула, может быть отнесен к кардухам, описываемым несколькими тысячелетиями спустя Ксенофонтом. По словам этого наблюдательного автора, кардухи, жившие в расположенных по горным склонам селениях, занимались земледелием, виноградарством и скотоводством одновременно; они имели разнообразные развитые ремесла, и в их домах воины Ксенофонта обнаружили «очень много бронзовых изделий».²¹

Эта непрерывность культурного и хозяйственного развития населения оседлых поселений долин в горах Северной Месопотамии и прилегающих к ней районов в древности настолько очевидна, что заставляет искать объяснение идентичности ряда явлений культурной и хозяйственной жизни края с другими районами не в миграционных процессах, а в усилении связей между этими районами. Так, в частности, Г. Чайлд совершенно прав, когда пишет: «Если культурные знаки и домашние овцы не могли быть достижением самих жителей Ассирии, то они могли быть заимствованы как у населения Иранского нагорья, так, равным образом, у жителей Амана или горы Кармил».²²

В дальнейшем мы увидим, в какой мере это оседлое население Северной Месопотамии и прилегающих к ней горных районов приняло участие в формировании курдской народности, основным ядром которой послужили появившиеся здесь впоследствии племена кочевников-скотоводов. Во всяком случае, роль этого населения в этногенезе курдского народа отнюдь не такова, чтобы можно было согласиться с Г. Чайлдом, якобы обеидские статуэтки мужчин с закрученным на затылке пучком волос, облаченных в овечьи шкуры, напоминают «современных курдов».²³

К концу IV тысячелетия до н. э., т. е. накануне того периода, когда в Двуречье, в долине южного течения Тигра и Евфрата, начинают складываться первые классовые рабовладельческие общества, население горных районов Северной Месопотамии и соседних с ними областей Иранского нагорья по своему культурному развитию стояло выше племен южной части Двуречья.²⁴ Переживая различные этапы энеолита, оно находилось на разных ступенях первобытно-общинного строя и распалось на ряд племен, объединяемых по этническому, языковому и территориальному признакам в несколько групп, главнейшими из которых, как свидетельствуют относящиеся к несколько более позднему времени памятники на шумерском, аккадском и хурритском языках, были следующие.

а) **Х у р р и т ы**, или субарейцы (шубарейцы), — обширная группа племен, обитавших в Северной Месопотамии и в соседних районах Сирии и Армянского нагорья; в языковом отношении значительная часть хурритских племен говорила на языках, по-видимому, близких к урартскому, однако наряду с хурритским часть этих племен говорила на языках другого типа.²⁵ Имеются данные, позволяющие утверждать, что племена хурритов были распространены и несколько далее на восток, в районе Урмийского озера.²⁶ Хурриты принадлежали, во всяком случае в основной своей массе, к числу автохтонного населения Малой Азии, хотя учеными высказывались предположения о связи хурритов с народами, обитающими значительно восточнее. Так, С. П. Толстов связывал хурритов с населением Средней Азии,²⁷ а Б. Грозный намечал связь хурритов с Индией.²⁸ Я не вижу оснований для столь решительного отрицания этих мнений, как делает И. М. Дьяконов.²⁹ Дело в том, что уже сама высказанная И. М. Дьяконовым точка зрения на хурритов как на группу племен, говоривших на различных языках, а не только на одном хурритском, заставляет ставить вопрос о том, что во всяком случае часть хурритских племен не принадлежит к аборигенам; следовательно, эта часть племен (подобно, скажем, племенам манны, язык которых относится разными исследователями либо к иранским, либо к индийским) вполне может быть связана и с племенами Средней Азии, и с племенами Индии. О том же свидетельствуют и антропологические данные, и данные материальной культуры. Решение этого вопроса помогло бы ввести в конкретные исторические рамки одну из основных проблем этнической истории курдского народа: какой именно эпохой датировать близость курдов в обла-

сти не только языка, но и культуры к иранскому и индийскому мирам. Пока эта проблема ни на хурритском, ни на курдском материале не получила окончательного решения, приходится ограничиваться лишь констатацией того, что хурритские племена в целом играли известную роль в качестве субстрата при сложении курдского этноса. Однако и такая постановка вопроса представляет собой часть весьма важной проблемы, к которой нам еще придется вернуться, — о связях курдов с населением Закавказья и Прикаспийских областей, давно уже отмечавшихся Ж. Морганом.³⁰ Как мне пришлось в свое время констатировать, связь курдов с населением Южного Прикаспия, Азербайджана и Закавказья будет касаться таких существенных моментов, как отмечавшаяся выше крупная роль дуба и желудя в экономике, материальной и духовной культурах.³¹

б) К у т и и — племена, обитавшие восточнее хурритов, в районе Урмийского озера и далее, на север и восток; малоисследованный язык кутиев до сих пор еще не определен окончательно, и в науке высказывались различные предположения о его связи как с языками автохтонного населения Закавказья, так и с эламским.³² Как бы ни был решен этот вопрос, бесспорным, по-видимому, останется тот факт, что кутии, во всяком случае по языку, относятся к автохтонному населению края, а язык их является одним из языков древних обитателей Загроса, к которым, кроме кутиев, причисляются соседящие с ними каспи, луллубеи, касситы, эламиты, а возможно, и албанцы. Ниже нам придется подробнее остановиться на той крупной роли, которая принадлежит кутиям, или гутиям, в исторических судьбах Двуречья и прилегающих районов.

в) Л у л л у б е и — племена, обитавшие несколько южнее кутиев, в горах и предгорьях от Урмийского озера до верховьев Диалы. По-видимому, луллубеи были в этническом и языковом отношении ближе к эламитами, чем кутии. Сохранившиеся рельефы с изображением луллубеев дают возможность установить характерный для этих племен костюм: туники или препоясания, поверх которых на одно плечо наброшена косматая шкура; на голове небольшая шапка с отворотом, которая, как и аналогичные головные уборы ряда племен того времени, обычно трактуется как войлочная, но которую, на мой взгляд, можно было бы сблизить с похожей по форме вязаной шапочкой курдов-барзанцев.³³

г) К а с с и т ы — в то время племя или ряд племен горцев-скотоводов, обитавших южнее луллубеев, в горной стране, где берут начало реки, долины которых южнее были заселены эламитами. Территория расселения касситов примерно совпадает с территорией пышешнего Луристана, что дает повод некоторым исследователям непосредственно сблизать касситов с лурами и видеть в последних иранизированных потомков этого древнего автохтонного населения края.³⁴ По языку касситы были родственны эламитами.

д) С юга, как мы уже отмечали, на территорию Северной Месопотамии проникали с е м и т и ч е с к и е п л е м е н а. Трудно установить начало этого многовекового процесса, сыгравшего существенную роль в этногенезе края. По-видимому, семитические племена проникали также и с запада.³⁵

Такова общая картина этнического состояния района к III тысячелетию до н. э. и несколько позднее, как она рисуется в свете доступных современной науке письменных источников того времени. Попытки увязать эту картину с языковыми данными, несмотря на скудость и малую исследованность материала, оказываются в известной степени плодотворными, давая хотя бы материал для построения более или менее вероятных гипотез.

Результаты анализа сохранившихся языковых данных позволяют прийти к выводу, что большая часть обитавших в крае и по соседству

с ним племен говорила на языках, в конечном счете близких друг к другу не только типологически, но и генетически, причем эти языки, точнее — многочисленные племенные диалекты и говоры, представляют собой своеобразный переход от языков древнего населения Закавказья к языку древнего населения Южного Ирана. Нет сомнения, что по мере накопления фактического материала, когда заполнятся лакуны между нашедшими отражение в письменных памятниках того времени языками, картина будет яснее.

Наряду с этим с юга все сильнее проникает семитическая речь, а с севера и востока, возможно, уже начала проникать иранская или индийская. Процесс этот, сыгравший столь важную роль впоследствии, в интересующую нас эпоху только еще намечается; если в отношении семитской речи мы можем говорить, что семитизации подвергается в основном оседлое население, то трудно было бы с такой определенностью утверждать это в отношении иранских и индийских языков. Между тем для курдской проблемы именно этот вопрос имеет наиболее существенное значение.

Это же обстоятельство, — наше пока ещё слабое знание языков автохтонного населения горных районов Малой Азии и Ирана при наличии ряда мало обоснованных и взаимно друг друга исключающих гипотез, большинство которых стремится выдать желаемое за действительность,³⁶ — сильно снижает, если не сводит к нулю, возможность использования в наших целях данных этно- и топонимики, а также ономастики, донесенных до нас письменными источниками древности. Помимо трудности, а подчас и полной невозможности их лингвистической проверки, поскольку именно эти данные служат почти единственным источником наших сведений о языках этих народов, надо учитывать и трудность, а в ряде случаев невозможность территориальной локализации большого количества сохранившихся терминов,³⁷ а также обычно весьма далекую от действительности транскрипцию этих терминов крайне несовершенными приемами графики древней письменности.

Столь же ненадежными оказываются попытки установить антропологический тип народов, в древности обитавших в крае, по дошедшим до нас изображениям представителей этих народов на памятниках материальной культуры. Во-первых, как уже было сказано, здесь издавна соприкасались и смешивались все основные антропологические типы переднеазиатского населения; во-вторых, если исключить два-три изображения, действительно дающие представление об антропологическом типе изображенных на нем лиц,³⁸ основная масса таких изображений настолько схематична, что нужно обладать поистине неиссякаемой фантазией, чтобы говорить об особенностях антропологического типа людей, изображенных на этих примитивных рисунках и скульптурах.

Если, со значительными оговорками и ссылками на аналогичные явления у других народов, мы можем в какой-то степени реконструировать общий культурный и социально-экономический облик населения края, то на существующем уровне наших знаний следует считать совершенно неосуществимой попытку конкретизировать этот облик применительно к отдельным племенам и даже группам племен. Ничего, кроме нескольких гипотетических предположений о возможном типе одежды и вооружения, характерных, судя по сохранившимся изображениям, для представителей этих племен, мы не смогли бы установить, а этого, конечно, крайне недостаточно для решения и даже постановки проблемы об этническом облике края, тем более для решения вопроса об этнических связях населения края в глубоком прошлом и в более поздние эпохи его исторической жизни.

Из скептического отношения к многочисленным попыткам непосредственно сопоставить этнические группы, населявшие край в глубокой

древности, с народами и племенами, обитавшими в нем в более поздний период, а тем более в настоящее время, не следует, конечно, делать вывод, что такая проблема должна быть вовсе отброшена, что решение ее вообще невозможно. Речь идет лишь о том, что в настоящее время наши сведения об этническом облике края в древнейший период его истории настолько еще скудны, что было бы преждевременным делать на их основе какие бы то ни было ответственные выводы, строить фундаментальные гипотезы. Такого рода выводы и гипотезы были бы тем более необоснованными и беспочвенными, что они игнорировали бы всю последующую, чрезвычайно бурную событиями многовековую историю края. Мы можем только утверждать, что народы и племена, населявшие край в периоды его древнейшей истории до образования на его территории классовых обществ, не могли не оставить следа в общей картине этнического и культурного облика края, что они являлись тем субстратом, на базе которого создавались народы и племена в последующие периоды. Ниже мы увидим, в какой степени велико могло быть значение этого субстрата. Пока же в качестве общего соображения методологического порядка отметим, что если бы нам удалось обнаружить какие-либо реальные факты, одинаково характерные и для культуры современных народов края, и для его древних насельников, то такие факты оказались бы гораздо более важными для характеристики именно этих древних поселенцев, о которых мы почти ничего не знаем, нежели для характеристики той из современных этнических групп, которая сохранила соответствующие явления в качестве деривата.

Нарисованная выше этническая характеристика края резко меняется в связи с возникновением и развитием — сперва южнее, в Двуречье и по нижнему течению Каруна и Керхи, а затем и на территории края — классовых рабовладельческих обществ, создавших мощные рабовладельческие государства. Для нас важно не только то, что культура этих рабовладельческих обществ Двуречья и прилегающих районов оказала исключительно большое влияние на культуру народов, населявших интересующий нас край, но и то, что сама эта культура была создана в основном на костях и руками населения горных районов Северной Месопотамии и прилегающих западных окраин Иранского нагорья. Именно отсюда черпали рабовладельческие общества древности и материальные блага, и рабочую силу — рабов. Начиная с III тысячелетия до н. э. и вплоть до кризиса рабовладельческого общества и его крушения в конце I тысячелетия, вся история края представляет собой непрерывную цепь грабительских походов войск рабовладельческих государств, во время которых из края систематически выкачивались продукты труда местного населения и всё его богатство — зерно, скот и пр., и столь же систематически вводилось в рабство само это местное население. Акад. В. В. Струве, подчеркивая оборотную сторону рабовладельческой культуры, ее отрицательную роль для народных масс, подвергавшихся исключительно тяжелой эксплуатации со стороны рабовладельцев, приводит прекрасную характеристику, даваемую Ф. Энгельсом этому процессу: «...человек, бывший вначале зверем, нуждался для своего развития в варварских, почти зверских средствах, чтобы вырваться из варварского состояния».⁴⁰ Как совершенно правильно говорит в данной связи акад. В. В. Струве, на эту сторону процесса сложения и развития рабовладельческих обществ древности буржуазная наука не обращала должного внимания, увлекаясь внешне эффектными результатами роста рабовладельческой культуры.⁴¹ Между тем для вопросов этнической истории важна именно эта, оборотная сторона рабовладельческой цивилизации, низведшая широкие народные массы не только своих стран, но и районов военно-политической экспансии до положения «говорящих животных», разрушившая, растоптавшая во имя культурного скачка небольшой кучки рабовладельцев культуру этих

народных масс, перемешавшая существовавшие к моменту её возникновения этнические общности.

Как мне уже приходилось отмечать в свое время, анализ этой оборотной стороны рабовладельческих обществ дает возможность наметить те элементы, которые впоследствии послужили базой для формирования основной массы курдского народа,⁴² наметить следы того субстрата, присутствие которого столь явственно ощущается в составе нынешних курдов и который роднит их с другими народами района их нынешнего обитания.

Следует заранее еще раз оговорить, что речь идет отнюдь не о поисках «предков» нынешних курдов, не о попытках присвоить им «право» на преимущественное происхождение от того или иного народа древности, не о бессмысленных с научной точки зрения спорах о том, чьими предками являются хурриты, луллубеи, касситы, хетты, урарты, мидийцы и другие народы, известные нам зачастую только по имени, да еще подчас плохо транскрибированному. Речь идет совсем о другом — о выяснении некоторых сторон культурных, социальных, а также языковых традиций, которые роднят курдов с соседними народами Передней Азии в такой же мере, в какой мы можем обнаружить общие черты у грузин и армян, у персов и азербайджанцев и т. п. Приведу несколько примеров:

Курдский язык бесспорно иранский. Если даже удастся обнаружить в нем некоторое количество слов, этимология которых свидетельствует об их неиранском происхождении, о связях с лексикой других языков, то, как ни интересны такие факты для выяснения доисторических судеб курдского народа,⁴³ они тем не менее не изменяют общей оценки курдского языка, как иранского. Это не больше как «заимствования», лингвистические материалы для истории курдского народа, но не материалы для истории курдского языка.

Другое дело, когда слово, существующее в характерных для него формах в современных и древних иранских языках, в том числе и в курдском языке, оказывается одновременно в составе языка, бесспорно неиранского, относящегося к числу древних языков переднеазиатского мира. Так, например, обстоит дело с курдским *базар* 'город', имеющим вполне безупречные аналогии и в пехлевийском, и в армянском и в повоперсидском, откуда в форме *базар* 'рынок', 'базар' оно снова проникает в курдский и большинство живых иранских языков. Как известно, это слово этимологически восходит к халдскому *патари*, связывая, таким образом, иранские языки с древними языками Передней Азии, как связывает эти языки с семитическими близкий по значению и историческим судьбам термин *кальа* 'крепость, город'.

Другой пример. Фонетическая система курдского языка, которая, несмотря на то, что она вполне сопоставима с фонетическими системами других иранских языков, может быть с такой же легкостью и убедительностью сопоставлена с фонетическими системами армянского, сирийского и арабского языков, подобно тому как фонетическая система осетинского языка столь же тесно увязана с фонетическими системами горских языков Кавказа. Поскольку это явление охватывает весь язык в целом, объяснить его иначе, как воздействием субстрата, невозможно.

Такую же картину мы можем наблюдать и в области местных курдских верований, вроде езидства, али-аллахи, шамсий и др. Большинство из них являются крайними мусульманскими сектами, езидство, например, крайне суннитской сектой, а али-аллахи — крайне шиитской. Но вместе с тем эти верования отражают не только и не столько иранские доисламские религиозные системы, вроде зороастризма или манихейства,⁴⁴ сколько старые религиозные верования древнего Востока с характерными для них культами солнца, луны, стихий и т. п. Чрезвычайно интересны

в этом отношении следующие слова из священных книг езидов: «Были у нас ранее царя: Навуходоносор, Ваал, Бильзебуб и другие, и мы ненавидели наших царей». ⁴⁵ Вряд ли надо доказывать, что эта фраза больше говорит о связи курдского народа с населением, обитавшим в древности на этой территории, чем рискованные созвучия этно-топонимических терминов.

Нам еще придется неоднократно возвращаться к этому вопросу, но здесь также необходимо подчеркнуть, что такие реминисценции не решают основных вопросов этнической истории курдского народа, что они не могут быть отнесены к какому-нибудь определенному народу древности и, как правило, в равной мере характерны как для курдов, так и для других переднеазиатских народов.

Возвращаемся к вопросу об этнической истории нашего района в период возникновения и развития здесь рабовладельческих обществ. В этом плане чрезвычайно важно провести четкую грань между примитивными формами рабовладения, возникающими еще при первобытно-общинном строе, и рабством, как общественно-экономической формацией, пришедшей на смену этому строю.

Рабство, как отмечает Ф. Энгельс, было изобретено человечеством, когда оно покинуло низшую ступень варварства и когда в связи с введением скотоводства, обработки металлов, ткачества и, наконец, полеводства стала выгодной эксплуатация пленников в качестве рабов. ⁴⁶ Наличие рабов и использование рабского труда для Двуречья ещё в период разложения первобытно-общинного строя подтверждается документально. ⁴⁷ Рабовладение в эту эпоху отмечено и в интересующих нас горных районах Северной Месопотамии, однако существенного влияния на изменение этнического облика края эти формы домашнего рабства оказать не могли: рабы, по преимуществу военнопленные мужчины, имелись главным образом у представителей родоплеменной верхушки, и количество их по сравнению с основной массой автохтонного населения было относительно невелико. ⁴⁸ При этом правовые и этические нормы родового строя, в условиях которого жило автохтонное население, вряд ли могли поощрять общение этого населения с пленниками. Наоборот, насколько можно судить по рудиментам этих норм у кочевого и полукочевого населения в более поздние эпохи, стремление максимально оградить себя от возможности браков или хотя бы просто половых общений с чужеземцами, играло в этих нормах ведущую роль.

Другое дело, когда развитие рабовладения привело к изменению всего общественно-экономического строя, когда в нижней части Двуречья складываются рабовладельческие общества, возникает и постепенно захватывает соседние районы новая рабовладельческая формация. Необходимым условием возникновения, а тем более существования этих рабовладельческих обществ было изменение экономического строя, связанное с значительным расширением ирригационных работ в заболоченных низменностях Двуречья. Если первые ирригационные каналы сооружались свободными общинниками, а рабский труд использовался в весьма ограниченных размерах, то развитие ирригационного хозяйства в больших масштабах потребовало такого увеличения рабочей силы, которого уже сами общества дать не могли. Поэтому, хотя в дальнейшем над созданием ирригационной сети продолжали еще долгое время трудиться в порядке повинности и свободные представители общества, на земляных работах во все большем объеме начинает использоваться рабский труд. Постепенно рабский труд начинает вытеснять труд свободных также и в других видах работ, и рабы становятся основной массой непосредственных производителей.

Все это требовало значительного увеличения числа рабов. Рабовладение могло успешно развиваться как формация в наиболее сильных обществах Двуречья, способных подчинить себе и заставить работать на себя другие общества. Достигалось это двумя путями.

С одной стороны, более мощные в военном отношении общины подчиняли себе общины более слабые и превращали население подчиненных общин в подневольных людей, заставляя его работать на себя. Такой случай описывает, например, отображающая историческую картину начала III тысячелетия до н. э. эпическая поэма об Акке, царе Киша и Гильгамеше, царе Урука. В ней рассказывается о том, как царь города-общины Киша требует от населения покоренного им города-общины Урука рыть по всей стране большие и малые водные бассейны. Однако в данном случае действуют еще родоплеменные нормы, и этот эпизод чрезвычайно близок к многочисленным примерам, когда более сильное племя ставит в экономическую и политическую зависимость от себя покоренное им более слабое племя. Здесь еще нет характерных черт рабовладения — члены покоренной общины, даже попадая в подневольное положение, еще не превращаются тем самым в рабов, в полностью бесправных «говорящих животных», власть рабовладельца над которыми ничем не ограничена. Возлагая на покоренные общины те или иные повинности, присваивая себе таким путем часть труда членов этих общин, община-победитель не покушалась на социальную и экономическую жизнь побежденной общины в целом, не включала ее членов полностью в сферу экономики своего общества, как это происходило с рабами. Однако здесь уже имелись предпосылки для дальнейшего развития рабовладения.

С другой стороны, — и этот аспект развития рабовладельческих обществ представляет для нашей темы непосредственный интерес — основная масса рабов комплектовалась в результате военных походов рабовладельческих государств Двуречья в более далекие страны, по преимуществу в примыкавшие к ним с севера горные районы Северной Месопотамии. Такие походы не преследовали целей покорения этих стран и подчинения их себе, как это происходило, например, в приводившемся выше случае покорения Кишем Урука. Задача их была совсем иная: добыть из района военного похода максимальное количество материальных ценностей, отнимавшихся насильно у местного населения, и увести часть этого населения в рабство.

Так по мере роста рабовладельческого уклада в недрах родового строя, по мере превращения его в рабовладельческую формацию на смену многочисленным мелким городам-общинам в Двуречье складывались крупные рабовладельческие государства. Процесс этот привел еще в III тысячелетии до н. э. к образованию Шумерского государства, имевшего уже ярко выраженный классовый характер. В связи с проникновением в Двуречье семитов здесь возникает Аккадское государство, объединенное при Саргоне в одно целое с Шумером. История возникновения и развития этих рабовладельческих государств Двуречья нас интересует лишь постольку, поскольку они затрагивают, хотя бы косвенно, жизнь горных районов Северной Месопотамии.

С этой точки зрения наше внимание привлекает легендарная биография самого Саргона. Интересна она не потому, что в своей легендарной части совпадает со столь же легендарными биографиями ряда мифических и исторических деятелей древности.⁴⁹ Это вполне естественно. Было бы гораздо удивительнее, если бы она с ними не совпадала, если бы отходила от трафарета, столь характерного для древнего искусства — от литературы до живописи и скульптуры. Интересна эта биография тем, что сквозь трафарет проглядывают черты, характерные не только для самого Саргона, но и для всей эпохи, когда элементы старого родового уклада своеобразно переплетались с элементами нового рабовладельческого уклада.

К-15604

Саргон, по этой легенде, не наследственный владыка Аккада, он даже не царского рода. «Мать моя была бедна. Отца я не ведал, брат моей матери обитал в горах. Зачала меня мать, родила меня в тайне, положила в тростниковую корзину, вход замазала смолой и пустила по реке», говорит о своем происхождении Саргон. Откинем в сторону явно легендарную тростниковую корзину и другие трафаретные моменты и получим весьма реалистическую и правдоподобную картину: Саргон происходит из бедного племени, в котором существует такой общественный строй, при котором сын знает свою мать и ее родственников с материнской стороны, в первую очередь — брата своей матери, но не знает своего отца. Племя это живет в горах, недалеко от течения такой реки, по которой можно добраться до южного Двуречья, т. е. по течению Тигра или одного из его притоков. Следовательно, племя, из которого происходил Саргон, обитало в горных районах Северной Месопотамии. Другие дошедшие до нас исторические предания повествуют, что карьеру свою Саргон в молодости начал как садовник или виночерпий, т. е. вероятнее всего был рабом одного из царей Киша, а впоследствии сам сделался царем основанного им Аккада.⁵⁰

Следовательно, независимо от того, в какой мере изложенные в легенде факты относятся к самому Саргону (да это, в сущности, и не столь интересно, поскольку нас интересуют не биографии царей, а биографии тех, на кого они распространяли свою власть), неоспоримо одно: с точки зрения авторов этой легенды было вполне нормальным, вполне естественным, что лицо, объединившее под своей властью все Двуречье, по происхождению является рабом, родом из одного из автохтонных племен, населявших горные районы Северной Месопотамии. Сейчас трудно решить, когда родилась эта легенда и в какой мере она применима к Саргону, но что она отражает картину, близкую к действительному положению вещей, — в этом нельзя сомневаться, если вспомнить нашествие на Двуречье кутиев, о чем речь будет ниже.

Возвращаясь к Саргону, отметим важные для нас характерные черты созданного им объединенного Шумеро-Аккадского государства. Если до Саргона военной силой рабовладельческих государств были ополчения свободных общинников, то Саргон впервые в истории создает профессиональное войско — постоянную армию довольно внушительных по тому времени размеров; численность армии Саргона, всецело зависящей от царя, достигала 5400 воинов. Для того чтобы представить себе значение этой цифры в ту эпоху, напомним, что численность полноправных граждан Лагана в XXV веке до н. э. составляла примерно 3600 человек. Не случайно поэтому с правлением Саргона связано значительное расширение ирригационных работ, ведущихся по преимуществу рабами; при этом, что опять-таки весьма характерно, вся ирригационная система страны при Саргоне начинает регулироваться государством.

Расширение ирригационных работ требовало увеличения числа рабов, т. е. увеличения грабительских походов в другие страны. И действительно, войска Саргона, состоявшие из регулярных воинов и общинных ополчений, совершают, как свидетельствуют сохранившиеся по случайной случайности надписи ныне разрушенного Наппурского храма, значительные походы в область среднего течения Евфрата, в Сирию, в горы Тавра, в Элам. Дошедшие до нас исторические легенды говорят о походах Саргона в центральные и восточные районы Малой Азии. «С обширнейшей периферии рабовладельческое Двуречье стягивает к себе военнопленных, товары, добычу — продукты труда и живую рабочую силу многих народов», — так характеризует результаты этих походов войск Саргона «Всемирная История».⁵¹

Вместе с тем идущее бок о бок с увеличением объема рабского труда увеличение накопленных и награбленных богатств приводило к расширению торговых связей Двуречья с соседними странами, в том числе и с горными районами Северной Месопотамии. Это, в свою очередь, вызывало первые симптомы разложения господствовавших здесь родоплеменных отношений, поскольку торговля, по словам К. Маркса, повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах направлены главным образом на производство потребительной стоимости.⁵² Конечно, таким путем в интересующую нас эпоху разложение старого строя не могло пойти далеко, поскольку сам этот способ производства и порожденный им общественный строй были еще достаточно сильны, еще таили в себе значительные возможности дальнейшего развития. Однако все возрастающая внешнеторговая деятельность рабовладельческих обществ Двуречья, бесспорно, ускоряла, расширяла этот процесс, приведший через несколько столетий к образованию рабовладельческих обществ на территории Северной Месопотамии и являвшийся в чистом виде непосредственным результатом первого крупного общественного разделения труда между пастухами и земледельцами, а в конкретных условиях Северной Месопотамии — между населявшими высокогорные районы кочевниками и обитавшими в долинах оседлыми, т. е. того разделения труда, из которого возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых.⁵³ Следовательно, прогрессивная сторона рабовладельческого строя начинает сказываться в Северной Месопотамии намного позднее того, как население этого района уже со всей силой ощущало обратную сторону рабовладения — жесточайшую эксплуатацию и обнищание широких народных масс.

С этим вопросом тесно связан и другой: каково было положение той части автохтонного населения Северной Месопотамии, которая насильственно угонялась в полон в рабовладельческие районы Двуречья? Она, эта многочисленная «живая добыча» грабительских походов, оказывалась насильственно вырванной из привычных для нее условий общественной и экономической жизни родового строя и включенной в качестве непосредственных производителей материальных благ. Акад. В. В. Струве путем анализа шумерских документов III тысячелетия до н. э., относящихся к положению захваченных в полон женщин,⁵⁴ убедительно показал, в каких ужасающих условиях оказывались полонянки, в том числе и принадлежащие к исконному населению горных районов Северной Месопотамии,⁵⁵ попав в сравнительно привилегированный лагерь для военнопленных, находившийся в ведении царских чиновников. «Ужасающая смертность в лагере военнопленных женщин, — пишет акад. В. В. Струве, — продолжавшаяся, как я установил, в течение ряда месяцев, свидетельствует со всей определенностью о тех тяжелых условиях, в которых пребывали эти несчастные, вырванные войной из своей родной среды». О жестокости классового гнета в шумерийском обществе свидетельствует и тот факт, что одни и те же термины используются шумерийскими писцами и в применении к падежу скота, и в применении к смерти этих военнопленных рабынь. Бесконечное презрение к рабу со стороны рабовладельческого класса в шумерийском обществе нашло свое яркое выражение в том, что в древнюю эпоху шумерийский язык разделял мир явлений на два класса — класс лиц и класс вещей, а в последний включал наряду со скотом, также и рабов.⁵⁶

Можно привести множество фактов, умозаключений, выводов, цитат, доказывающих бесспорную прогрессивность рабовладельческого строя

перед предшествовавшими ему родоплеменными отношениями в самых различных аспектах. Можно даже доказать, что в период расцвета рабовладения любой член общества, не имевший рабов, пытался любыми способами сделаться рабовладельцем. Одного лишь никогда не удалось бы доказать — прогрессивности рабовладельческого строя для самих рабов, для тех людей, потом и кровью которых создавались все материальные и духовные ценности древнего мира. Пока рабы оставались рабами, — а они ими были не только потому, что принадлежали к угнетенному классу, но и по сословным причинам,⁵⁷ — рабовладельческий строй всегда был для рабов шагом назад по сравнению с тем состоянием, в котором они находились до обращения в рабство. Вполне понятны поэтому и ненависть рабов к строю, полностью лишившему их всех человеческих прав, и стремление их вернуться к своему прежнему положению, к положению человека, а не раба. Вот почему рост и укрепление рабовладельческого строя всегда сопровождаются ростом антирабовладельческих движений. Не случайно на последние годы правления Саргона приходится два крупных восстания низов рабовладельческого общества, жестоко подавленных усилившейся диктатурой рабовладельцев.⁵⁸

Поскольку уже в это время, а тем более позднее, основную массу рабов в рабовладельческом Двуречье составляли пленники из Северной Месопотамии и прилегающих горных районов (население которых также сильнее ощущало отрицательные стороны рабовладения, чем положительные), постольку вполне естественно, что и идеологически⁵⁹ и политически антирабовладельческие движения рабов совпадали с движениями этого населения против грабительской экспансии рабовладельцев в их земли.⁶⁰

Как ни скуден дошедший до нас материал, рассказывающий об исторической жизни Двуречья и прилегающих районов в древнейшие эпохи процесса становления и развития рабовладельческих обществ, как ни искажены в нем сообщаемые события, передаваемые в интерпретации господствующего класса, тем не менее имеются все основания утверждать, что процесс этот происходил далеко не гладко и что усиливавшиеся по мере его роста движения рабов и населения варварской периферии, в первую очередь горных районов Северной Месопотамии, неоднократно ставили под угрозу само существование рабовладельческих государств Двуречья.

Наиболее, пожалуй, крупным из числа таких движений, оставившим заметный след в истории не только Двуречья, но и Северной Месопотамии, было движение племен кутиев, приведшее около 2200 г. до н. э. к завоеванию ими Двуречья. Сохранявшаяся более шести десятков лет власть кутиев над государствами Двуречья была уничтожена только после того, как кутии были разбиты Утхегаем, царем рабовладельческого государства-города Урука.

То, что движение кутиев, во всяком случае в начале его, носило антирабовладельческий характер и было связано с движением происходящих из тех же племен рабов в городах Двуречья, признается всеми исследователями. Столь же бесспорно и то, что движение кутиев и их победы над государствами Двуречья серьезно ослабили и временно подорвали мощь рабовладельческой знати. Именно поэтому дошедшие до нас исторические памятники, отражающие точку зрения рабовладельческой знати Двуречья на движение кутиев, полны острой, неприкрытой ненависти к напавшим на Двуречье кутиям. Племена кутиев в этих источниках именуются «драконом гор, врагом богов».⁶¹ Кутии обвиняются в том, что они унесли в горы «царственность Шумера», наполнили Шумер враждой, «возбудили вражду и насилие по всей Стране (Kalam)», как именовалось по-шумерски все Южное Двуречье в целом. И. М. Дьяконов совершенно прав, утверждая, что эти слова из надписи ожесточенного врага кутиев

Утехегалия нельзя понимать иначе, как то, что кутии своими действиями поднимали один класс населения Двуречья против другого, поскольку именно в это время «происходит значительное усиление рабовладельческой эксплуатации, а широкие массы свободных политически угнетаются усиливающейся деспотической властью царей. . . В этих условиях вполне вероятно, что угнетенные массы Аккадского государства могли воспользоваться кутийским вторжением для того, чтобы сделать попытку к своему освобождению».⁶²

Как и в многочисленных аналогичных случаях, стоящие на более низком культурном и социальном уровне кутии, подчинив себе более развитое Двуречье, сохранили существовавший там государственный и общественный строй, и даже, опираясь на низы тогдашнего общества, осуществляли свое владычество над страной, по-видимому, не непосредственно, а через своих ставленников из числа находившихся в оппозиции к Аккаду властителей рабовладельческих государств-городов Двуречья. Как это показал в своем интересном исследовании В. К. Шилейко,⁶³ наиболее крупным из числа таких властителей, подчинившихся кутиям и правивших от имени последних, был патеси (царь) города Лагаша Гудеа, власть которого распространилась над значительной частью Двуречья, в силу чего Гудеа титуловал себя не только царем Лагаша, но и «благим пастырем Страны». Следовательно, поскольку Гудеа наряду с этим платил дань кутиям, он, как и его предшественник и преемник, были наместниками кутиев в Двуречье.⁶⁴ То обстоятельство, что Гудеа вел большие строительные работы в Лагаше и в Уре, на которые привлекались рабочие из далекого Элама и привозились строительные материалы и с берегов Персидского залива, и со среднего течения Евфрата, и из Ливана, и даже, возможно, из Аравии и Северной Сирии, показывает, что Гудеа осуществлял власть кутийского наместника не без выгоды для себя, а также и то, что доходы кутиев с Двуречья были, по-видимому, не так уж малы.

Хотя современные источники и говорят о том, что вторжение кутийских племен сопровождалось разрушением городов, грабежами и разорением населения, а также храмов и храмовых богатств,⁶⁵ тем не менее вряд ли можно рассматривать шестидесятилетнее господство кутиев над Двуречьем как время сплошного упадка Шумера. Помимо уже приводившихся выше фактов крупного строительства в Лагаше и Уре, следует отметить, что именно на эту эпоху приходится начало расцвета шумерской литературы и искусства.⁶⁶

Одним из проявлений ненависти рабовладельческой знати Двуречья к кутиям и их ставленникам является такой характерный факт: при составлении уже после кутийского нашествия царских списков из них была изъята династия царей Лагаша, к которой принадлежали Гудеа, его предшественник Ур-Бау и его преемник Наммахани, бывшие кутийскими наместниками Двуречья. С другой стороны, — и это хотя бы косвенно свидетельствует о том, что нашествие кутиев совпадало по времени с антирабовладельческими движениями низов населения Двуречья, — сам Гудеа в своих надписях заявляет, отдавая, так сказать, дань времени, что он де «стремился защищать слабых, сирот и вдов от посягательств сильных». Известно также, что во время народных празднеств, связанных с сооружением храма одному из лагашских божеств, в правление Гудеа не только предоставлялась защита должникам от кредиторов и облегчалась судьба подсудимых, но и рабы получали некоторую свободу и, в частности, избавлялись от наказания. По-видимому, во всяком случае в начале кутийского завоевания Двуречья, наблюдается некоторое ослабление рабовладельческого строя, некоторое облегчение участи рабов. Однако, покорив страну и, возможно, освободив своих находившихся

в рабство соплеменников, кутии, как уже отмечалось выше, не стали изменять существовавший в Двуречье общественный строй классового общества, предпочитая управлять страной при помощи наместников и ограничиваясь взиманием с нее палого. Нельзя не согласиться с И. М. Дьяконовым, когда он пишет: «Если вначале кутийское завоевание могло быть поддержано народными массами Двуречья, то далее, кажется, кутийская знать превратила все предприятие в погоню за захватом богатств. Этим объясняется разграбление городов Двуречья, этим же объясняется и передача Двуречья в руки шумеро-аккадской знати, которая могла оплатить предоставленную им власть наиболее богатой данью. Племенная знать кутиев стала быстро срастаться с верхушкой шумеро-аккадских рабовладельцев, угнетая народные массы Двуречья и предавая интересы самих кутийских племенных масс, на которых она лишь навлекла ненависть покоренных. В результате кутии были отброшены обратно в горы. . . и весь почти столетний эпизод кутийского владычества в Двуречье остался лишь эпизодом, не имевшим особо сильного влияния на развитие общества на родине кутийских племен».⁶⁷

Действительно, В. К. Шилейко в своей монографии убедительно доказал, что владычество кутийских родоплеменных вождей над Двуречьем приобрело вскоре прочный характер и правители шумерских городов уже в то время, когда во всей стране господствовал полный мир, посылали кутийским завоевателям довольно значительную по своим размерам дань.⁶⁸ Сами кутийские цари вскоре начинают хотя бы внешне «аккадизироваться», подражают в своей титулатуре владыкам Шумера и Аккада, сооружают по примеру своих предшественников падиши в шумерских храмах, присваивают себе аккадские или хотя бы по форме аккадизированные имена.⁶⁹

Сохранившийся до наших дней список царей Шумера, составленный вскоре после падения власти кутиев, включает в себя также и список царей кутийской династии. Этот перечень кутийских царей с указанием сроков их правления дошел до нас в нескольких дефектных редакциях; он дал И. М. Дьяконову повод для остроумной гипотезы о том, что правители кутиев были не наследственными царями, а избирались на определенный срок.⁷⁰ Соображения И. М. Дьяконова в основном построены на том, что перечисленные в списке кутийские «цари» правили обычно по 5—6 лет или того меньше, в начале же списка стоит фраза, читаемая в одном из вариантов: «племя кутиев не имело царя», что, по мнению И. М. Дьяконова, дает достаточный повод для предположения, «что цари или, вернее, военные вожди кутиев, как это обычно и бывало в первобытном обществе, выбирались на определенный срок. Поэтому-то, хотя «племя кутиев не имело царей», можно было все-таки привести поименно его «царей», т. е. выборных вождей племени или племенного союза».⁷¹ Несмотря на внешнюю аргументированность, соображения И. М. Дьяконова кажутся мне малоубедительными ввиду следующего: во-первых, в списке перечисляются не вообще вожди кутийских племен, а те из них, которые после кутийского завоевания стали владыками, царями покоренного ими Двуречья. Это все-таки не что иное, как список царей кутийской династии. Поэтому помещение в начале его фразы о том, что племя кутиев царя не имело, бессмысленно с точки зрения автора списка, ставившего себе целью возвысить идею извечности деспотической государственной власти и потому, ради создания видимости непрерывной линии царей в Двуречье, включившего в список и правивших страной кутийских вождей. Думать, что этой фразой автор списка хотел подчеркнуть принципиальную разницу между родоплеменными вождями кутиев и владыками классового рабовладельческого Двуречья, — значит предполагать у автора зачатки

взглядов, близких к историческому материализму, что, конечно, вполне бессмысленно. Мне думается, безусловно прав Т. Якобсен, который после анализа сохранившихся вариантов списка считает более правильным иное чтение той же фразы: «... (у) племени кутиев царь, не имеющий имени», ⁷² т. е. — бесславный, опозоренный. Такое чтение, подтверждаемое в известной мере сохраняемой по сей день традицией опозоривания врага (ср. курдск. *бе нам* 'без имени', 'бесславный'), понятнее в устах автора, стоящего на идеологических позициях рабовладельческой знати Двуречья, резко отрицательно относившейся к кутийскому завоеванию. Если, как указывалось, кутиев современные им источники именуют «драконами гор и врагами богов», а их страну «обиталищем чумы», то вполне закономерно, что вождь завоевавших и разграбивших Двуречье кутиев награждается далеко не лестным эпитетом «бесславный». Другое дело — правившие после него кутийские цари, довольно быстро к тому же «аккадизировавшиеся». Власть их над Двуречьем с точки зрения рабовладельческой знати была уже вполне легализована хотя бы тем, что они не завоевывали Двуречье и правили страной через посредство наместников из числа местных правителей, управлявших областями Двуречья и взимающих с населения налоги именем новых владык. Поэтому вполне естественно, что по отношению к ним не было основания применять столь нелестный эпитет и они уже перечисляются в списке поименно.

Во-вторых, если вполне допустимо, что у племени кутиев могли быть выбиравшиеся на определенный срок племенные вожди, то трудно предположить, что этот срок мог меняться, а тем более сокращаться; скорее можно допустить обратное: по мере приобретения этими вождями качеств верховных правителей покоренного кутиями Двуречья первоначально выборная власть главы племени начала превращаться в наследственную.

В-третьих, если выборные вожди могли находиться во главе племени кутиев, то значительно менее вероятно, что такие выборные вожди могли быть во главе крупного союза племен, объединившего для отпора рабовладельческой экспансии и нападения на Двуречье большую часть горных племен Северной Месопотамии и прилегающих к ней горных областей. А ведь именно такую картину рисует И. М. Дьяконов: «По-видимому, вождям кутиев удалось сплотить для нашествия на Аккад целый значительный племенной союз». ⁷³ Сколачивание таких крупных межплеменных объединений, даже в случаях выборности главы господствующего племени, обычно связано с тем, что во главе этих объединений, носящих, как правило, не экономический, а военный характер, становится пользующийся наибольшим авторитетом вождь господствующего племени, власть которого в этом случае имеет если не наследственный, то хотя бы пожизненный характер. Выборным в таких крупных военно-племенных конфедерациях бывает не верховный глава объединения, а военный вождь, обычно избираемый из состава родоплеменной верхушки, но не на определенный срок, а на все время военных действий. Стало быть, если мы даже и допустим (для чего у нас, впрочем, нет никаких оснований), что имеем дело со списками не царей кутиев, а военных вождей племенных ополчений, то и в этом случае они не избирались на равные сроки. Да и вообще точная фиксация срока полномочий выборных должностных лиц характерна для современных типов демократии высокоразвитого классового общества, а не для родоплеменных отношений, где этот срок определяется не абстрактно, а необходимостью и целесообразностью пребывания выборного лица в данной должности.

Следовательно, для выводов, делаемых И. М. Дьяконовым из рассмотрения сроков царствования указываемых в списке кутийских царей, нет достаточных оснований. Мне думается, что большое количество имен перечисляемых списком кутийских царей и соответственно краткие сроки

царствования большинства из них, возможно, объясняются тем, что составители списка стремились включить в него все известные им имена кутийских правителей и военачальников, осуществлявших господство кутиев над Двуречьем. Возможно, мы имеем дело с контаминацией нескольких списков, составленных в разных пунктах Двуречья. Можно привести еще несколько столь же правдоподобных объяснений отмеченной И. М. Дьяконовым необычной краткости и относительной равномерности сроков правления большей части кутийских царей, но все эти объяснения, не подкрепленные дополнительно фактами, останутся всего лишь более или менее лишенными убедительности гипотезами.

Гораздо более продуктивна приводившаяся выше мысль И. М. Дьяконова о том, что для нашествия на Аккад вождям кутиев пришлось сколотить значительный племенной союз. Дело в том, что, как это убедительно показывает в своей работе И. М. Дьяконов, кутии в момент их появления на исторической арене представляли собой группу родственных племен, стоявших на довольно высокой ступени развития патриархально-общинных отношений и обладавших развитыми формами родоплеменной структуры. Кутиям было уже известно домашнее рабство, и можно предполагать, что кутийская родоплеменная знать начала обособляться от массы соплеменников. Иными словами, кутии уже приближались к той грани, на которой начинается классовое расслоение, возникает классовое общество. Как известно, именно на этой стадии развития общественных отношений мы наблюдаем обычно довольно быстрый рост культуры. И действительно, те немногочисленные предметы материальной культуры, которые дошли до нас и могут быть идентифицированы с кутиями, представляют значительный художественный интерес. Наши данные о языке, духовной культуре, религиозных представлениях кутиев не настолько еще полны, чтобы можно было дать хотя бы краткую характеристику культурно-этнического облика кутиев. Однако и этих скудных данных достаточно для утверждения, что, несмотря на бесспорные связи кутиев с другими автохтонными племенами горной части Малой Азии, Закавказья и Западного Ирана, кутийские племена представляли собой в известной мере обособленную в языковом, этническом и культурном отношении группу местного населения и что во многих случаях близость кутиев к другим этническим или языковым группам объясняется не генетической, а типологической общностью.

В таком крупном предприятии, как поход на рабовладельческое Двуречье, участвовали, конечно, не одни только кутийские племена, а и значительная часть горных племен Северной Месопотамии и прилегающих районов. Это объединение, возглавлявшееся кутиями, было значительно пише, чем союз родственных племен; оно представляло собой мощную конфедерацию автохтонных племен горцев, независимо от их языковой и этнической принадлежности. Таким образом, термин «кутии» приобретает к моменту завоевания Двуречья еще одно значение: он становится если не самоназванием, то во всяком случае названием всей возглавлявшейся кутиями конфедерации горских племен.

Обширный фактический материал, выбранный И. М. Дьяконовым из письменных источников, с полной убедительностью доказывает, что именно это второе, более широкое использование термина «кутии» — со значением «племена, жившие к северо-востоку и востоку от Ассирии».⁷⁴ — сохраняется в течение длительного времени после того, как возглавляемая кутиями конфедерация племен была изгнана из Двуречья войсками Утехегала.

Если сохранялось название созданной кутиями конфедерации горских племен, то в той или иной форме должна была сохраниться и сама конфедерация. Действительно, явные следы ее обнаруживаются

И. М. Дьяконовым еще в начале I тысячелетия до н. э., когда, с одной стороны, термин «кутии» уже перестал быть «конкретным обозначением реального народа», но, с другой стороны, хорошо знавшие племенной и этнический состав района ассирийские писцы четко отличали племена «кутиев» от «мадай», т. е. от племен, входивших во вновь возникшую мидийскую конфедерацию,⁷⁵ в состав которой, в частности, как это устанавливается И. М. Дьяконовым, входили и «кутии», т. е. некоторые автохтонные племена этого района, ранее входившие в кутийскую конфедерацию.⁷⁶

Какова же была судьба основателей кутийской конфедерации, кутиев в узком смысле слова? По-видимому, они разделили обычную судьбу всех племен, становившихся во главе крупных, военного типа конфедераций племен. Завоевание Двуречья поставило племя кутиев в привилегированное положение, превратив их в фактических хозяев страны. Неудивительно, что это, по-видимому, небольшое по численности племя начало быстро аккадизироваться, пытаясь войти в систему рабовладельческого общества и тем самым ослабляя свои связи с остальными племенами возглавляемой ими конфедерации, на военную мощь которых они опирались.⁷⁷ Если завоевание кутиями Двуречья в известной мере может быть объяснено военным и политическим ослаблением рабовладельческих государств Двуречья в этот момент, то разгром кутиев войсками Утехегаля и изгнание их из Двуречья в такой же мере свидетельствуют об обратном: о том, что к этому времени авторитет кутиев в возглавлявшемся ими союзе горских племен ослаб настолько, что кутии в решительный момент уже не смогли опереться на его военную мощь. Можно предполагать, что изгнанные обратно в свои горы, кутии уже не смогли сохранить за собой господствующее положение в созданной ими конфедерации, уступив это место другому племени, а сами, как обычно бывает, превратились в одно из мелких племен, постепенно растворившихся впоследствии среди более мощных и более молодых племен, пришедших им на смену.⁷⁸

Вот почему, когда крупнейший курдский историк проф. Амин Заки⁷⁹ и профессор Пенсильванского университета Е. А. Шпейзер⁸⁰ видят в кутиях предков нынешних курдов, то это нисколько не противоречит мнению И. М. Дьяконова о том, что племена кутиев приняли участие в формировании мидийского этноса. Если речь идет о кутиях в узком значении термина, то непосредственные дериваты этого давно уже исчезнувшего племени вряд ли можно обнаружить не только у нынешнего населения Ближнего Востока, но и тогда, когда память о нем еще сохранялась в исторической традиции. Если же речь идет о племенах, входивших в созданную кутиями широкую конфедерацию, то в этом случае вопрос в конечном счете сведется к роли местного субстрата в языке, этносе и культуре народов, сложение которых связано с экспансией ирапо-индийских этнических групп в горные районы Малой Азии, Закавказья и Западного Ирана. Выяснению этого вопроса и посвящена следующая глава.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Выяснение ряда существенных проблем этногенеза народов Передней Азии связано с разрешением слабо еще освещенного вопроса о том, как и когда происходил в горных районах процесс выделения пастушеских племен из основной массы варваров. В целом проблема отделения скотоводства от земледелия была поставлена Ф. Энгельсом и решена им на материалах наиболее распространенной, классической, так сказать, формы скотоводства в равнинных и степных местностях, характерной для сложения и развития пастушеских племен арийцев, семитов и туранцев.¹ Здесь сами географические условия — бескрайние просторы равнин и в особенности степей — способствовали сложению передвигающихся на многие сотни километров мобильных племен скотоводов-номадов, нашествия которых сыграли впоследствии столь крупную роль в исторической жизни многих культурных земледельческих районов.

Эта классическая форма скотоводства, связанная с особенностями равнинного, «горизонтального» кочевания, существенно отличается от характерного для горных местностей горного, «вертикального» кочевания.² В горных условиях земледелие обычно развивается в плодородных долинах в нижней части горных склонов, а для выпаса стад наиболее пригодны альпийские пастбища, расположенные в верхней части. Сами природные условия ограничивают в горах ареал перекочевок почти неизменяемыми маршрутами, обычно не превышающими нескольких десятков километров. Те же природные условия — суровый высокогорный климат с обильными зимними снегопадами — делают обязательным отгон стад на зимнее время в обладающие более мягким климатом долины, где кочевники-скотоводы проводят несколько зимних месяцев бок о бок с оседлыми земледельцами. Уже в силу этого экономические, культурные, политические и тому подобные связи между кочевниками и оседлыми в горных местностях значительно более тесны, нежели между кочевым и оседлым населением равнин. В горах скотоводы-кочевники, как правило, не порывают окончательно с земледелием, а оседлые земледельцы — со скотоводством. Понятно, что в горных условиях процесс выделения пастушеских племен должен был протекать в иных формах, нежели на равнинах, где складывались «классические» племена скотоводов-номадов.

Первая серьезная попытка выяснить и охарактеризовать особенности развития скотоводства и выделения пастушеских племен у горных народов древности принадлежит Б. Б. Пиотровскому. Опираясь на анализ обширного фактического материала древнейших периодов истории Закавказья и прилегающих к нему с юга горных районов, а также на исследования значительного количества советских и зарубежных ученых, Б. Б. Пиотровский приходит к ряду весьма важных и имеющих принципиальное значение выводов о специфических формах развития скотоводства в горных условиях в древности.

Вместе со всеми исследователями древнейших периодов исторической жизни в горных районах Передней Азии Б. Б. Пиотровский считает, что появление скотоводства в Закавказье, как и в других горных районах Передней Азии, следует отнести к чрезвычайно отдаленному времени, во всяком случае к периоду, лежащему за пределами известной нам энеолитической культуры.³ В эпоху энеолита, как мы видели и как это подтверждается обширным и разнообразным материалом, для хозяйственной жизни племен, населявших горные долины, характерно обязательное сочетание земледелия со скотоводством.⁴ На этой стадии развития хозяйственной жизни скотоводство еще не противопоставляется земледелию, а вместе с ним противостоит хозяйственной деятельности более отсталых племен охотников-собирателей, бродивших небольшими группами в обширных лесных массивах по склонам гор. Даже тогда, когда скотоводство, дающее больший экономический эффект, чем примитивные формы горного земледелия, начинает играть ведущую роль и охраняемые собаками стада начинают отгоняться на удаленные от поселений горные пастбища,⁵ мы все еще наблюдаем сочетание скотоводства и земледелия в хозяйственной жизни населявших горные долины племен. Именно эту, предшествующую выделению пастушеских племен стадию развития скотоводства имел в виду Ф. Энгельс, когда он говорил о начинающемся на средней ступени варварства разделении труда между пастушескими народами и «отсталыми племенами, не имеющими стад».⁶ Явление это, характерное, по-видимому, для всех народов на ранней стадии развития скотоводства и земледелия, имеет в горных местностях ту особенность, что одновременное развитие в горных долинах скотоводства и земледелия продолжает сохраняться не только на всем протяжении родового строя, но и в классовом обществе.⁷

Вместе с тем в эпоху ранней бронзы, т. е. примерно к концу III тысячелетия до н. э., когда сложившиеся в Двуречье первые рабовладельческие государства уже оказывают достаточно сильное влияние на горную варварскую периферию, роль скотоводства в хозяйственной жизни горных районов возрастает настолько, что наблюдается постепенная имущественная дифференциация племен: у наиболее богатых скотом племен накапливаются значительные богатства, которые становятся не только объектом грабежа во время походов войск рабовладельческих государств, но и средством обмена во все растущих торговых связях со странами Передней Азии.⁸ В этой связи Б. Б. Пиотровский воссоздает картину, очень близкую той, которую мы наблюдали, рассматривая скудные сведения о кутях: «Наиболее богатое племя выдвигается во главу союза племен, приобретая особое положение. Имущественное неравенство начинает оформляться и внутри самого племени, так как крупные материальные ценности скоплялись в руках вождей племени и их рода, что отражается в роскоши и богатстве отдельных погребений».⁹

Б. Б. Пиотровский связывает этот процесс со все возрастающим освоением горных долин высокогорных альпийских пастбищ, что связано, в свою очередь, не только с умножением поголовья скота, но и увеличением роли отгонного скотоводства. Вполне естественно, что процесс этот связан и с тем, что «непрерывная борьба за скот и пастбища, а также грабительские набеги приводят к усилению враждебных отношений между племенами и к постоянным военным столкновениям».¹⁰

Весьма существенно, что освоение новых пастбищ, так же как и расширение площади пригодных для земледелия земель, шло еще и за счет уменьшения лесных массивов,¹¹ причем значительно большее значение для уничтожения лесов имело скотоводство, особенно разведение мелкого рогатого скота — коз и овец, выкорчевывающего подлесок и уничтожающего молодую поросль. Я думаю, что уменьшение площади лесных мас-

сивов связано в известной мере с переходом к земледельческим и скотоводческим формам хозяйствования части племен лесных охотников-собираателей. Косвенным доказательством этого может служить то обстоятельство, что культ священных деревьев, в особенности священных дубов, рудиментарно сохраняется не только у оседлого курдского населения, но и у курдов-кочевников.¹² По-видимому, в связи с освоением новых пастбищ и сведением лесов стоит и отмечаемое Б. Б. Пиотровским в начале I тысячелетия до н. э. усиление значения охоты, стоявшее, по его мнению, в связи с полукочевым скотоводством.¹³

Уже появление новых скотоводческих племен из числа недавних бродячих охотников-собираателей, не связанных с земледельческой деятельностью, развитие которой к тому же в лесистых районах горных склонов представляло больше трудностей, чем в долинах, приводило к выделению чисто скотоводческих племен, не спускавшихся на зиму в населенные земледельцами долины и проводивших этот период в лесах.¹⁴ Но количество таких пастушеских племен было, по-видимому, невелико, да к тому же это были только еще осваивающие новую для них форму хозяйственной деятельности, а потому бедные скотом племена, в ту эпоху еще не имевшие серьезного значения в общей массе горных племен. Для основной же массы населения горных районов, как утверждает Б. Б. Пиотровский, «археологический материал, характеризующий основные черты хозяйства Закавказья (а следовательно, и близких к нему по характеру развития соседних районов на стыке горных систем Малой Азии, Ирана и Кавказа, где, впрочем, аналогичные процессы протекали несколько раньше, чем в Закавказье, — *О. В.*) эпохи бронзы, преимущественно первых трех веков I тысячелетия до н. э., отчетливо показывает, что во всем Закавказье земледелие сочеталось с полукочевым скотоводством, получившим значительное развитие. Использование горных пастбищ представляло в условиях того времени неограниченные возможности для роста скотоводства, количественного увеличения стад. Скот стал основным богатством первобытных общин, предметом накопления и обмена».¹⁵

Таков был общий путь развития скотоводства в горных районах, где сами географические условия способствовали продолжению связи скотоводства с земледелием, привязывали кочевника с его минимальным ареалом перекочевок к земле, не давали ему возможности превратиться в номада. Даже лошадь, сыгравшая столь крупную роль в длительных передвижениях степных кочевников, в горных условиях отнюдь не увеличивала мобильности кочевника, не помогала ему выйти за пределы своего, как всегда в горах, крайне небольшого, очерченного природными границами микрорайона. «Верховой конь, — как совершенно правильно считает Б. Б. Пиотровский, — служил целям постоянных связей летних пастбищ, кочевок, расположенных в горах, с основными поселениями».¹⁶

Однако этот столь типичный для горных местностей путь развития скотоводства параллельно с земледелием примерно с середины II тысячелетия до н. э. начинает нарушаться. С этого времени можно констатировать появление в горных районах Закавказья и прилегающих областей пастушеских племен, по-видимому, не связанных с земледелием. Б. Б. Пиотровский связывает это явление с дальнейшим ростом скотоводства, что приводит, по его мнению, к возникновению полукочевой формы скотоводства, с выгоном скота на летнее время на горные пастбища.¹⁷

Процесс этот, окончательно оформившийся в начале I тысячелетия до н. э., по мнению Б. Б. Пиотровского, и приводит в конечном счете к образованию пастушеских племен, т. е. к отделению скотоводства от земледелия, причем «скотоводческие племена, использовавшие высокогорные пастбища, были богаче, и они становились во главу союзов племен, уси-

ливая это крупное общественное разделение труда»;¹⁸ рост скотоводства содействовал также окончательному установлению патриархальных отношений.¹⁹

Такое объяснение вытекает из отрицания Б. Б. Пиотровским в данной работе значения миграций для Закавказья,²⁰ ввиду чего ему приходится сводить весь вопрос лишь к дальнейшему увеличению поголовья скота и использованию в связи с этим высокогорных альпийских пастбищ, хотя оба эти фактора, как мы видели, действовали и ранее.

Мне думается, что сами по себе эти два взаимосвязанных фактора не смогли бы привести к столь резкому размежеванию между земледельческими и скотоводческими племенами, к превращению последних в племена, занимавшиеся только скотоводством, к ликвидации этими племенами своих зимних земледельческих баз в плодородных долинах. Несомненно, увеличение поголовья скота приводило к освоению наиболее удобных для его выпаса альпийских пастбищ, расположенных выше линии лесных массивов, к появлению отгонного скотоводства; столь же несомненно, что отгонное скотоводство способствовало, в свою очередь, дальнейшему увеличению поголовья стада, в особенности стада мелкого рогатого скота. Однако в горных условиях все это могло привести лишь к некоторому увеличению маршрутов летнего кочевания, не настолько, впрочем, значительно, чтобы оно могло оторвать племена, занимавшиеся преимущественно скотоводством, от своих земледельческих баз в долинах, тем более, что к этому времени и само земледелие значительно прогрессирует, а начавшееся тогда же применение рабского труда делает земледелие не менее продуктивным, чем отгонное скотоводство. Обильный материал, начиная с классического описания Ксенофонтом хозяйственной жизни кардухов и других горных племен, свидетельствует, что даже при значительном развитии скотоводства автохтонные племена горцев не превращались полностью в кочевников, а сохраняли и развивали свою земледельческую базу.²¹

Следовательно, если в обширном горном районе на стыке горных систем Кавказа, Малой Азии и Иранского нагорья во II тысячелетии до н. э., где раньше, где позднее, появляются в значительном количестве пастушеские племена кочевников-скотоводов, резко противопоставлявшие себя остальной массе племен, занимавшейся земледелием в сочетании со скотоводством, если к тому же пастушеские племена начинают стремиться к власти над остальными племенами, то, безусловно, должны были существовать еще дополнительные внешние причины, заставлявшие пастушеские племена не использовать в качестве зимних баз плодородные горные долины. Процесс этот не мог быть связан с отмечавшейся выше трансформацией некоторых из населявших покрытые лесами горные склоны племен охотников-собирателей. Эти племена, не имевшие возможности спуститься в занятые более развитыми племенами горные долины, даже оставаясь в пределах лесной зоны, стремились к сочетанию скотоводства с экстенсивными формами земледелия. Кроме того, это были, как мы уже отмечали, относительно бедные скотом племена, не игравшие существенной роли в жизни края.

Каким же образом могли появиться в горных районах Малой Азии и Западного Ирана те богатые и сильные племена, которые заняли здесь господствующее положение и стремились распространить свою власть даже на население долин? Мне думается, что для объяснения этого факта мы должны обратиться к таким внешним причинам, имеющим непосредственное отношение к вопросам этногенеза не только в горной области, но и всего района Малой Азии и Западного Ирана в целом, как миграции. Вопрос о миграциях играет для древней истории Ближнего Востока настолько серьезную роль, что крупнейший знаток истории Древнего Востока

Б. А. Тураев считал возможным говорить в этой связи об «этнографических переворотах». По мнению Б. А. Тураева, само географическое положение культурных очагов малоазийской цивилизации таково, что мы наблюдаем здесь с древнейших времен «постоянное чередование вторжений новых рас, ассимиляций, перерывов, смен языков, смешения национальностей». ²² Еще древние, по справедливому замечанию Б. А. Тураева, считали, например, Вавилонию классической страной столкновения рас и смешения языков, что получило отражение в библейской легенде о вавилонском столпотворении.

Для древнего периода истории наиболее надежным, а часто и единственным источником для постановки и решения проблемы изменения этнического состава населения служат языковые данные, донесенные сохранившимися памятниками древней письменности. ²³ В этой связи понятно, что указанная проблема ставится и решается почти исключительно в отношении земледельческих районов, где в это время складывались и развивались рабовладельческие общества и государства. Так, развитие Хеттского государства и государства Митанни связывается наукой с появлением племен, говоривших на индоевропейских языках; с появлением семитических племен связывается возникновение и развитие Вавилона и Ассирии. Однако процесс этот не ограничивался только земледельческими областями долин, он касался в такой же мере и горных областей с преобладанием скотоводства в экономике местного населения.

Приблизительно со II тысячелетия до н. э. наблюдается все возрастающее продвижение в горные районы Северной Месопотамии и прилегающих к ней областей племен кочевников, стоявших примерно на одном уровне общественного развития с автохтонными племенами горцев-скотоводов. Однако новые племена обладали не только своими, отличными от автохтонного населения этническим обликом, языками и формами материальной и духовной культуры, но, самое главное, отличными от распространенных ранее в горах формами скотоводческого хозяйства и быта, выработанными в условиях кочевания на равнинных местностях. Это были пастушеские племена, стремившиеся путем захвата высокогорных альпийских пастбищ и пригодных для выпаса скота площадей в долинах приспособить привычные для них формы равнинного скотоводства к новым горным условиям. Именно они, эти прибывшие в край племена кочевников равнины, привели к окончательному разрыву между скотоводством и земледелием. Они же, подчиняя себе и сплачивая вокруг себя в союзы и конфедерации племена горцев-скотоводов, стремились распространить свою власть на земледельческие районы в долинах, где уже существовали рабовладельческие общества.

Характерным примером этого процесса, протекавшего в течение ряда столетий в горных районах Малой Азии и Западного Ирана и существенно изменившего социальный и этнический облик населения этих районов, может служить экспансия племен касситов из района первоначального обитания этой, по-видимому, автохтонной группы племен, населявшей горные районы, примыкавшие с северо-востока к Вавилону.

Письменные источники Древнего Востока не сохранили нам свидетельств о том, что касситы подверглись нашествию иноземных племен, но те же источники сохранили некоторое количество слов касситского языка. При этом касситские слова, которые идентифицируются с индийскими, могут служить свидетельством того, что в составе касситских племен с некоторого времени начинает играть ведущую роль племя, говорившее уже не на языке, близком языкам автохтонного населения Малой Азии и Западного Ирана, а на одном из индийских языков, т. е. пришлое племя. Ареал распространения индийских языков настолько удален от района обитания касситов, что можно с полной уверенностью утверждать, что

племя, принесшее в касситский язык индийскую лексику, принадлежало к числу пастушеских племен номадов равнины.

Хорошо известный захват касситскими племенами в 1518 г. до н. э. Вавилона и столетнее господство их над тогдашним центром рабовладельческого мира как будто повторяют нашествие кутийских племен на Двуречье. Однако это только внешнее сходство, вполне понятное, поскольку в обоих случаях мы имеем дело с нападением племен, живущих в условиях родоплеменного строя, на стоящие на более высокой ступени общественного и культурного развития классовые общества. Наряду с этим сходством имеется и существенное различие, позволяющее, на мой взгляд, понять социальную сущность этих двух нашествий горных племен на рабовладельческие общества долин.

Движение кутиев, как мы видели, находилось в непосредственной связи с движениями рабов, чем и объясняется его удача; сами кутии, хотя их родоплеменная верхушка и подверглась в конце концов аккадизации, предпочитали править Двуречьем через своих наместников из среды местных царьков и рабовладельческой знати. Касситы же в своем нападении на Вавилон не опирались на низы вавилонского общества, а воспользовались ослаблением царской власти в Вавилоне. Завоевав Вавилон, они сразу же полностью сомкнулись с господствующим классом, превратившись в его военное сословие.²⁴ Следовательно, в движении касситов отсутствуют те моменты, которые, придавая кутийскому движению народный характер, вызвали столь бурную и дружную ненависть к нему со стороны господствующего класса, чего не наблюдается в движении касситов.

В этническом отношении кутии изменяли состав населения Двуречья, попадая туда в качестве рабов, но нашествие их не принесло, по-видимому, существенных изменений в этой области; касситы же оказали влияние на этнический состав края именно во время своего господства над Вавилоном.

Однако, и это для нас имеет весьма существенное значение, касситы не только проникли в Вавилон, где они смешались с местным населением, но часть касситских племен направилась на север, в горные районы, населенные кутиями и родственными им автохтонными племенами,²⁵ неся туда те же элементы в части языка, материальной и духовной культуры, а главное в характере форм скотоводческого хозяйства и быта, о которых речь шла выше.

Той же причиной — проникновением племен номадов, говоривших на языках, близких к индийскому, — следует объяснить паличие индоевропейских, точнее индийских элементов в языке митаннийцев,²⁶ появление этих же элементов в речи хурритского населения Аррапхи.²⁷ По-видимому, в середине II тысячелетия до н. э. группа индоязычных пастушеских племен, связанных в области хозяйственной деятельности еще в районе своего первоначального обитания с коневодством и принесших с собой высокое искусство разведения и использования в хозяйстве и на войне лошадей,²⁸ проникла в области на стыке горных систем Малой Азии и Ирапа, распространяясь затем далее на запад, и оставила явственно ощущаемый след в среде не только оседлого земледельческого населения долин, но и автохтонных племен горцев-скотоводов. С экспансией индоязычных племен и связано, по-видимому, то окончательное отделение скотоводства от земледелия, которое наступает в горных районах Малой Азии как раз в это время, совпадая с отделением ремесла. Тем любопытнее, что в сложении курдского народа в более позднее время известную роль сыграли племена, говорившие на одном из индийских языков и сочетавшие в своей хозяйственной деятельности скотоводство с ремеслом.²⁹

Если основная масса индоязычных племен проникла, таким образом, в интересующие нас районы с востока, то с запада сюда же вскоре стали

устремляться племена, говорившие на несийском и других индоевропейских языках отличного от индийских типа. Эти племена, образовавшие после смешения с местным населением в западной части Малой Азии Хеттское государство, проникли в район р. Галиса, по-видимому, с севера. В пределах же восточной части Малоазийского нагорья позднее эти племена явятся существенным компонентом в этногенезе армянского народа.

Следовательно, проникновение индоевропейских элементов в горные области Малой Азии и Западного Ирана началось, во всяком случае, в первой половине II тысячелетия до н. э. Это проникновение не могло не оставить следов не только в языке, но и во многих других областях материальной и духовной культуры местного населения, в первую очередь, в появлении в крае новых форм кочевого скотоводства, не связанного с земледелием.

Эта существенная роль индоевропейских элементов в ранней этнической истории Малой Азии становится все более очевидной в результате значительного расширения в последние десятилетия объема наших фактических знаний по древней истории Передней Азии. Однако гипотеза о раннем проникновении индоевропейцев в Малую Азию существовала в науке и раньше. Как мне приходилось отмечать в свое время, одним из существенных моментов для обоснования этой гипотезы было сразу же бросающееся в глаза противоречие между автохтонным как будто характером этнического облика и культуры курдов и иранским характером их языка.³⁰ В этой связи еще П. Лерх видел в курдах потомков сильных арийским духом индоевропейских «северных халдеев». ³¹ Он думал, что они, прибыв на заре истории в горные районы их нынешнего обитания, сохраняя в абсолютно девственном состоянии свою исконную «самобытность», получили возможность в начале нынешней эры, в соответствии с христианскими легендами, «поклониться младенцу Христу», связав тем самым христианство не только с семитическим миром, но и с миром индоевропейским.

Явная беспочвенность и научная несостоятельность этой гипотезы не могли не вызвать уже в конце XIX в. настолько сильной реакции, что в науке прочно утверждается мнение о позднем проникновении индоевропейцев в Малую Азию и об отсутствии непосредственной связи между языком и говорящими на нем народами. Так, еще Ф. Юсти, например, давая весьма высокую оценку индоевропейскому по своей природе курдскому языку, считал невозможным сопоставлять его с весьма низкими, по его мнению, социальным строем, культурой и бытом курдов.³²

Ж. ле Морган, даже отмечая заведомо индоевропейские черты в языках древних памятников Передней Азии, оговаривал, что термин «индоевропейский», так же как и термин «семитический» и «тюркский», он употребляет в условном значении, лишь по аналогии с ныне существующим делением языков в данном районе.³³

Все это служит иллюстрацией того, насколько несостоятельны гипотезы, основанные не на реальных фактах, а на стремлениях их авторов выдать желаемое за действительность. Многочисленные попытки пересмотра накопленных наукой фактов, свидетельствующих о раннем проникновении в горные районы Малой Азии и Западного Ирана племен, говоривших на индоевропейских языках, затруднялись существующей еще со времен Боппа и Шлейхера традиционной схемой генетического развития индоевропейских языков от одного общего предка. Схема эта в своей фактической части неоднократно пополнялась и изменялась в соответствии с введением в научный обиход новых языков, но основной принцип, лежащий в ее основе, — признание за реконструируемым индоевропейским праязыком способности к имманентному саморазвитию после того, как он распался на реально существующие или существовавшие

индоевропейские языки, — остается неизменным. Это приводит к тому, что конкретное изучение истории каждого отдельного языка того или иного народа, племени, группы родственных племен, его генезис, развитие, связи с соседними языками, особенности структуры и т. д. подменяются с помощью метода внутренней реконструкции поисками тех черт, которые должны были бы роднить этот язык с его гипотетически установленным предком. Даже сравнение общих фактов в индоевропейских языках и языках неиндоевропейских возможно, с точки зрения этого метода, только после восстановления исходных архетипов в целом. «Если при этом обнаружится сходство, тогда и только тогда оно будет действительно доказательным».³⁴ Не считая себя специалистом в этой наиболее абстрактной области сравнительного языкознания я, как говорил по аналогичному поводу крупнейший русский иранист В. А. Жуковский, «лишен приятной возможности» выяснить, насколько дружно и согласованно саморазвивались черты исконного индоевропейского праязыка в тех европейских по своему происхождению языках, которые, попав в Малую Азию, в течение многих веков жили самостоятельной жизнью, находясь в тесной взаимосвязи с другими языками этого района. Тем не менее вряд ли далеким от истины будет предположение, что когда спустя приблизительно тысячелетие сюда снова вторгаются племена, говорившие на различных иранских языках, удельный вес «общепраязыковых» элементов в языках уже ставших аборигенами старых пришельцев и в языках вновь прибывших даже при максимальном учете способности к внутреннему саморазвитию, не превышал количества оставшковской воды в волжской воде, зачерпнутой где-нибудь около Астрахани. Выше мы приводили один из фактов возможных ирано-халдских связей, объясняемых наличием связи халдского языка с языками древних индоевропейцев. Если мы прибавим к этому, что лингвистическая близость не только халдского, но и хеттского языка к одинаковой мере может быть проецирована и в отношении бесспорно индоевропейского армянского языка, и в отношении столь же бесспорно неиндоевропейского грузинского, то нам станет понятным, что с течением веков «индоевропейские» элементы, принесенные в край во время первого появления здесь племен, говоривших на индоевропейских языках, давно уже превратились в общее достояние языков формирующихся в Малой Азии народов.

Как мы видели, в описываемую эпоху экспансия индоевропейских племен в высокогорные области Северной Месопотамии и в прилегающие к ней с севера и востока горные районы, имела, в общем, ограниченный характер: основная масса индоевропейских племен, по-видимому, осела в более доступных для коневодства долинах. Тем не менее нельзя отрицать того, что некоторое количество племен, говоривших на индийских языках, проникло высоко в горы, причем с этой первой по времени экспансией племен равнинных кочевников в районы горного кочевания безусловно находится в связи начавшийся в это же время процесс отделения скотоводства от земледелия в горных районах Малой Азии, Западного Ирана и Закавказья. Однако одни только племена, говорившие на индийских языках, не смогли бы полностью привести к тем крупным изменениям в формах кочевого скотоводства, о которых шла речь в начале этой главы. Новые племена кочевников не столько вытесняли автохтонных горцев-скотоводов с их летних пастбищ, сколько подчиняли их своему господству: подниматься с табунами коней высоко в горы было затруднительнее, чем подниматься на альпийские пастбища со стадами мелкого рогатого скота, а его не могло быть много у кочевников, совершивших довольно длительный переход. Вот почему еще быстрее, чем в долинах, племена, говорившие на индийских языках, ассимилировались с автохтонным населением, передавая последнему лишь некоторые черты в лексике, обнаруживаемые в совре-

менных этим событиям письменных памятниках, да еще некоторые из отмечавшихся выше черт скотоводческого хозяйства, характерные для кочевников равнины.

Несмотря на неравномерность хозяйственного и общественного развития отдельных районов, те кардинальные изменения в характере горного кочевания, которые отмечал Б. Б. Пиотровский, по времени ближе стоят к проникновению в Северную Месопотамию из соседней Сирийской степи кочевавших там племен семитов.

В конце II—начале I тысячелетия до н. э., когда уже полностью закончился процесс семитизации Двуречья, а в значительной части Северной Месопотамии, в ее земледельческих районах, хурритские и индоевропейские этнические элементы оказались подмятыми семитическими элементами, ставшими во главе рабовладельческого государства Ассирии, мы наблюдаем новую волну проникновения семитических скотоводческих племен арамейев через примыкающую с запада к Северной Месопотамии Сирийскую степь. Это переселение связывается обычно с постепенным истощением степных пастбищ Аравийского полуострова, что, в свою очередь, вызывалось не только возрастающей засушливостью климата, но и нерациональным выпасом номадами стад мелкого рогатого скота.³⁵ Вместе со своими стадами арамейские пастушеские племена проникали в слабо освоенные ассирийцами районы Месопотамии, в том числе, конечно, и в удобные для выпаса стад мелкого рогатого скота высокогорные районы. В последней четверти XI в. арамеи проникают в ряд областей к востоку от р. Тигр.

Экспансия арамейских племен привела, как известно, к быстрому распространению арамейского языка среди оседлого населения Северной Месопотамии, а борьба арамейев с ассирийцами значительно ослабила могущество Ассирийской державы. К сожалению, процесс продвижения пастушеских племен семитов в Северную Месопотамию прослежен, главным образом, в отношении районов с преобладанием оседлого земледельческого населения, где хотя бы языковые данные не оставляют сомнения в его длительности и силе воздействия на местное население. Когда арамейские племена оседали в плодородных долинах, то та часть автохтонных племен, которая занималась по преимуществу скотоводством, отступаясь ими выше в горы, теряя свои захваченные арамейскими племенами зимовники и создавая их заново выше, в лесной зоне. Горные леса всегда служили надежной преградой для завоевателей, и в леса бежали все те, кто не хотел подчиняться иноземцам. Так было при завоевании края ассирийцами,³⁶ так было и при нашествии арамейев.

Спустя некоторое время после нашествия, когда арамейские племена осели и смешались с местным населением, загнанные в горы автохтонные скотоводческие племена в еще большей степени отделились от земледельческого населения долин и экономические связи между этими группами населения приобрели характер межплеменных отношений. Уже одно это обстоятельство способствовало процессу отделения скотоводства от земледелия в такой же, если не в большей, степени, как этому способствовал переход к скотоводству лесных племен охотников-собирателей.

В отличие от индоязычных племен, попавших в горы после длительного передвижения с места своего первоначального обитания (что не способствовало сохранению у них поголовья мелкого рогатого скота), арамейские племена прибывали из соседней Сирийской степи со стадами мелкого рогатого скота, пригодного для выпаса на высокогорных альпийских пастбищах.

Имея, таким образом, возможность подниматься высоко в горы, арамейские племена в этом случае захватывали у автохтонных племен скотоводов принадлежавшие последним альпийские пастбища. На этих паст-

бищах арамеи пасли свои стада до зимы, когда холод и снег вынуждали их спускаться в долины, где, однако, они уже не занимались земледелием. Следовательно, и в этом случае экономические связи между скотоводами и оседлыми приобретали характер межплеменного обмена, и даже в условиях горного кочевания в связи с появлением в крае пастушеских племен номадов скотоводство полностью отделяется от земледелия.

До сих пор, как уже указывалось выше, вопрос о продвижении арамейев и других семитических племен в горные районы Северной Месопотамии изучен крайне слабо. Собственно, даже вопрос о возможности появления в высокогорных областях семитических кочевых племен не ставился, поскольку в настоящее время мы не наблюдаем здесь семитов-кочевников (горные кочевые племена по языковому признаку относятся либо к иранцам, либо к тюркам). Языковый признак, взятый изолированно, настолько доминировал в сознании большинства исследователей, что на все остальные стороны вопроса, прежде всего на характерные черты в быту, материальной и духовной культуре, а также на рудиментарные особенности форм скотоводческого хозяйствования не обращалось внимания. Между тем если элиминировать появление в крае в средние века тюркских скотоводческих племен, при решении вопроса нельзя скидывать со счетов то немаловажное обстоятельство, что индоязычные племена пришли в Малую Азию и Западный Иран как коневоды, а арамейские племена — как овцеводы, т. е. последние обладали той наиболее пригодной для разведения в горных условиях породой скота, которая составляет основное богатство горных пастушеских племен, в то время как разведение лошадей было достоянием жителей долин.

Если, с одной стороны, мы и по сей день являемся свидетелями проникновения арабских кочевых племен из Сирийской степи в прилегающие горные районы Северной Месопотамии,³⁷ то, с другой стороны, наше внимание не может не привлечь ряд фактов, свидетельствующих о том, что контакты между семитическим миром и горцами-скотоводами имели место значительно ранее. В этой связи следует коснуться того существенного обстоятельства, что не только сами курды считают себя потомками арабов, но герои курдского эпоса в значительной части происходят из арабов, имеют родичей в арабских племенах, совершают свои подвиги не только в населенных курдами горах, но и на заселенных арабами равнинах.

Следует также остановиться и на том, что связи курдского языка с семитическими имеют гораздо более интимный характер, чем у всех остальных иранских языков, и на том, что из всех семитических языков больше всего связан с речью автохтонного малоазийского населения, а также с курдским языком язык средневекового семитического населения горных районов Северной Месопотамии — сирийский язык. Наконец, социальная структура курдских племен даже по своей терминологии близка не только к иранским формам, но и к семитическим. Несмотря на то, что все эти факты, как и многие другие, могут найти себе объяснение в последующей истории края, у нас нет оснований ограничивать их только относительно поздними эпохами Средневековья и не предполагать, что в ряде случаев они могут иметь и более глубокие корни.

В этом отношении весьма показателен и убедителен тот факт, что тип курдского шатра, являющийся основным и наиболее распространенным типом летнего жилища кочевников в горных районах Малой Азии, не находит себе аналогии в типах летних кочевых жилищ у других кочевых племен Ирана и Средней Азии, но зато полностью совпадает с типом шатра у пастушеских племен семитов и в Сирийской степи, и на Аравийском полуострове, и на Синае, и в Палестине.³⁸ Характерно при этом, что даже у родственных курдам луров, населяющих соседние с Северной Месопотамией горные районы юго-западного Ирана, куда не распростра-

нялась экспансия семитических племен в древности, но куда впоследствии проникли арабы, тип летнего шатра существенно отличается от курдского.³⁹

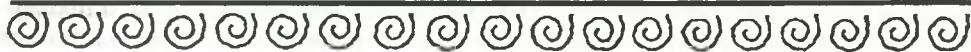
Нельзя не отметить при этом два следующих обстоятельства: во-первых, курды, обладая своим характерным типом летнего жилища, не имеют столь же характерного типа зимнего жилища, повторяя, как и все кочевые народы, распространенные в данной местности типы; во-вторых, курдский шатер, хотя он отнюдь не является примитивным типом жилища, совершенно не приспособлен для относительно суровых зимних горных условий — он не предохраняет ни от холода, ни от снегопада. Можно с полной уверенностью утверждать, что подобно тому, как войлочная юрта тюркских кочевников возникла в относительно суровых условиях среднеазиатских степей, так и курдский шатер был первоначально создан в теплых пустынях Аравийского полуострова и лишь впоследствии принесен в горные районы Малой Азии. И юрта, и шатер кажутся здесь менее соответствующими природно-климатическим условиям, чем даже шалаши из ветвей, существующие по сей день у некоторых племен Гиляна, Мазандерана, Мукринского Курдистана и Луристана в качестве временных летних жилищ; такой же характер имеет и примитивный дурский шатер из козьей шерсти. Курдский же шатер, рассчитанный, как и войлочная юрта, на постоянную жизнь в нем, практически используется в горных условиях только летом.

Следовательно, в тот период, когда во второй половине II тысячелетия до н. э. в связи со значительным развитием скотоводства и, в частности, в связи с увеличением поголовья мелкого рогатого скота начинается интенсивное заселение горных районов Северной Месопотамии и прилегающих к ней областей, здесь возникают сильные и богатые пастушеские племена, использующие для летнего выпаса своих стад альпийские пастбища и стремящиеся к подчинению себе оседлого населения долин. В формировании этих племен наряду с автохтонными племенами горцев-скотоводов приняли участие также проникшие к этому времени в край племена помадов, говорившие на индийских языках, а также семитические пастушеские племена; эти пришлые племена принесли в край свою развитую культуру равнинного кочевания, осложнив ею характерные черты горного кочевания и способствуя окончательному отделению скотоводства от земледелия. О том, насколько каждая из вышеуказанных групп племен сохраняла свойственные ей антропологические, языковые, этнические и тому подобные черты, судить трудно, в особенности в связи с тем, что как раз в эту эпоху в крае складываются развитые рабовладельческие общества, что, как всегда, приводит к значительным изменениям в этническом составе населения.

Впоследствии, когда начался процесс сложения курдского народа, все эти перемешавшиеся к тому времени между собой племена послужили одним из компонентов, на базе которых образовались нынешние курды.

С этой точки зрения прав маститый курдский историк А. Заки, когда он в своем труде по истории курдского народа посвящает специальные разделы и истории касситов, и истории митани, и даже истории хурритов-субарейцев.⁴⁰ Однако не следует при этом забывать того, что те же народы и племена в такой же мере служат субстратом в формировании других народов Малой Азии. Именно этот субстрат, роднящий курдов с соседними народами, дает право говорить о них как об исконных обитателях основного района их нынешнего расселения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Появление в высокогорной части Северной Месопотамии и в прилегающих к ней областях сильных и воинственных пастушеских племен совпадает по времени с развитием классовых отношений у земледельческого населения в долинах той же территории, где складываются рабовладельческие государства. Таким образом, если, с одной стороны, как мы видели, появление пастушеских племен в условиях горного кочевания явилось завершением процессов отделения скотоводства от земледелия, то, с другой стороны, в тех же горных условиях рабовладельческое общество долин оказывало определенное влияние на первобытно-общинный строй этих горных пастушеских племен, часто сохранявший обильные reminiscencies матриархата.

Мы почти не располагаем фактами, характеризующими быт и мировоззрение горных пастушеских племен Малой Азии в этот древний период. Тем больше ценности представляет обстоятельно мотивированное мнение Б. А. Тураева о сильных пережитках матриархата в быту и мировоззрении хеттов, по-видимому долгое время даже после сложения у них рабовладельческого общества сохранявших многие черты, характерные для пастушеских племен. О силе этого рода reminiscencies у хеттов говорит, в частности, подмеченное Б. А. Тураевым обстоятельство: память о великом царстве хеттов у греков сохранилась в виде сказания об амазонках.¹ Это является сохраненным в народной памяти свидетельством не только того, что говорившие на индоевропейском языке хеттские племена пришли в Малую Азию из примыкавших к Кавказу с севера степей, но и того, что в своем быту они были близки к народам, населявшим в древности эти степи. Хеттские же племена в момент их поселения в районе р. Галис по своему общественному устройству и быту, по-видимому, мало чем отличались от других пастушеских племен Малой Азии и Западного Ирана той же эпохи.²

В этом плане было бы весьма плодотворно сопоставить дошедшие до нас черты родоплеменного быта горных пастушеских племен Малой Азии с бытом и мировоззрением оседлого населения долин, где уже сложилось рабовладельческое общество. Не говоря о проходящем красной нитью через все рабовладельческое законодательство и бытовую практику Вавилона и Ассирии приниженном положении женщины,³ нельзя пройти мимо тонко подмеченной В. А. Тураевым особенности кодекса Хаммурапи, для которого характерно почти полное отсутствие института родовой мести.⁴ Следовательно, уже в эту далекую эпоху в быту и мировоззрении горных пастушеских племен Малой Азии и Западного Ирана можно проследить некоторые характерные черты reminiscencies, которые являются по сей день явственно ощущаемой гранью между населением высокогорных областей и населением плодородных долин.

Суть вопроса не в том, конечно, что изменение социально-экономических условий, вызвавшее сложение в районах оседлого земледелия рабовладельческого общества привело к изменениям в быту и мировоззрении населения долин, не вызывая подобных же изменений у населения высокогорных областей, продолжавшего еще жить родовым строем. Это совершенно бесспорно. Суть вопроса в другом: в том, что к моменту сложения Хеттского государства, а тем более в период его развития, родоплеменные отношения у хеттских племен находились уже на грани сложения классового общества и привели в конечном счете к сложению такого общества. Следовательно, отмечаемые современниками случаи матриархата, включая черты, роднящие хеттские племена с амазонками, уже в то время были анахронизмом.⁵ Между тем проходит еще несколько тысячелетий, уходят в прошлое не только доклассовое общество, но сменявшие его классовые формы общества — рабовладение, феодализм, а в быту и мировоззрении населяющих сегодня интересующие нас высокогорные районы курдов реминисценции матриархата, родовой мести и т. д. продолжают явственно ощущаться,⁶ в то время как соседнее земледельческое население долин характеризуется феодально-патриархальными отношениями и, в частности, приниженным положением женщины и отсутствием даже рудиментов родоплеменной структуры.

Следовательно, мы имеем дело с фактами, явлениями, представляющими интерес не только в типологическом отношении, но в еще большей степени для характеристики быта и психического склада того или иного народа. В этом плане они и привлекают наше внимание. Мы обратились к этим фактам не для того, чтобы разъяснить их, а для того, чтобы с их помощью охарактеризовать хотя бы в самой слабой степени особенности быта и психики тех племен, которые впоследствии в той или иной форме приняли участие в сложении нынешних курдов. Из этого не нужно, конечно, делать вывод, якобы курды или их потенциальные предки настолько консервативны, что упорно сохраняли старое, противясь всему новому, в то время как более прогрессивное земледельческое население долин с легкостью отбрасывало старое, усваивая с такой же легкостью новое, более передовое, прогрессивное. Нет. При конкретизации общественно-исторического процесса в тех или иных локальных рамках, как известно, те или иные явления общественной жизни уходят или остаются не в зависимости от того, когда и чем они были порождены, а в зависимости от того, когда и с каким новым явлением они оказались в противоречии. Вот почему так трудно судить по реминисценциям о реальной структуре общества в той конкретной обстановке, в которой протекал исторический процесс у горных пастушеских племен Малой Азии и Западного Ирана. Пришедшие из далеких степей номады сравнительно быстро сменили малопродуктивную в горах лошадь на овцу и козу, но упорно сохраняли ведущую роль женщины в общественных отношениях, в то время как те же или родственные им племена, оставшиеся в долинах, сохранили и приумножили коней, получивших столь высокую оценку современников, но зато полностью подчинили женщину мужчине.

Отмеченные выше факты, конечно, ни в какой мере не противоречат хорошо известному положению Ф. Энгельса, согласно которому утверждение господства мужчины в семье и в обществе связано с развитием скотоводства.⁷ Наоборот, они являются лишь прекрасной иллюстрацией того, до какой степени разнообразно бывает конкретное проявление законов общественного развития.

Аналогичный случай приоритета женщины в горном скотоводстве сохранился рудиментарно в Средней Азии. По словам Н. А. Кислякова, у горных таджиков «во многих случаях женщина являлась собственницей молочного скота, приводимого ею в дом мужа в качестве приданого.

Однако и весь остальной скот находился в распоряжении хозяйки дома. Женщина ухаживала за ним, кормила его и поила, выхаживала телят, козлят и ягнят, которых она часто в холодную погоду держала в доме, занималась стрижкой шерсти. Она же выходила весной или в начале лета на альпийские пастбища — *довлох*, где проводила все лето, занимаясь здесь в основном заготовкой молочных продуктов впрок на зиму.

«Если мужчина мог свободно распоряжаться по своему усмотрению рабочим скотом и другим имуществом, то во всех вопросах, касающихся молочного скота, в случае необходимости продать или зарезать коров, барана или козу он неизменно должен был получить согласие женщины-хозяйки, во всяком случае с ней советоваться. Точно так же мужчина никогда не решался без согласия и ведома женщины взять что-либо из молочных продуктов.

«Этот приоритет женщины в молочном хозяйстве, существующий, по-видимому, с весьма отдаленных времен, освящен большим количеством различных поверий, обычаев и обрядов. Покровительницей молочного хозяйства являлась „биби Фатима“ — мифический персонаж, следящий за тем, чтобы установленные издревле обычаи и обряды, связанные с молочным хозяйством, не нарушались. Участницы женских артелей по сливу молока, широко распространенных до революции в горах, стремились к тому, чтобы их деятельность — собрания по вопросу слива молока, перенос его из дома в дом, соответствующие случаю моления — протекала тайно, вдали от постороннего глаза, в особенности мужского.

«Но особенно многочисленными обрядами и строгими запретами был обставлен выход женщины со скотом на летние альпийские пастбища. Ко дню выхода на летовку муж обязан был подарить женщине новую одежду — платье, штаны, платок. На летовку женщины отправлялись вместе, всем кишлаком, в сопровождении лишь нескольких мужчин, которые везли или несли различный скарб, необходимый на летовке; по дороге в определенных местах, считавшихся священными, совершались жертвоприношения: женщины лили на почитаемые камни масло, привязывали к ветвям деревьев платки или лоскутки материи и т. п. На самих летовках в течение первых трех дней запрещалось печь хлеб и готовить пищу, а следовало пользоваться принесенными с собой из селения продуктами.

«По прибытии на летние пастбища и водворении женщин в хижины пришедшие с ними мужчины должны были немедленно вернуться в селение; после этого в течение недели ни один мужчина не решался показываться на летовке».⁸

Анализируя эти любопытные реминисценции матриархата в скотоводческом хозяйстве горных таджиков, Н. А. Кисляков привлекает значительное количество свидетельств древних авторов, касающихся аналогичных явлений в быту ряда иранских народов Средней Азии и Ирана, в том числе и свидетельства об амазонках. Опираясь на эти факты, Н. А. Кисляков приходит к важному с историко-культурной точки зрения методологическому выводу о том, что смену матриархальных отношений патриархальными вряд ли можно «приурочить к одной определенной эпохе, к одному историческому периоду для всех народов Средней Азии и соседних с нею стран и что правильнее будет подойти к этому вопросу стадийно, согласиться с тем, что в одну и ту же эпоху различные народы находились на различных ступенях своего общественного развития, чему соответствовали и различные семейно-брачные порядки; более того, вполне вероятно, что среди одного и того же народа указанные порядки у горожан и у населения сельских местностей могли резко отличаться».⁹ В этой связи Н. А. Кисляков подвергает справедливой критике точку зрения А. Мазахери, полагающего, что якобы иранским пле-

менам уже во II тысячелетии до н. э. был свойствен патриархат и что наличные по сей день реминисценции матриархата у иранских народов остались им в наследство от древних аборигенов, у которых господствовали матриархальные порядки.¹⁰ Опираясь на исследования С. П. Толстова, Н. А. Кисляков с достаточной убедительностью показывает, что развитие патриархальных отношений у народов Средней Азии и Ирана должно быть отнесено к эпохе поздней восточной античности и складывавшихся ей на смену феодальных отношений, что подтверждается единогласным мнением подавляющего большинства исследователей.¹¹ Следовательно, в интересующую нас эпоху индо-иранские племена, обитавшие на обширной территории Средней Азии и Восточного Ирана характеризовались развитием матриархальных отношений. Вполне понятно поэтому, что первые племена кочевников-коневодов, говоривших на индоевропейских языках, приходят в Западный Иран и Малую Азию тогда, когда в месте их первоначального обитания скотоводство еще не привело к установлению господства мужчины. Приходят эти племена в страны, где опять-таки, судя по многочисленным реминисценциям специфически «женских» культов, также еще не произошло полного утверждения патриархальных отношений и женщина ещё пользовалась относительной свободой.

На большей части территории, куда прибыли эти племена, издавна хозяйственная деятельность местного населения представляла собой сочетание различных форм земледелия с разведением скота. При этом и для скотоводства, и для земледелия особенно благоприятны были долины рек и относительно невысокие горные плато. И в том и в другом случае, как мы видели, сами географические условия не требовали длительного кочевания, обязательного для степей, а поэтому пришедшие племена кочевников довольно быстро оседали, принеся в край приобретающую столь важное значение культуру коневодства. В частности, появление на вооружении армий рабовладельческих государств конницы и боевых колесниц, запряженных конями, намного увеличило боеспособность этих армий и способствовало успеху и широте грабительских походов рабовладельцев за материальными благами и рабами в варварские районы, расширяя тем самым границы рабовладельческого мира. В этих условиях вполне естественно, что, оседая на землю, мужчина укреплял свое господствующее положение в обществе, подчиняя себе женщину.

Иное дело в высокогорных районах. Здесь по мере подъема в горы основное хозяйственное значение, как мы уже говорили, приобретает более приспособленный для передвижения по горным кручам мелкий рогатый скот. Но не только в хозяйственном отношении по мере подъема в горы лошадь уступает ведущее место мелкому рогатому скоту — овцам и козам. В горах предельно суживается возможность транспортного и военного применения лошади, что очевидно для всякого, хоть раз побывавшего в горах. Поэтому только с целью сделать эту истину обязательной и для тех кабинетных ученых, которые полагают, что якобы в связи с развитием коневодства горные скотоводческие племена, разводящие мелкий рогатый скот, получили большую мобильность и приобрели способность к длительным миграциям, я позволю себе сослаться на авторитет Ксенофонта, совершившего с десяти тысячным отрядом греческой пехоты длительный, тяжелый переход через высокогорные районы Малой Азии.

По словам Ксенофонта, когда преследуемые персидскими войсками эллины попали в горы, то они «обрадовались, увидев холмы, что вполне понятно, так как враги их были всадниками».¹² Стремясь занять господствующую над местностью горную вершину, Ксенофонт, сев на коня, вел войско верхом, пока это было возможно, а когда местность стала

непроходимой для конного, он оставил лошадь и поспешил вперед пешком.¹³ Прибыв в горную страну, населенную кардухами, «эллинские стратеги и лохаги собрались и решили идти вперед, захватив с собой лишь самое необходимое количество наиболее выносливого вьючного скота и бросив остальную».¹⁴ Переходя через горы, греки, взяв проводника, потребовали от него, чтобы он провел их «по дороге, доступной и для вьючного скота»,¹⁵ по которой и отправился весь греческий отряд, «так как она была всего удобнее для вьючного скота»,¹⁶ причем когда они наткнулись на холм, занятый неприятелем, то «солдаты, может быть, и могли бы воспользоваться той дорогой, по которой шли другие отряды, но у вьючного скота не было другого пути, кроме этого».¹⁷ Только перевалив через высокогорную область кардухов и спустившись в долины Армении, Ксенофонт снова встречается с лошадьми, которые выращиваются здесь как дань для персидского царя.¹⁸ По словам Ксенофонта, «тамашние кони меньше персидских, но много их горячее». Применение лошади в горных местах Армении было ограничено, в особенности в зимнее время, и местные жители научили Ксенофонта обвязывать поги лошадей и вьючного скота мешочками, чтобы животные не провалились в снег.¹⁹

В своеобразных условиях развития высокогорных форм скотоводства оказывалось значительно меньше оснований для укрепления в семье и обществе господства мужчин, для приращения роли женщины. При разведении мелкого рогатого скота женский труд может применяться гораздо шире, чем при разведении крупного скота, а в особенности при коневодстве. Кроме того, в отличие от степных кочевников горным пастушеским племенам приходилось значительно чаще выступать не в роли агрессора, а в роли обороняющегося, защищать свои богатства от почти не прекращающихся грабительских набегов иноземцев. Это приводило к тому, что наряду с системой военных отрядов племен продолжала существовать и система племенных ополчений, сохраняющаяся, в частности у курдов, до наших дней.

В состав этих ополчений входило все способное обороняться, а практически — все работоспособное взрослое население племени, включая и женщин. Это настолько свойственно системе племенных ополчений у курдов, что еще в 1950 г., когда иранские войска проводили карательные операции по усмирению курдского племени джевапруд, в составе ополчений этого племени сражались почти все способные носить оружие женщины.²⁰

Поэтому хотя с течением веков патриархальные отношения и получили распространение в Курдистане, выдвинув в семье и обществе на первое место мужчину, тем не менее сильные и прочные ремни-сценции матриархата продолжают бытовать в курдской среде и по сей день. Значительно более независимое положение женщины, всеобщее уважение к ней, ее в ряде случаев непререкаемый авторитет являются одной из характерных черт, отличающих курдов от подавляющего большинства соседних народов Малой Азии и Ирана. Курдянка, не носящая чадры не только на кочевье или в сельских условиях, но и в городе, представляет собой вопиющее нарушение общепринятых норм не только с точки зрения ортодоксального ислама, завершившего превращение женщины в рабу, но и с точки зрения норм ассирийского права, начавшего это закабаление; согласно этим нормам, единственное отличие «свободной женщины» от рабыни или проститутки состояло в том, что этим двум категориям женщин запрещалось носить покрывало, обязательный признак «свободной женщины» Древнего Востока.²¹

Целомудренная, свято берегущая свою честь, охраняемую всем племенем, курдянка, с точки зрения норм оседлого населения Передней Азии, ничем не отличалась от проститутки, а в плане мировоззрения гос-

подстывающего класса рабовладельческого общества рассматривалась бы как потенциальная рабыня.

Следы этого принципиального различия во взглядах на женщину у пастушеских племен горцев и у оседлого населения долин сохранились и в языковом материале. Так, курдское *джинди* 'красавица', попав в речь оседлого перса, приобретает значение 'развратная женщина', 'проститутка'.²²

Примерно такой же характер имеет и связанное с глубокой древностью отношение курдов к коню и коневодству. В настоящее время, когда лошадь получила всеобщее распространение в хозяйственной жизни населения Передней Азии, она настолько оказывается связанной с курдами, что когда Ирак, объявленный в 1925 г. «Объединенным Хашимитским королевством арабов и курдов», сочинял свой новый государственный герб, в качестве щитодержателей этого герба были использованы а р а б с к и й верблюд и к у р д с к и й конь. И это совершенно закономерно, поскольку разводима в Ираке порода арабских лошадей «сэнглав», как видно из самого ее названия,²³ связана, во-первых, с ираноязычными племенами луров и курдов, а во-вторых, является породой, приспособленной не столько для пустыни, как остальные породы арабской лошади, сколько для холмистых предгорий.²⁴ Нельзя не отметить в этой связи той крупной роли, которую сыграли отряды курдских конников наряду с конными отрядами арабских, иранских и в особенности тюрко-монгольских кочевников в исторической жизни Малой Азии и Ирана в средние века. Даже создавая в конце прошлого века иррегулярную кавалерию по образцу русских казачьих частей, правительство султанской Турции рассчитывало в основном не на арабские или тюрко-монгольские племена, а на курдов.²⁵ До Второй Мировой войны курды в армиях стран Переднего Востока обычно являлись основным контингентом кавалерийских частей. Последнее обстоятельство служит для курдских национальных деятелей аргументом того, что в боях с иноземными интервентами независимость молодой Турецкой республики защищала курдская кавалерия. Нет, кажется, такого путешественника по Курдистану, который не описывал бы с большей или меньшей подробностью курдские военно-спортивные игры, особенности вооружения курда-конника.²⁶ Словом, с первого взгляда трудно представить себе курда без лошади, лошадь кажется неотделимой частью курдского быта, курдского хозяйства.

Однако это только с первого взгляда. Стоит внимательно присмотреться к быту и хозяйственной деятельности курдов, в особенности к быту и хозяйственной деятельности пастушеских курдских племен, чтобы убедиться в обратном, в том, что значение лошади в хозяйственной деятельности курда-кочевника и даже оседлого крайне невелико. Лошадь совершенно не используется ни в качестве молочного, ни в качестве мясного животного. В качестве транспортного животного и в качестве тягловой силы лошадь применяется в Курдистане меньше и реже, чем бык, осел и даже верблюд.

В отличие от разведения мелкого рогатого скота коневодство не является характерным видом хозяйственной деятельности курдов. Лошадь, по преимуществу арабскую полукровку с примесью местной горной породы, разводят только в хозяйствах родоплеменной знати, употребляющей лошадь опять-таки почти исключительно как верховое животное, в особенности в военных целях. У племен, сохранивших еще военнородовую структуру, у так называемых «аширетных племен», наиболее зажиточные члены племени если и имеют лошадь, то употребляют ее в качестве верхового и лишь изредка транспортного животного. В этих случаях лошадь приобретает у родоплеменной верхушки или у оседлого населения, занимающегося разведением коней. Однако даже у «аши-

ретных» курдских племен основу вооруженных отрядов составляют не относительно малочисленные конники, употребляемые главным образом для военных операций в долинах при налетах на оседлое население, а неутомимая в горах курдская пехота,двигающаяся на сильно пересеченной местности быстрее конницы. Одним словом, курд-кавалерист — фигура гораздо более распространенная за пределами горных районов, в которых обитают курды. У себя же на родине, в горах, как и во времена Ксенофонта, курдские воины почти никогда не прибегают к помощи мало пригодной здесь лошади, предпочитая сражаться в пешем строю.

Если мы обратимся к курдскому фольклору, то и здесь обнаружим многочисленный и разнообразный материал, поддерживающий этот наш вывод. Популярнейший герой курдского фольклора Мам из племени Алан садится на коня только тогда, когда ему надо отправиться на поиски своей возлюбленной Зин, дочери эмира Бохтана. На своем весте коне он добирается до страны, где обитает Зин; первым здесь его встречает пахарь, т. е. оседлый земледелец, от которого Мам и узнает, что он достиг цели своего путешествия. Тезка Мама, Мам, сын старухи Вата, уезжает на коне от своей молодой жены Айше в армию, в далекие страны. Два сына арабки Вурдак — Кырр и Куллык садятся на коней, чтобы отправиться в поход к далекому «племени арабов», где живут их семь дядьев, с целью украсть у арабского эмира кобылицу Беджан и вереницу «черногрудых» верблюдов и т. д. Однако как только действие эпического сюжета не выходит за пределы обитания курдов-кочевников, надобность в коне пропадает. В курдском варианте поэмы о Лейли и Меджнуне героиня поэмы, встретившись со своим возлюбленным на роднике, куда она пришла за водой, кладет ему в ухо «бусинку сна» и уходит к начавшему перекочевку племени, забывая о Меджнуне. Вспоминая о нем в начале осени, она заставляет племя откочевывать к зимовью и, прибежав на родник, застаёт там спящего в траве Меджнуна. Лейли вынимает «бусинку сна» и на вопрос пробудившегося Меджнуна, долго ли он спал, отвечает, что за время его сна «ягнята стали баранами, а телята стали быками». О лошадях нет и помину.

О том же свидетельствуют и данные языка. Для ряда курдских диалектов характерно, что понятие «человек», «мужчина» передается не роднящим в этом отношении курдов с иранцами, армянами и даже славянами термином *мырив*,²⁷ а термином *пияв* (перс. *пияде*), означающим 'пехотинец', 'пешеход', в противоположность 'всаднику' — *сывар*; этот последний термин означает представителя родоплеменной знати и обладает всеми теми социальными оттенками, которые древний мир и средневековье вкладывали в различие между 'пехотинцем' и 'всадником'.

Следовательно, независимо от того, пришли ли в горные районы нынешнего Курдистана племена, говорившие на индоевропейских языках, в качестве коневодов или нет, они развивались на своей новой родине в качестве пастушеских племен, основным богатством которых был мелкий рогатый скот, а лошадь здесь приобретает значение военно-транспортного животного лишь тогда, когда родоплеменная верхушка горных племен, опираясь на военную мощь вооруженных отрядов племен, подчиняет себе оседлое население долин. Другими словами, распространение в горных условиях коня и связанное с этим увеличение мобильности если не самих этих племен, то во всяком случае их военных отрядов, связано с более поздней эпохой.

Не исключена возможность и того, что те из племен, говоривших на индоевропейских языках, которые, поднявшись высоко в горы, смешались там с местными скотоводческими племенами, были не коневодами, а разводили крупный рогатый скот, обладающий, как известно, одновременно и мясо-молочными и транспортными качествами. Косвенным сви-

детельством в пользу такого предположения служит то обстоятельство, что и у горцев Средней Азии и у населения Южного Прикаспия, в том числе в горных районах,²⁸ мы встречаемся с разведением горбатой породы крупного рогатого скота — зебу, характерного также и для Индии. Та же горбатая порода характерна в качестве основной породы крупного рогатого скота и для ряда районов Курдистана и Луристана. Если мы учтем значительную общность процессов этногенеза населения Южного Прикаспия и Курдистана,²⁹ то безусловный интерес представит отмеченный Ю. Н. Марром факт использования населением Южного Прикаспия зебу в качестве верхового животного еще в раннем средневековье.³⁰

Изображения зебу встречаются в Двуречье и Месопотамии, как известно, довольно рано.³¹ Вполне возможно, поэтому, связывать появление в этих районах зебу с миграцией сюда племен, говоривших на индоевропейских языках. Однако трудность проблемы заключается в том, что ту же горбатую породу крупного рогатого скота мы встречаем и в Аравии, ввиду чего впредь до более глубокого исследования этого вопроса нельзя с полной уверенностью утверждать, что появление горбатой породы крупного рогатого скота в Двуречье и Северной Месопотамии связано с движением племен, говоривших на индоиранских языках, а не с проникновением сюда семитов. Такое предположение кажется не лишним реальное основание потому, что, например, одногорбая порода верблюдов, распространенная в Двуречье и Северной Месопотамии, попала сюда из степей Аравийского полуострова и Северной Сирии, двугорбый же среднеазиатский верблюд хотя и попадал сюда вместе с индоиранскими племенами, распространения не получил. Возможно, впрочем, что именно здесь, в этом своеобразном узле и месте пересечения подавляющего большинства культур Ближнего и Среднего Востока, столкнулись две породы горбатого крупного рогатого скота, одна — приведенная племенами, говорившими на индоевропейских языках, с Востока, другая — приведенная семитическими племенами с юга. Так, во всяком случае, происходило, по-видимому, с распространенными в Малой Азии и Иране породами овец, являющимися результатом смешения среднеазиатских горных пород и аравийских степных с местными породами мелкого рогатого скота.

К сожалению, все эти вопросы не только не получили сколько-нибудь удовлетворительного разъяснения, но до сих пор еще и не поставлены во всем объеме, хотя совершенно бесспорно, что для этнической истории пастушеских народов породы разводимого ими скота имеют такое же, если не большее, значение, как сорта хлебных злаков, разводимых земледельческими народами. Однако даже те имеющие весьма отрывочный и неполный характер материалы по этому вопросу, которые были разобраны нами выше, являются убедительным подтверждением мысли о крупной роли миграции пастушеских племен равнин в горные области Северной Месопотамии и прилегающих районов. Факт этот становится еще более значимым потому, что по времени эта миграция совпадает со сложением и развитием рабовладельческих обществ в горных долинах на стыке горных систем Малой Азии и Ирана.

История рабовладельческих государств, существовавших в древности на территории нынешнего Курдистана, более или менее известна, как известно и воздействие процесса сложения рабовладельческих обществ на этническую историю оседлого земледельческого населения края.

Изложение всего этого выходит за рамки настоящей работы. Однако некоторые аспекты этих вопросов имеют к нашей теме самое непосредственное отношение, и на них нам придется остановиться в той степени, в какой они связаны с процессами этногенеза населения высокогорных районов, состоящего в значительной части из племен, оттесненных в горы

не только в результате отделения скотоводства от земледелия, но и в результате развития классовых отношений у оседлых земледельцев, населявших горные долины, а также миграции сюда из равнинных местностей племен кочевников. Все это вместе взятое приводило к заселению высокогорных районов края, к развитию там скотоводческого хозяйства, в то время как в плодородных долинах земледелие продолжало развиваться параллельно с развитием скотоводства, и в частности коневодства.

Такое возникновение относительно мелких, изолированных друг от друга районов — характерная черта ранних форм развития человеческого общества, в особенности в горах, где этому способствуют географические условия, игравшие в эту эпоху значительно большую роль, чем в более позднее время. Выше по другому поводу нам приходилось отмечать эту характерную для гор дробность и небольшие размеры этнических, хозяйственных и государственных общностей,³² вообще становившихся более мелкими по мере того, как мы обращаемся к более ранним этапам истории. Говоря о рабовладельческом мире, В. И. Ленин в этой связи писал: «И общество и государство тогда были гораздо мельче, чем теперь, располагали несравненно более слабым аппаратом связи — тогда не было теперешних средств сообщения. Горы, реки и моря служили неимоверно большими препятствиями, чем теперь, и образование государства шло в пределах географических границ, гораздо более узких. Технически слабый государственный аппарат обслуживал государство, распространявшееся на сравнительно узкие границы и узкий круг действий».³³ Ничего, стало быть, нет удивительного ни в том, что племена, народы, страны, государства, упоминаемые в памятниках и документах древнего рабовладельческого мира, были весьма мелкими и дробными, ни в том, что сам этот древний рабовладельческий мир, несмотря на несколько тысячелетий существования, не смог превратиться в формацию, охватывающую все или хотя бы подавляющее большинство населения, охватить всю территорию земного шара. Возникнув в середине III тысячелетия до н. э. в плодородных долинах Нила и Двуречья, рабовладельческий мир в момент своего расцвета в начале нашей эры широкой полосой опоясывает восточное полушарие нашей планеты от атлантического побережья Пиренейского полуострова на западе до Желтого моря на востоке, от устья Рейна и Азовского и Аральского морей на севере до верхних порогов Нила и до Цейлона и Индокитая на юге.³⁴ За пределами этой территории жил и развивался значительно превышающий рабовладельческий мир и по численности населения, и по территории огромный мир племен Европы, Азии и Африки. Существование этого варварского мира было необходимым условием существования рабовладельческого мира, ибо рабовладельческие общества могли развиваться только при условии непрерывного, все возрастающего притока рабов извне, из окружавшего рабовладельческий мир варварского мира племен. Следовательно, как мы уже отмечали выше,³⁵ основной антагонизм древнего мира — антагонизм между рабами и рабовладельцами — существовал не только как антагонизм внутри рабовладельческого общества, но и как антагонизм между миром рабовладельческим и окружавшим его миром варварских племен. Вот почему кризис рабовладельческой формации, крушение древнего мира обусловлены не только и не столько высшей формой классовой борьбы древности — восстаниями рабов, которые, будучи насильно вырванными из родной среды, разноплеменные и разноязычные, лишены самых элементарных условий человеческого существования, лишь в редких случаях могли объединяться и подниматься на открытую борьбу против своих угнетателей, сколько движениями варварских племен, становившихся все более опасной угрозой рабовладельческому обществу. Особенно крупную роль, сохранившуюся и после крушения рабовладель-

ческого мира, играли при этом нашествия скотоводческих племен номадов, обладавших наибольшей мобильностью и военной мощью. Хотя нашествия номадов, как правило, встречали сочувственное отношение к себе со стороны угнетенных классов рабовладельческого общества, тем не менее вызывались они, конечно, не антагонизмом между рабовладельцами и варварами, а внутренними факторами развития кочевых варварских скотоводческих обществ.

Рабовладельческое общество — это наиболее старое и наиболее не-совершенное из классовых обществ, покоящееся на примитивной технике и на самой грубой и жестокой форме эксплуатации человека человеком — на присвоении личности производителя, на принудительном труде полностью бесправных людей. Производительность труда раба настолько низка, что хотя рабство как институт возникает еще при родоплеменном строе и продолжает существовать в качестве весьма важного уклада и при феодализме, рабовладение как общественно-экономическая формация развивается лишь в наиболее плодородных областях земного шара, где даже низкая производительность рабского труда могла дать относительно высокий экономический эффект. Полоса распространения рабовладельческих обществ древнего мира почти полностью совпадает с зоной наибольшего плодородия и наиболее благоприятных климатических условий. В пределах этой территории мы встречаемся со своеобразными лакунами — зонами высокогорных районов, где применение рабского труда было уже малорентабельно и где продолжали сохраняться и развиваться родоплеменные отношения. Таким образом, как и в вопросе о различных типах скотоводства, мы при определении границ распространения рабовладельческого мира встречаемся и с «горизонтальными» и с «вертикальными» границами территории, на которой распространилась в древности рабовладельческая формация, не включавшая в себя районы преимущественного распространения как степного, так и горного кочевания. Поскольку эти высокогорные районы служили для рабовладельческих обществ долин одним из основных источников, откуда черпались рабы, а население этих районов рассматривалось как потенциальные рабы, постольку мы наблюдаем здесь проявление того же антагонизма, который существовал между варварским миром и рабовладельческим миром в целом, — антагонизма между рабами и рабовладельцами.

В самом деле, в рабовладельческой хурритской Аррапхе не существовало разницы между горцем-луллубеем и рабом,³⁶ в такой же мере как в Ассирии и Урарту все горцы — и кутии, и луллубеи, и хурриты — рассматривались как потенциальные рабы.³⁷ Ведшие кровопролитные войны и враждовавшие между собой за господство над западной горной частью Малой Азии ассирийцы и халды объединялись в борьбе против маленькой горной области Шубрия, куда бежали рабы независимо от этнической и языковой принадлежности и где они упорно пытались отстоять свои человеческие права от попыток рабовладельцев закабалить их.³⁸ Когда ассирийскому царю Ассархадону удастся покорить Шубрию, то он, захватив там беглых рабов из Ассирии, отправил беглецов из Урарту в Халдское царство, к их владельцам. Ассирийские анналы рассказывают о походах ассирийских войск против «неусмиранных кутиев»,³⁹ т. е. против тех горных племен, которые сопротивлялись обращению их в рабство. Когда же скифские племена киммерийцев проникли в VII в. до н. э. из Закавказья в горные районы Малой Азии и разгромили рабовладельческое Халдское царство, они опирались на стремившиеся к избавлению от урартского ига горные племена в такой же мере, как и на рабов,⁴⁰ большая часть из которых происходила из тех же племен.

Если горные районы Северной Месопотамии и прилегающих к ней областей служили, как мы видели, основной базой, откуда черпали рабов

рабовладельческие общества Двуречья, то после того как рабовладельческие общества возникли и стали развиваться в долинах на стыке горных систем Малой Азии и Западного Ирана, т. е. после того как рабовладельческий мир вплотную приблизился к территории горных племен, емкость рабовладельческого рынка возросла, а возможности поставки рабов на этот рынок сократились. Это приводит к тому, что, несмотря на все усиливавшиеся походы рабовладельческих войск за рабами, цена на рабов в рабовладельческой Ассирии за сравнительно короткий срок возросла в три раза,⁴¹ а рабов все же не хватало, и крупные землевладельцы постоянно испытывали недостаток в рабской силе.

О том, насколько значительные размеры принял угон в рабство населения на территориях, захваченных Ассирией, могут дать некоторое представление следующие, например, факты: только за короткий срок с 883 по 876 гг. до н. э., когда верховному господству Ассирии была подчинена вся Месопотамия и ассирийские войска совершили ряд грабительских походов в восточные горные области, т. е. в районы, где обитали пастушеские племена, на захваченных Ассирией территориях было физически уничтожено или обращено в рабство не менее трети взрослого мужского населения.⁴² Анналы Тиглатпаласара под 738 г. до н. э. сообщают о поселении в Северной Сирии и Северной Финикии пленных кутиев, причем перечисляются племена, к которым принадлежали эти пленные; одно из этих племен И. М. Дьяконов предположительно отождествляет с одним из мидийских племен, названных Геродотом.⁴³

Во время походов ассирийских и халдских войск, так же как и войск других рабовладельческих государств, захваченная ими территория полностью опустошалась, только редкое население ютилось среди развалин сел и городов, вытоптанных полей, сожженных виноградников и вырубленных садов.⁴⁴

Походы эти, как правило, совершались по областям, населенным оседлым земледельческим населением, захватывая пастушеские племена в тех лишь случаях, когда их летовья были не слишком удалены от проходных для войска дорог, а перевалы, ведущие к зимовьям, не были еще закрыты снегом; с известной долей вероятности можно считать, что во время походов рабовладельческих войск в высокогорные районы пастушеские племена в отдельных случаях могли избежать той тяжелой участи, которая всегда грозила их оседлым собратьям. Правда, шансов на такой счастливый исход у пастушеских племен было не так уж много, ибо грабительские набеги рабовладельческих войск на варварскую периферию, как правило, происходили осенью, когда урожай был уже собран и стада спустились с летовий, а перевалы еще не были закрыты.⁴⁵

Важно также и другое: после того, как та или иная область была опустошена рабовладельческими захватчиками, для пастушеских племен, если они сохранялись, представлялись благоприятные возможности для выпаса стад не только на альпийских пастбищах, но и в ранее использовавшихся под земледельческие культуры горных долинах. При этом, однако, пастушеские племена подвергались значительно большему риску в случае вторичного похода рабовладельческих войск. Тем не менее не исключена возможность, что в отдельных случаях такие спустившиеся с гор в разоренные долины пастушеские племена могли переходить к оседлости и к развитию в своей хозяйственной деятельности наряду со скотоводством и земледельческих культур. Что же касается возможности перехода убежавших в горы от неприятельских войск земледельцев долин к кочевому скотоводству, то она кажется мне маловероятной, а практически и совсем невозможной. Убегая в горы, варварское население долин вынуждено было оставлять захватчикам большую часть своего имущества, следовательно, в горы уходило экономически уже

разоренное племя, к тому же, по всей вероятности, потерявшее некоторую часть своих соплеменников в сражениях с рабовладельческими войсками. Вполне допустимо, что, уходя в горы, такое племя могло захватить с собой свой скот или хотя бы часть его. Однако трудно допустить, чтобы такое экономически и в военном отношении ослабленное племя смогло овладеть альпийскими пастбищами, находившимися во владении обитавших здесь ранее пастушеских племен, которые вряд ли согласились бы добровольно уступить их пришельцам. Между тем без овладения пастбищами невозможно ведение чисто скотоводческого хозяйства, достижимого лишь сильным пастушеским племенем, обладающим крупными стадами мелкого рогатого скота и способным защитить необходимые для выпаса этого скота пастбища от покушений на них других племен. Если в силу различных причин возможны случаи перехода пастушеских племен к оседлому земледелию, то почти невероятно обратное — чтобы оседлый земледелец превратился в кочевника-скотовода.

Как бы то ни было, несомненным, во всяком случае, остается следующее: систематическое разорение войсками рабовладельческих государств высокогорных областей, существовавших по соседству с ними и в особенности угон оттуда в рабство значительной части местного населения, приводили, во-первых, к значительному перемещению населения на территории Северной Месопотамии и прилегающих к ней районов Малой Азии и Ирана, к распаду племен и племенных конфедераций, имевших до этого реальное значение, т. е. к усилению процесса распада и перемешивания существовавших здесь ранее этнических обществ; во-вторых, к появлению в крае, по преимуществу в его высокогорной части, экономическое освоение которой рабовладельческими обществами было затруднено и экономически менее выгодно, свободных площадей, пригодных для выпаса не только мелкого, но и крупного скота.

Иными словами, горная варварская периферия уменьшалась и по размеру территории, и по численности населения, причем это уменьшение в большей степени шло за счет оседлого населения горных долин, чем за счет менее доступных для рабовладельческих войск горных склонов, покрытых лесами и альпийскими пастбищами, где были сосредоточены в основном племена охотников-собирателей и пастушеские племена. И те и другие имели несколько больше шансов уберечься от нашествий войск рабовладельческих государств, чем оседлое население.

Что же касается разоряемых постоянными походами рабовладельческих войск горных долин, то именно сюда, в эти долины, устремлялись новые потоки прибывавших в край извне пастушеских племен, на этот раз ираноязычных, т. е. тех племен, с которыми большинство исследователей в той или иной форме связывает проблему этногенеза нынешних курдов.

Появление этих племен в крае, наоборот, расширяло варварскую периферию и по территории, и по численности населения, ослабляло рабовладельческие государства, способствовало усилению борьбы широких народных масс Малой Азии и Западного Ирана против все возмставшей гегемонии крупных рабовладельческих государств, стремившихся к максимальному расширению своих владений и к сосредоточению власти и богатства в руках относительно небольшой кучки рабовладельческой знати. В этом смысле миграция в край новых племен кочевников совпадает с антирабовладельческими движениями местного населения, в частности с движениями горных пастушеских племен, приводит к совместной борьбе против ненавидимых народом рабовладельческих государств,⁴⁶ к образованию общих, смешанных конфедераций ранее паселяющих край племен и племен новых пришельцев.

Следовательно, уже по одному этому проблему этногенеза курдов — нынешнего ираноязычного населения горных районов на стыке Малой Азии и Западного Ирана — нельзя сводить к механическому признанию курдов прямыми потомками иранских кочевых племен.

Этому мешает прежде всего то, что, как мы видели, горные пастушеские племена появились в крае задолго до прихода сюда племен ираноязычных кочевников. В формировании этих горных пастушеских племен, чьи отдельные черты хозяйственных навыков, особенностей социальной структуры, быта, материальной и духовной культуры и даже языка прослеживаются соответственно в качестве реминисценций у нынешних курдов, приняли участие многие этнические компоненты. Помимо автохтонного населения горных районов Северной Месопотамии и прилегающих районов, в этом тянувшемся тысячелетиями процессе существенная роль принадлежала неоднократно мигрировавшим сюда племенам помадов-коневонов, говорившим на индоевропейских языках, а также семитическим кочевым племенам, разводившим по преимуществу мелкий рогатый скот.

Поскольку те же компоненты приняли участие в формировании не только пастушеских горных племен, но и значительного большинства других племен и этнических общностей Малой Азии и Западного Ирана в древний период истории, постольку нельзя отрывать проблему этногенеза нынешних курдов от всей этнической истории края, тем более, что области, населенные горными пастушескими племенами, начинают уже довольно рано играть существенную роль в политической и культурной жизни Северной Месопотамии и прилегающих горных районов, а развитие рабовладения было сопряжено с массовым принудительным перемещением значительных групп населения.⁴⁷ Все это не могло не привести к тому, что в составе нынешних курдов мы в том или ином сочетании обнаруживаем те же этнические элементы, что и у большинства других народов Малой Азии, Западного Ирана и Закавказья.

Говорившие на иранских языках номады, прибывая в Малую Азию, Западный Иран и соседние районы Закавказья, не начинали заново историю этого одного из культурнейших районов древнего мира, а продолжали ее, активно участвуя наряду с автохтонным населением в тех сложных и затянувшихся на много веков процессах, которые привели в конечном счете к крушению рабовладельческого Древнего Востока и возникновению на его развалинах Востока феодального, средневекового. Это положение приобретает тем более важное методологическое значение, потому что ираноязычные племена не прибыли в Малую Азию и Западный Иран одновременно, компактной массой, объединенные в общую конфедерацию, а прибывали сюда относительно небольшими группами в разное время и в силу различных, по-видимому, причин, прибывали из различных пунктов и различными путями. До прибытия в край исторические судьбы каждой из этих групп ираноязычных племен были в течение длительного времени различны, и их общность в далеком прошлом пока лишь гипотетически намечается языковыми данными. Поэтому рассматривать исторические судьбы этих племен как механическое продолжение их предыдущей истории нет никакого основания.⁴⁸

И. М. Дьяконов в «Истории Мидии» дает почти исчерпывающую сводку фактических данных, извлеченных из современных этим событиям исторических источников, а также археологических, этно-топонимических, языковых и других материалов, говорящих о том, как и в каких формах протекал этот процесс. Дополненная выводами, соображениями, гипотезами как самого автора этой большой и интересной работы, так и его многочисленных научных предшественников, сводка эта восстапавливает по крупицам забытые страницы истории Древнего Востока, и за одно это мы должны быть благодарны ее автору, опровергнутому в ряде случаев став-

пее классическим мнение Илловайского о том, что «История мидян темна и непонятна». Вполне естественно, конечно, что многие страницы этого забытого историей периода полностью восстановить не удастся и некоторые выводы И. М. Дьяконова не могут быть названы окончательными, что, впрочем, признает и сам автор.⁴⁹

Ниже нам придется в ряде случаев не соглашаться с некоторыми из выводов И. М. Дьяконова, опровергать некоторые из предлагаемых им гипотез, предлагая взамен иное, кажущееся нам более правильным решение тех или иных проблем, связанных с появлением в крае ираноязычных племен. Тем не менее как общая картина, так и значительное количество восстанавливаемых И. М. Дьяконовым деталей, несомненно, правильны и на нынешнем уровне наших знаний по этому вопросу вряд ли могут подвергнуться серьезному изменению. Поэтому для интересующих нас целей — выяснения этнической истории курдского народа — предложенная И. М. Дьяконовым схема внешнеполитических событий, связанных с приходом в области, расположенные на стыке горных систем Малой Азии и Западного Ирана, ираноязычных кочевых племен, является совершенно достаточной канвой, и мы можем, не занимаясь ее пересказом, а тем более дальнейшей детализацией и уточнением, перейти к рассмотрению того комплекса вопросов, который непосредственно связан с этногенезом нынешних курдов.⁵⁰

Анализируя значительное количество ассирийских источников, И. М. Дьяконов убедительно показывает, как по мере продвижения ассирийской экспансии на восток ассирийцы встречались с рядом новых для них племен и народов, с которыми им приходилось вести войны и которые в той или иной мере постепенно входят в состав все расширявшего свои владения ассирийского рабовладельческого государства. Особое внимание ассирийцев привлекают при этом племена, оказывавшие наиболее сильное сопротивление ассирийской экспансии, а порою и сами стремившиеся вторгнуться в пределы Ассирийской державы. Как правило, это были в основном сильные кочевые племена, занимавшиеся коневодством и обладавшие поэтому наиболее совершенным для того времени родом войск — отрядами конников, а возможно, и боевыми колесницами.⁵¹ К этим-то племенам и прилагают ассирийские источники термин *мадай*, впоследствии ставший названием группы ираноязычных племен, образовавших Мидийское государство. Обитали в это время — в IX—VII вв. до н. э. — племена мадай в верхней части долины р. Кызыл-Узен и далее к востоку, вплоть до пустыни Деште-Кевир,⁵² т. е. на границе с центральным Ираном, почему к этим сильным племенам ассирийские источники применяют эпитеты *мадай даннугти* 'сильные мидяне' и *мадай рукути* 'далекие мидяне'.⁵³

Обширное горное пространство между районом обитания племен мадай и собственно ассирийскими владениями, составлявшее значительную часть тех высокогорных областей, где, как мы видели, в основном обитали такие оказывавшие сопротивление ассирийцам пастушеские племена, в это время подвергалось опустошительным походам ассирийских войск и большая часть его земледельческого населения была выселена, а на его место были насильственно переселены пленные из Сирии, Палестины, Вавилона и других частей Ассирийской державы, среди которых основное распространение получил арамейский язык, а сам этот пограничный с Мидией район получил впоследствии выразительное название — Сиромидия.⁵⁴

С течением времени в этот район начинают постепенно проникать мидийские племена, что сказывается в появлении здесь иранских топонимических терминов, а также, на мой взгляд, и в том, что ассирийские источники, первоначально довольно четко различавшие племена мидийцев от племен ку-

тив, постепенно начинают их путать, включать одних в состав других, и, наконец, просто отождествлять мидийцев с кутиями.⁵⁵

Были ли племена мадай ассирийских источников иранскими племенами? Ассирийские источники не дают ответа на этот вопрос. Да он и не интересовал авторов этих источников. Для ассирийцев важно было знать, насколько сильны те или иные враждебные или сопротивляющиеся им племена, с кем они находятся в союзе, в дружбе, с кем враждуют и т. п. Вопросы же этнической принадлежности вряд ли волновали ассирийских писцов. В этой именно связи И. М. Дьяконов совершенно справедливо пишет: «Маловероятно, чтобы ассирийцы имели возможность или желание различать отдельные торговавшиеся кочевые племена. Нам известно, как часто в течение веков и даже в близкие нам времена XIX в. терминологически смешивались различные племена и народы (например, народы Средней Азии и Кавказа), притом не только близкие по быту и происхождению. Примеры тому многочисленны и общеизвестны. У нас нет оснований предполагать большую строгость в различении этнографических категорий у ассирийцев».⁵⁶

Так оно и действительно и было. Поэтому когда Саргон II, описывая свой поход на Мидию в 713 г. до н. э., говорит, что, проникнув со своими войсками в «отдаленные области (у) пределов с т р а пы Ариби востока, а также области могучих мидян, которые бросили ярмо бога Ашшура и скитались в горах и пустынях, как воры, — я бросил зажженные головни во все их поселения и все области их превратил в забытые холмы развалин»,⁵⁷ то даже если мы согласимся с внушающей сильное сомнение этимологией, «а р и б и» как эламоассирийского варианта геродотовского «а р и з а н т ы»,⁵⁸ то и тогда у нас не будет оснований для утверждения, что «иисцы Саргона, по-видимому, были хорошо осведомлены об этническом составе населения Мидии».⁵⁹ Как говорит об этом сам же И. М. Дьяконов, данный вопрос их просто не интересовал. Зато совершенно бесспорен другой вывод из приведенных выше слов Саргона II: упоминаемые им «могучие мидяне» были пастушескими племенами, кочевавшими как в горной местности, так и на равнинах. Этот вопрос, естественно, не мог не интересовать ассирийцев, и они его отметили в своих источниках.

Скрупулезно, с большой тщательностью, собирая буквально по крохам языковые данные, в основном базируясь на фактах топонимики, И. М. Дьяконов, находя даже бесспорно иранские элементы, все же не считает возможным утверждать, что все племена, объединяемые ассирийскими источниками под именем *мадай*, были иранцами. Значительная часть их, по-видимому, принадлежала к местному, доиранскому населению Центрального Ирана и Прикаспийских областей, этнически и в языковом отношении близкому к населению соседних районов Западного Ирана. Лишь постепенно, по мнению И. М. Дьяконова, это местное население сливалось с иранскими племенами в общемидийский этнос, в котором получил преобладание иранский по происхождению язык, за которым закрепилось название мидийского.⁶⁰

Иными словами, если элиминировать характерные для высокогорных районов особенности, перед нами уже знакомая картина постепенного сложения и роста сильных в экономическом и военном отношении пастушеских племен, стремящихся распространить свою власть на окрестные оседлые земледельческие племена; как всегда при развитых родоплеменных отношениях, кровнородственные отношения, отчетливо различимые в пределах племени или группы родственных племен, перестают играть роль при сколачивании мощных межплеменных конфедераций, к числу которых принадлежал и мидийский межплеменный союз.

Одновременно, как это прекрасно удается проследить И. М. Дьяконову, отдельные ираноязычные племена, по-видимому, тех же мидян или

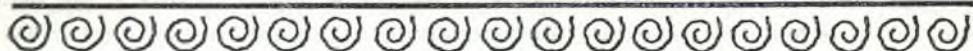
родственные им, проникают всё дальше на запад, приближаясь к тем высокогорным районам Северной Месопотамии, о которых у нас идет речь. Особый интерес в этом отношении представляет мастерски нарисованное И. М. Дьяконовым постепенное образование государства Манна на территории лизменной части пышного Мукрипского Курдистана, т. е. в непосредственном соседстве с горными районами Северной Месопотамии.⁶¹

Следовательно, в то время как на восток, в благоприятные для развития земледельческих культур горные долины по склонам Загроса, передвигалась волна семитоязычного в основном населения, переселявшегося насильно из западных и центральных частей Малой Азии, с востока на запад, наоборот, двигались ираноязычные пастушеские племена, и хотя, по-видимому, основная линия их распространения не переходила через Загрос, не исключена возможность, что некоторые из этих племен уже начали проникать на территорию горных районов Северной Месопотамии.

В самый разгар этого процесса, усиливавшегося по мере ослабления Ассирии, начинается принявшее гораздо более интенсивный характер нашествие ираноязычных племен с севера, через Закавказье. Кочевые племена коневодов — киммерийцы, за ними скифы, начиная с конца XV века до н. э. рядом последовательных волн проникают через Кавказский хребет в Малую Азию и приводят в конечном счете к существенному ослаблению рабовладельческого мира Древнего Востока. Насколько можно судить, киммерийскому, а за ним и скифскому нашествию предел был поставлен труднодоступными для конников горными хребтами Малой Азии и Западного Ирана; в основном они двигались более доступными для конницы долинами и перевалами северной и западной части Малой Азии, возможно, также проникнув из Закавказья на территорию Азербайджана. До интересующих нас районов киммерийцы и скифы как будто не дошли, хотя опять-таки возможность проникновения сюда отдельных племен этих ираноязычных кочевников не исключена.⁶²

Таким образом, к середине I тысячелетия до н. э., к моменту гибели большинства «старых» рабовладельческих государств Древнего Востока — Урарту, Ассирии, Вавилона и возникновения на их развалинах новых рабовладельческих государств — Мидии и сменившей ее Персидской монархии Ахеменидов процесс проникновения ираноязычных племен в районы Малой Азии и Западного Ирана только еще начинался и не мог привести к серьезным изменениям в этническом облике и характере языка населения горных районов, точно так же как эти районы, по-видимому, относительно мало затронуло, если речь идет о пастушеских горных племенах, насильственное переселение из западных районов Малой Азии. В этом отношении мы можем говорить лишь о том, что к указанному времени в основном завершился процесс языковой семитизации земледельческого населения ряда горных районов, в которых обитали также и пастушеские племена; однако последних этот процесс, видимо, почти не затронул: они сохраняли свои старые местные языки и диалекты, следы которых продолжают ощущаться и в значительно более позднее время. По-прежнему эти пастушеские племена горцев являются ведущей силой среди многочисленных племен, населявших горные районы и образовавших более или менее крупные и прочные конфедерации, перераставшие по мере ослабления власти рабовладельческих государств и по мере развития среди горных племен классовых отношений в небольшие государства, отстаивавшие свою независимость от покушений рабовладельческих империй.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

С течением веков анналы рабовладельческих государств Древнего Востока и другие современные им источники становятся все менее и менее точными в употреблении старых названий племен и племенных конфедераций, употребляя эти названия уже не в качестве наименований определенных общностей доклассового общества, а в общем значении варварских, враждебных рабовладельческим государствам племен, как населявших издревле территорию варварской периферии, так и переселявшихся сюда из других местностей.

В значительном большинстве случаев мы действительно имеем дело с переносом по аналогии старых этнических названий на новые конфедерации местных племен или же вторгавшиеся в край племена номадов; однако в ряде случаев можно констатировать, что ранее именовавшиеся этими терминами племена и конфедерации племен распались, прекратили свое существование. Такова, например, судьба кутиев, которые к этому времени как конкретное племя или группа племен перестали существовать, растворившись в других этнических общностях, а термин «кутии» стал употребляться для обозначения всякого варварского племени, жившего на восток от Ассирии. Вместе с тем нельзя также отрицать, что непосредственно соседившие с варварской периферией ассирийцы и халды, перманентно туда проникавшие и в качестве воинов, и в качестве купцов,¹ лучше знали эту периферию, различали в ней значительно более дробные племена и области, нежели менее связанные с Северной Месопотамией народы, населявшие Двуречье, Сирию и район Хетского царства.

В некоторых из этих высокогорных областей продолжали еще в полной силе господствовать родоплеменные отношения, и их население, как например население уже упоминавшейся в этой связи горной области Шубрия, упорно отстаивало свою вольность, оказывая рабовладельческим государствам активное сопротивление в их попытках превратить население этих областей в рабов. В других областях, например в хурритской Аллапхе, где основную массу рабов составляли луллабеи и представители других соседних племен, или в области Манна, о которой речь будет идти ниже, процесс классовобразования зашел настолько далеко, что мы уже наблюдаем сложение рабовладельческого общества с обязательным для классового общества институтом государственной власти и как диктатуры господствующего класса.

Этот рост классовых отношений на территории, еще недавно полностью охваченной отношениями родоплеменными, приводил к тому, что население высокогорных областей начинает в ряде случаев именоваться уже не по племенам, а по территориальному признаку. Характерным примером возникновения такого рода локальной области на базе

распадающихся родоплеменных отношений может служить уже упоминавшаяся выше область Манна.

Обширная область южнее Урмийского озера, по которой протекают реки Симин-руд и Зеррин-руд, а также в верхнем своем течении река Малый Заб, является окраиной Иранского нагорья, образованной восточными отрогами хребта Кадиль, связывающего Курдистанский пограничный хребет с системой гор Загроса. Эта область, известная в настоящее время под названием Мукринского Курдистана, в древности была населена луллубейскими племенами и называлась, по-видимому, по господствующему здесь племени, Замуа или Мазамуа.² На юге к ней примыкала также населенная луллубеями или, как их позднее стали называть, луллумеями, область Парсуа,³ расположенная в верховьях Диалы.

Анналы походов ассирийских войск в Замуа в IX—VIII вв. до н. э. рисуют население Замуа разделенным на значительное количество племен, управляемых вождями. В связи с ассирийской экспансией эти племена начинают объединяться в конфедерацию, возглавлявшуюся племенным вождем (насику) обитавшего в округе Дагара племени, носившим аккадское имя Нур-Адад.⁴ Несмотря на упорное сопротивление замуанцев, ассирийцы неоднократно проникают в страну, увозя оттуда богатую добычу, свидетельствующую о том, что население области, во всяком случае та часть населения, которая подверглась ассирийскому нашествию, обладала высокой по тому времени земледельческой и скотоводческой культурой. Ассирийцы вывозили из Замуа в качестве военной добычи и в качестве дани, собиравшейся ассирийскими чиновниками и местными племенными вождями, лошадей, мулов, мелкий и крупный рогатый скот, пшеницу и другие сельскохозяйственные продукты, вплоть до фуража, а также крашенные шерстяные ткани, вино, изделия из бронзы. Захваченные в полон рабы из числа местного населения направлялись на строительство новой столицы Ашшурнасирапла города Кальху.⁵ Походы ассирийцев тяжело отражались на населении страны, хотя, по-видимому, племенным ополчениям Замуа удавалось задерживать ассирийские военные отряды до тех пор, пока большую часть населения и принадлежащего ему скота не удавалось укрыть в горах.⁶

И. М. Дьяконов, исходя из того, что топонимика Замуа носит не-иранский характер, а некоторые термины не могли бы гипотетически быть переданы через иранскую среду,⁷ полагает, что население Замуа в это время состояло лишь из кутийско-луллубейских элементов. Однако тот факт, что это население занималось уже в IX—XIII вв. коневодством,⁸ заставляет предполагать, что уже в это время среди населения Замуа существовала иранская прослойка, принесшая в страну коневодство. Это предположение кажется тем более правдоподобным, потому что коневодство, по-видимому, было распространено в области не повсеместно, а небольшими оазисами и по преимуществу в северной, низменной части страны, где жили племена Манна. Кроме того, очевидно, уже в то время язык некоторых племен, населявших Замуа или во всяком случае живших по соседству с этой областью, с точки зрения слышавших этот язык ассирийцев (т. е. источника, на мой взгляд, более надежного и более авторитетного, чем кабинетные ученые, пытающиеся через несколько тысяч лет представить себе звуки неизвестного им языка при помощи «правильной системы соответствий»), отличался от привычных для уха ассирийцев языков других обитавших здесь племен. Жители области Сипирмена, по словам Ашшурнасирапла, «лепечут, как женщины», т. е. говорят на непонятном, фонетически чуждом языке.⁹ Пройдут века, и эту характеристику повторяют говорящие, как и ассирийцы, на одном из семитических языков арабы, применив к иранской речи

термин 'аджама' 'плевать финиковыми косточками', в переносном значении 'лепетать', 'лопотать', 'бормотать'.

Уже в конце VIII в. северная приурмийская часть Замуа начинает называться Манна, причем племя Манна стоит во главе все крепнущей конфедерации, в состав которой, помимо миннейцев, входят племена сундийцев, теурлинцев, далийцев, кумурдийцев и миссийцев.¹⁰ Последнее племя представляет для нас особый интерес, ибо сомневаться в его иранском происхождении, несмотря на отсутствие языковых данных, не приходится. Миссийцы жили в горах, т. е. там, где возможно развитие отгонного скотоводства и где вернее всего мы можем встретить пастушеские племена. И. М. Дьяконов локализует занимавшуюся миссийцами территорию верховьями р. Зеррин-руд, посящей в верхнем своем течении название Хорхора.¹¹ По-видимому, здесь, на высокогорных пастбищах, находились летовья этого племени, проводившего зимние месяцы где-то ниже, вероятнее всего, в долинах по среднему течению р. Зеррин-руд.

В 820 г. до н. э., когда в район Замуа прибыли ассирийские войска, большинство племен откупилось от захватчиков данью, а миссийцы оказали, по-видимому, сопротивление; большая часть их деревень и поселений, т. е. зимовок, была разрушена ассирийцами, захватившими, вероятно, уже на летовьях большое количество принадлежавшего миссийцам мелкого и крупного рогатого скота, а также ослов, лошадей и, что самое существенное, множество двугорбых верблюдов, появившихся в Западном Иране незадолго до этого в связи с проникновением сюда из Средней Азии племен иранских кочевников.¹²

Вряд ли можно сомневаться, что миссийцы были одним из таких иранских пастушеских племен, завладевших весьма удобным для ведения привычного пастушеского хозяйства горным районом в верховьях р. Зеррин-руд. Именно это высокогорное расположение миссийцев, с одной стороны, сохранило их в качестве типично скотоводческого пастушеского племени, с другой стороны, довольно долгий срок предохраняло от грабительских походов ассирийцев, позволяло им остаться непокоренным племенем, оказывающим сопротивление захватчикам, когда их соплеменники уже платили безропотно дань ассирийцам.

Обитавшие высоко в горах и ведущие полукочевой образ жизни скотоводы-миссийцы не типичны, конечно, для населявших северные районы Замуа племен. Некоторые из этих племен принадлежали, подобно миссийцам, к иранским племенам и, возможно, даже прибыли в край вместе с последними. Однако жили они здесь, очевидно, вперемешку с автохтонными луллубейско-касситскими племенами, навязав им, подобно тому, как это мы наблюдали у касситов, свою культуру с преобладанием коневодства и даже начинали навязывать язык, усваивая одновременно многие черты материальной и духовной культуры и языка автохтонного населения.

Как это выясняется на основании работ Г. А. Меликишвили и И. М. Дьяконова,¹³ население Манна, как и большинства других горных областей Ближнего Востока, сочетало в своей хозяйственной деятельности скотоводство, имевшее, по-видимому, характер отгонного скотоводства, с земледелием, которое в условиях южного побережья Урмийского озера было для большей части края поливным земледелием, а также с садоводством и виноградарством.¹⁴ Судя по ассирийским источникам, в крае преобладало скотоводство, несмотря на высокую сельскохозяйственную культуру. В области Манна разводились мелкий и крупный рогатый скот, лошади (порода которых, судя по современному изображению, была по своему экстерьеру близка к нынешней породе мукри),¹⁵ ослы и в некотором количестве двугорбые верблюды. Земледельческая культура края была настолько развита, что во время похода ассирийцев

в 714 г. на Урарту маннейцы снабжали ассирийское войско мукой и вином. По мнению И. М. Дьяконова, ни в одной из других частей Западного Ирана в эту эпоху земледельческое производство не играло наряду со скотоводством столь большой роли. Наряду с сельским хозяйством в Манна было высоко развито ремесло, о чем, помимо письменных источников, свидетельствует клад, найденный около Саккыза, в деревне Зивийе, познакомивший нас с художественной обработкой металла маннейскими мастерами.¹⁶ Материальная культура Маннейского царства, как свидетельствуют вещи саккызского клада, стояла примерно на том же уровне, что и культура Урарту. Анализ вещей Зивийского клада приводит к выводу, что значительное большинство их датируется приблизительно IX—VIII вв. до н. э. и, будучи близко аналогичным произведениям урартского и ассирийского искусства, обладает рядом оригинальных черт, позволяющих сближать их со скифскими изделиями VI в. из Прикубанья и Причерноморья. Дело дошло до того, что издатель зивийского клада А. Годар хочет считать Манна и соседнюю Мидию родиной столь хорошо известного искусствоведам и историкам материальной культуры «звериного стиля», откуда он, по мнению А. Годара, распространился по скифским степям.¹⁷ В действительности, конечно, дело обстоит иначе: как ни близка материальная культура Манна к автохтонной культуре Малой Азии, она связана с идущей из Средней Азии скифо-масагетской культурой в точно такой же мере, как с этой же культурой, но уже оплодотворенной высокой культурой греков, связана скифская культура Прикубанья и Причерноморья. «Звериный стиль» зивийского клада и других маннейских предметов материальной культуры является не менее бесспорным, чем двугорбый верблюд, доказательством среднеазиатского происхождения иранских элементов у племен Манна. Сказанного выше достаточно, чтобы сделать бесспорной гипотезу И. М. Дьяконова о том, что среди племен Манна, как и среди мидийских племен, наряду с иранскими элементами крупную роль играют автохтонные элементы.¹⁸

Трудно полностью согласиться с И. М. Дьяконовым, когда он, считая, с одной стороны, что рабство в Манна не получило большого развития и вряд ли часто выходило за пределы патриархального и домашнего рабства, определяет, с другой стороны, общество Манна как раннее рабовладельческое общество. При нашем относительно невысоком уровне конкретных сведений о Манне было бы, пожалуй, осторожнее и правильнее считать, что в VIII—VII вв. до н. э., а возможно и несколько позднее, рабство в Манна носило характер уклада внутри родового строя, не являясь еще формацией классового общества. Об этом как будто свидетельствуют и все те многочисленные элементы родоплеменного быта и строя, которыми изобилует государственная структура и быт тогдашнего маннейского общества. Анализ сохранившихся в современных источниках свидетельств по этому вопросу приводит И. М. Дьяконова к выводу, что государственный строй Манна, по своим родоплеменным reminiscences близкий к ряду институтов Хеттского царства, может быть охарактеризован как ранне-классовая олигархия, управляемая царем совместно с советом старейшин из родовой знати, что давало еще возможность для значительной активности демократических слоев населения в его борьбе с олигархией, опиравшейся на ассирийских захватчиков.¹⁹

Таким образом, перед нами вырисовываются отдельные черты довольно типичной картины для характеристики той роли, которую играют в дальнейшей хозяйственной и исторической жизни края прибывающие сюда племена помадов. В высокогорных районах преимущественного распространения отгонного скотоводства, как это можно видеть на примере мисийцев, приведенные с собою номадами новые, мало приспособленные для

разведения на новом месте породы скота — лошади, быки, верблюды долго, по-видимому, не удерживаются в хозяйстве горца-кочевника; тот факт, что ассирийцам удалось с относительной легкостью отбить стада этих животных у миссийцев, показывает, что высоко в горы отогнать свои стада их владельцы не сумели. С другой стороны, то обстоятельство, что миссийцы населяют почти непригодный для земледелия район верховий р. Зеррин-руд (Хорхора), дает нам основание утверждать, что приход в высокогорные районы степных номадов привел, как и следовало ожидать, к появлению и развитию здесь нового уклада — характерной для пастушеских племен степей и равнин формы кочевого скотоводства, почти совершенно не связанного с земледелием.

Иначе протекает этот процесс на низменности и в горных долинах, где скотоводство искони сочеталось с земледелием. Здесь приведенный номадами из равнинных мест их прежнего кочевания скот находит себе хозяйственное применение и по сей день, за исключением, пожалуй, двугорбого верблюда, с течением времени вытесненного арабской породой одногорбого верблюда-дромадера. Именно отсюда, из низменной приурмийской части края, получают впоследствии дань лошадьми ассирийцы, ибо здесь расположено одно из наиболее известных в Иране конских пастбищ.²⁰ Здешние породы крупного рогатого скота, а в особенности лошади, пользуются заслуженной славой далеко за пределами района и по сей день. Однако в целом не скотоводство, несмотря на его беспорное развитие, а земледелие становится уже в эту эпоху ведущей формой хозяйственной деятельности в крае. «Население Манны . . . было преимущественно скотоводческим . . . Однако ни в одной из других частей будущей Мидии земледельческое производство не играло, наряду со скотоводством, столь большой роли». Так характеризует хозяйственную деятельность населения края на основании анализа большого числа источников И. М. Дьяконов.²¹ Следовательно, пришедшие сюда племена ираноязычных номадов не могли не оседать; смешиваясь с автохтонными насельниками края, эти племена не только передавали ему свои характерные особенности материальной и духовной культуры, но и заимствовали, пожалуй, в еще большей степени у местного оседлого населения элементы его высокой земледельческой культуры, являющейся интегральной частью культуры древних народов горных областей Малой Азии, Западного Ирана и примыкавшего к ним Закавказья. Особенно характерна и показательна в этом отношении культура виноградарства и виноделия, и по сей день широко развитая среди оседлого населения края. Достаточно напомнить, что Мукринский Курдистан, являющийся в наши дни житницей для соседних областей Северного Ирана, вместе с тем является одним из районов высокоразвитого садоводства и виноградарства; здесь возделывается более двадцати различных сортов винограда.²² Сохранившиеся данные о материальной и, в особенности, духовной культуре Манна настолько отрывочны, а последующая история края была, в особенности в средние века, настолько бурной, настолько часто приводила к почти полной смене здесь населения, главным образом оседлого, что сейчас, конечно, трудно судить о том, как воздействовали друг на друга и как переплетались между собой две явно различные культуры, одну из которых принесли сюда иранские племена, а другая принадлежала местному населению. Однако даже те немногие факты, которыми располагает наука, свидетельствуют как будто о том, что иранские племена, придя в край, вскоре стали интегральной частью его населения и активным фактором его дальнейшей истории, причем внесли существенный вклад в материальную и духовную культуру населения области Манна.

По-видимому, именно иранские племена — более сильные, обладавшие, в связи с коневодством, большей военной мощью и, как все племена нома-

дов, более развитыми формами военно-племенных институтов — стояли во главе тех конфедераций племен, которые возникали на территории области Манна хотя бы потому, что требовалось давать отпор попыткам иноземных захватчиков ограбить край и подчинить его себе. Формирование таких конфедераций служит вместе с тем доказательством того, что уже в начале интересующей нас эпохи и пришлые и местные племена жили общей для всего населения края жизнью. Существовавшие в мирных условиях экономические, политические и прочие связи способствовали объединению этих племен в конфедерацию, за пределами которой, как сообщают ассирийские источники, находились мелкие локальные области, населенные не входившими в конфедерацию племен Манна племенами — уиндиш, зикерту, андиа, аллабриа, коралла (области расселения последнего класса, тогда многие из этих областей, а следовательно, и населявших их племен, оказались в зависимости от Манна, временами попадая, как, впрочем, и Манна, в зависимость от Ассирии).

К сожалению, у нас нет никаких данных о языке населяющих Манна племен. Интересная и кропотливая работа, проведенная И. М. Дьяконовым в связи с анализом этно-топонимических терминов этого района, как будто свидетельствует о том, что среди них наряду с терминами местного происхождения имеются и термины безусловно иранские. Следовательно, иранские племена принесли сюда те иранские диалекты, на которых они говорили. Но, во-первых, мы не знаем, насколько близки были между собой племенные диалекты отдельных иранских племен, прибывших в Западный Иран, а в зависимости от этого решается и вопрос о силе и значении этих диалектов во взаимном общении населения. Во-вторых, как известно, этно-топонимических материалов явно недостаточно для решения языковой проблемы. Тем не менее мнение И. М. Дьяконова о том, что иранские диалекты в интересующую нас эпоху еще не получили полного господства в крае и что значительная часть племен продолжала еще говорить на своих местных диалектах, очевидно, является наиболее близким к истине.

Из этого, однако, вытекают два следующих, весьма существенных вывода:

а) при наличии относительно тесных экономических и политических связей говорящие на различных и не допускающих взаимопонимания диалектах племена должны были быть двуязычны, притом в течение достаточно длительного времени, исчисляемого столетиями, т. е. рядом поколений;

б) существование в течение длительного времени обширной конфедерации разноязычных племен (ибо даже в отношении автохтонных племен у нас нет основания утверждать, что они говорили на близких или даже родственных диалектах), а затем и государства, причем и этой конфедерации и государству были подчинены племена далеко за его пределами, предполагает существование общего для всех них лингва-франко, которым, по-видимому, был язык одного из маннейских племен, как об этом свидетельствуют ассирийские источники, повествующие о том, что ассирийцы разговаривали с посольством, прибывшим из расположенной восточнее Манна области Зикерту, через переводчика, говорившего на маннейском языке.²³

Таковы в самой общей форме наиболее характерные закономерности длительного, измеряемого столетиями, процесса сложения новой этнической общности в локальных рамках горной области, населенной несколь-

кими входящими в общую конфедерацию племенами в результате зарождения и развития у них классовых отношений. В данном конкретном случае этот процесс был в известной степени осложнен тем, что происходил он на фоне миграции в край племен степных кочевников, отличных от автохтонного населения по происхождению, языку, материальной и духовной культуре. Вот почему известный интерес представит сравнение социально-экономического облика населения Манна с населением другой горной области, близкой к Манна по географическим условиям, где тот же процесс, происходивший несколько позднее, протекал без вторжения в край кочевников.

Я имею в виду расположенную на запад от Манна и примерно равную ей по размерам и географическим условиям горную область, населенную племенами кардухов, — народом, непосредственное участие которого в этногенезе нынешних курдов кажется настолько общепризнанным, что в ряде случаев кардухи просто именуется курдами,²⁴ в то время как участие в этом процессе мидийцев и других ираноязычных племен далеко не является общепринятой научной аксиомой. Такое сравнение представит тем больший интерес, что и страна Манна и страна кардухов находятся в пределах того обширного горного района на стыке Малой Азии и Ирана, где впоследствии курдское население составляло абсолютное большинство.

Для характеристики кардухов мы располагаем источником, совершенно отличным от скудных строк ассирийских анналов. И по своей значимости и по достоверности он стоит значительно выше тех ассирийских и халдских данных, на основании которых советским исследователям удалось в последние годы воссоздать буквально по крупинкам забытые страницы этнической истории Древнего Востока. Источник, донесший до нас сведения о кардухах, и по интеллектуальному уровню и наблюдательности его автора, и по его несомненно большей изученности ни в каком сравнении не может идти с победными реляциями ассирийских и халдских царей, со скудными записями их писцов. Я имею в виду хорошо известное описание похода десяти тысяч греческих воинов, составленное одним из видных участников этого похода Ксенофонтом.²⁵

Отряд греческих наемников численностью около 15 тысяч человек входил в состав большой армии, собранной в 401 г. до н. э. сатрапом Лидии, Фригии и Великой Каппадокии персидским царевичем Киrom, направившимся в поход на Вавилон с целью свержения с престола своего старшего брата, царя Ахеменидской Персии Артаксеркса II. Попытка Кира завладеть престолом успеха не имела, и он погиб в том же году в битве при Кунаксе близ Вавилона, а собранная им разношерстная армия распалась. Греческие наемники, проделавшие в составе армии Кира весь долгий путь и одержавшие победу над войском персидского царя, вынуждены были, преследуемые персидскими отрядами, с боями пробиваться на родину, потеряв из-за вероломства персов своего командующего и значительную часть старшего командного состава. Во главе греческого отряда, дислоцировавшегося на левом восточном берегу Тигра, ниже впадения в него р. Большой Заб, встали Хирисоф и Ксенофонт. Известный уже грекам обратный путь на запад по прекрасным дорогам персидской монархии был отрезан неприятелем, и десяти тысячный отряд греков отправился по столь же хорошо оборудованной дороге вверх по течению Тигра, отсчитывая, как и ранее, парасанг за парасангом.

Расчет греков был совершенно правильней. Двигаясь вдоль Тигра, они рассчитывали добраться до пересекающей Тигр «царской дороги», идущей от Сард в Сузы, которая подробно описана Геродотом,²⁶ и, повернув по ней влево, кратчайшим и удобнейшим путем добраться до родины. Кроме того, как мы уже отмечали, двигаясь вверх по течению Тигра, греки

вступали в гористую область Северной Месопотамии, где действия преследовавших их отрядов персидской конницы, как это неоднократно подчеркивает Ксенофонт, были сильно затруднены, и, таким образом, враг лишался одного из своих преимуществ.²⁷

Переправившись через р. Большой Заб, греческий отряд, отбиваясь от неприятеля, с боями продвигался вдоль берега Тигра по территории бывшей Ассирии, именуемой Ксенофонтом Мидией.²⁸ Мне думается, что за этим названием скрывается нечто большее, чем простая реминисценция того факта, что после падения Ассирии коренные ассирийские земли отошли к Мидии. Мидийское государство было настолько непрочным и эфемерным образованием, что вряд ли через полтора столетия в народной памяти, — как полагает И. М. Дьяконов,²⁹ — могли удержаться следы этого события, да и общавшиеся через переводчиков с местным населением греки вряд ли на эту тему и разговаривали. К тому же Ксенофонт в своих записках максимально точен, а сведения, им сообщаемые, носят всегда современный ему характер, представляя ту или иную значимость для него или его отряда. И конечно, для Ксенофонта и греческого отряда, в командовании которым он принимал активное участие, не имел никакого интереса факт вхождения уже не существующей Ассирии в состав такие давно уже прекратившего свое существование Мидийского царства, о котором даже историку Геродоту незадолго до этого с трудом удалось добыть далеко не полные и не всегда достоверные данные. Следовательно, когда Ксенофонт говорит о том, что греки двигались по мидийской территории, у него для этого были какие-то реальные основания.

В самом деле: о мидийской стене, протянувшейся в самом узком месте между Евфратом и Тигром, как это показал Б. А. Тураев, говорит не только Ксенофонт, заставший это сооружение уже в развалинах, но и современная сооружению этой стены надпись.³⁰ Когда Ксенофонт называет область по среднему течению Тигра, где он видел развалины ассирийских городов, Мидией, точнее — Мидийской пустыней,³¹ а Ассирию помещает в одну сатрапию с Сирией,³² то он, как и Геродот, объединяющий Ассирию с Вавилоном, сохраняет официальную персидскую традицию, видевшую в Ахеменидах «царей Ирана и не-Ирана», т. е. владык всего тогдашнего культурного мира и законных наследников существовавших ранее царств, в том числе Вавилона и уже потерявшей реальную значимость Ассирии; мидийские же цари были с точки зрения этой традиции всего лишь предшественниками Ахеменидов на иранском престоле, а поэтому их бывшие владения могли быть только «Мидией». Эту ахеменидскую традицию Ксенофонт, один из наемников персидского войска, не мог не знать. Следовательно, Мидия у него противопоставляется не Персии, а Ассирии.

Но этого мало. Двигаясь от Ониса³³ вверх по долине Тигра, имея справа все увеличивающиеся в размере горы, до того места, где Тигр пересекала «царская дорога», по «Мидии», если пользоваться его терминологией, Ксенофонт в сущности продолжает географическую традицию Геродота. В самом деле, по словам Геродота, западная оконечность этой дороги (а она-то и интересовала Ксенофонта и его сотоварищей), выйдя из Сард, проходит по территории Лигии и Фригии, пересекает Галис, идет по Каппадокии и Киликии до Евфрата, где переходит на территорию Армении. Из Армении у переправы через Тигр дорога переходит в Матиену. «Через эту область, — пишет Геродот, — протекает четыре реки судоходных для кораблей, и через все необходимо переправляться. Первая из этих рек — Тигр, вторая и третья носят то же самое имя, но это не одна и та же река, и вытекают они не из одной и той же местности, потому что одна из них течет из Армении, а другая из Матиены. Четвертая река называется Гиндой».³⁴

Попробуем проследовать по этому пути в обратном направлении, пользуясь той же медной картой, на которой «вырезаны были весь круг земной, все море и все реки», и пользуясь которой, объяснял этот путь царю Спарты Клеомену тиран Милета Артистагор, также, по словам Геродота, утверждавший, что «рядом с киликийцами живут армении, тоже богатые скотом, а к армениям примыкают матиены, занимающие вот эту область».³⁵ Геродот в своем описании «царской дороги» лишь уточняет карту, говоря: «На самом деле путь этот таков».³⁶ Ксенофонт вместе с отрядом греков движется по направлению к «царской дороге» из Описа, т. е. он начинает марш из района Гинды. Следовательно, двигаясь вдоль по течению Тигра на север к пересечению его «царской дорогой», греки должны совершать марш параллельно этой дороге, по западнее ее, идя по предгорьям той горной области, которая носит у Геродота и на карте Артистагора наименование Матиены и которую после Гинды пересекают русла двух одноименных рек — Малого и Большого Заба. Марш на «царскую дорогу» как единственный возможный путь на родину греки, как мы видели, начинают из своего лагеря на Большом Забе. Следовательно, если продолжать этот путь по упомянутой карте, они должны были углубиться в ту же горную область Матиену и, идя вверх по течению Тигра, прибыть в пункт его пересечения с «царской дорогой». Не случайно, увидев невозможность двигаться от этого пункта на запад и направившись в горы к кардухам, греки по-прежнему стремятся попасть в Армению³⁷, через которую, по данным Геродота и карты Артистагора, протекает дальнейший путь на Сарды.

Итак, Матиена Геродота и Артистагора идентична Мидии Ксенофонта. Точнее, Ксенофонт, следуя персидской традиции, отождествил с Мидией окраины того района, который Геродот называет Матиеной. Впрочем, для этого у Ксенофонта были еще и другие, более веские основания. Во-первых, по административному делению современной ему Персидской монархии, которое, как известно, у него не привязано к местности, Геродот помещает матиенов вместе с саспейрами и алародиями в восемнадцатой сатрапии³⁸. Саспейров же Геродот помещает севернее Мидии, по направлению к Кавказским горам,³⁹ но все же не так далеко на север, как это может показаться с первого взгляда: рассказывая о судьбе Кира, основателя ахеменидской державы, Геродот говорит, что воспитавший Кира пастух Митридат свое стадо «пас на склонах гор к северу от Экбатан по направлению к Понту Эвксинскому. Там со стороны земли саспейров Мидия очень гориста, возвышенна, покрыта сплошным лесом, остальная часть Мидии совершенно ровная».⁴⁰ Другими словами, саспейры жили, с точки зрения Геродота, в примыкавших с востока к Ассирии горах Загроса, за которыми далее на восток следовало Иранское нагорье, относительно ровное. Следовательно, неподалеку от территории, населенной саспейрами, должна быть и земля матиенов.

Во-вторых, когда Геродот пытается несколько раз привязать к местности Матиену, пользуясь, по-видимому, той же картой, на которой были нанесены с максимальной по тому времени точностью данные физической географии Малой Азии, то он помещает ее правее верхнего течения реки Галис, до ее поворота на север, а истоки Галиса, по мнению Геродота, находятся в горах Армении, а также в горной области, где находятся истоки рек Аракс и Гинды.⁴¹ Иными словами, если учесть, что на картах того времени истоки горных рек, находящиеся в малодоступных и малоизвестных местностях, были, по-видимому, изображены крайне схематически и неточно, сходясь, в особенности при мелком масштабе карты, в служившей водоразделом горной области, также известной весьма слабо,⁴² то выходит, что Матиена также находилась, с точки зрения Геродота, в горах Загроса, являясь западной, примыкающей к Ассирии,

окрайной Мидии. Поскольку марш десяти тысяч греков на север начался от Описа, т. е. от места впадения в Тигр Гинды, истоки которой по представлениям того времени находились в горах Матиены, постольку, вполне естественно, что горная область, расположенная по левому берегу Тигра вверх по его течению, могла быть отождествлена с Матиеной. Тем более, что из трех рек, верхнее течение которых находилось в этой области, Геродот дважды упоминает именно Гинду, истоки которой действительно находятся в Мидии и которая только и могла служить ориентиром для Ксенофонта при попытке привязать к местности Матиену, а следовательно, и отождествить ее с Мидией.

В-третьих, если в период господства Ассирии восточные горные области Северной Месопотамии подверглись в такой степени семитизации, что, как мы видели, даже получили специальное название Сиромидии, то после мидийского и последовавшего за ним персидского нашествия картина резко меняется, и здесь явно начинают преобладать иранские элементы.⁴³ Во всяком случае, в районе большого Заба, у его впадения в Тигр, жили во время похода десяти тысяч греков, и персы и мидийцы. Иначе трудно как будто интерпретировать следующие слова Ксенофонта, обращенные в этом месте к грекам: «Однако и боюсь, что, приучившись жить в ленисти и проводить дни в изобилии и в обществе красивых и величавых женщин и девушек мидийцев и персов, мы, подобно лотофагам, забудем дорогу домой».⁴⁴ Кроме того, насколько можно судить по запискам Ксенофонта, греки во время своего марша от Описа до теснины Тигра при сношениях с населением пользовались, по-видимому, теми же переводчиками, что и при сношениях с персами.⁴⁵ Следовательно, с точки зрения Ксенофонта, местное население этих районов если и отличалось от персов, то ровно настолько, чтобы его можно было отождествить с родственными персам мидийцами, а населенную ими территорию — с Мидией, тем более, что так ее называли, по всей вероятности, сами персы. Все это вместе взятое, включая еще столь много значущую и столь убедительную для иностранца фонетическую близость терминов Матиена и Мидия, не могло, на мой взгляд, не привести к отождествлению их Ксенофонтом и к наименованию им Мидией горных районов по среднему течению Тигра.

Вернемся теперь к тому моменту, когда греки, выиграв бой с персами, овладевшими было господствующей над местностью вершиной, перевалили через нее и спустились на равнину, куда неприятель, не ожидавший их появления здесь, перегнал скот с другого берега Тигра.⁴⁶ Неприятель, насколько можно судить по словам Ксенофонта, переправил свои основные силы на другой берег реки⁴⁷ и одновременно, пользуясь темпотой, начал поджигать селения и нападать на греков в зоне дислокации греческого отряда.⁴⁸ Греков поразило это обстоятельство, и они стали искать объяснения, почему персы вдруг стали вести себя как на чужой территории и уничтожать свои селения.⁴⁹ Выяснив обстановку, греческое командование убедилось, что дальнейшее движение вдоль берега Тигра невозможно: «По одну сторону (от дороги) подымались очень высокие горы, а по другую — находилась река такой глубины, что конья солдат, пытавшихся ее измерить, целиком уходили в воду».⁵⁰ Следовательно, греки подошли к тому месту около нынешнего города Джезире на ирако-турецкой границе, где путь вдоль реки преграждают подступающие к самому руслу горы.⁵¹ Попытка греков навести в этом месте через Тигр понтонный мост на надутых воздухом шкурах мелкого скота успеха не имела, ввиду того, что противоположный берег был занят неприятелем.⁵² Тогда греки «на следующий день» пошли назад, к несожженным деревням, предав огню те поселения, из которых они вышли. Поэтому враги не приближались, но наблюдали и, по-видимому, недоумевали, куда повернут эллины и что у них на уме. Затем солдаты отправились за продовольствием, а стратеги

снова сошлись на совещание и, собрав пленных, допросили их о всех расположенных кругом них странах. Те рассказали, что дорога к югу идет на Вавилон и Мидию, по ней эллины пришли сюда. Дорога на восток идет к Сузам и Экбатанам, где, как говорят, царь проводит лето. Дорога на запад после переправы через реку ведет в Лидию и Ионию, а горная дорога, обратная к северу, — к кардухам.⁵³

Итак, картина становится совершенно ясной: преследуемые персами греки дошли до пункта пересечения с Тигром «царской дороги», повернуть на которую им мешают защищавшие переправу через Тигр персидские войска. Именно стремлением отогнать греков от переправы следует объяснить и вызвавшее недоумение у греков разрушение персами деревень в районе переправы, так же как и предшествовавшая этому защита ими примыкавших к переправе горных вершин. Убедившись, что они находятся в том пункте, куда стремились, и одновременно убедившись в том, что свернуть на «царскую дорогу» им не удастся, греки начинают искать обходного пути. «Стратеги решили, что необходимо проникнуть в горы к кардухам, так как пленные говорили, что, пройдя эту область, они придут в Армению, страну обширную и богатую, которой правил Ороит. А оттуда, как они уверяли, легко пройти куда угодно».⁵⁴

Перед нами еще один характерный штрих, свидетельствующий о том, насколько поведение греков во время их отступления на родину связано с традиционными географическими представлениями того времени, нашедшими графическое выражение в описанной Геродотом карте. В самом деле, пройдя по Мидии, как именует Ксенофонт геродотовскую Матисну, до пункта пересечения Тигра с «царской дорогой», т. е. до границы Армении, греки, не имея возможности сразу же выйти на дорогу, ведущую на родину, задумывают обходный марш через страну кардухов в Армению, с тем чтобы выйти на «царскую дорогу» несколько дальше, избежав таким путем открытого боя с персами. Только при такой интерпретации становится понятным, почему греки, уклоняясь от принятия боя с неоднократно терпевшими от них поражение персами, решили направиться в глубь страны кардухов, несмотря на предупреждение опрошенных ими пленных о том, что кардухи очень воинственны и что даже персидские войска не в состоянии справиться с ними. Греки и не думали пересекать страну кардухов с юга на север, чтобы выйти в Армению, как предлагали им пленные, по-видимому, знавшие более или менее точно подлинную географию района. Находясь в плену геродотовской географии и современных им карт, греки, как видно из контекста, полагали, что им удастся, поднявшись в горы к кардухам, сразу же свернуть налево, на запад, параллельно «царской дороге», которая должна была, согласно этим представлениям, сразу же после пересечения с Тигром проходить по территории Армении. Двигаться в ту реальную Армению, о которой говорили им пленные, у греков не было, конечно, никакого повода. Это только отдаляло их от цели, только усложняло и удлиняло и без того трудный и длинный путь.

Так оно в действительности и случилось. Семь дней, в течение которых десяти тысячный отряд греков форсировал горы кардухов, совершенно не похожи на тот размеренный марш, которым двигались греки до этого. «При отступлении из-под Вавилона, — как совершенно правильно отмечает М. И. Максимова, — эллины идут сперва по богатой и густонаселенной области Месопотамии, и Ксенофонт продолжает отсчитывать парасанги, правда, не с прежней аккуратностью, что легко объяснимо напряженностью обстановки и почными переходами. Но вот эллины подходят к области независимых кардухов (Западный Курдистан), куда не отваживается проникать персидское войско. В течение семи дней греки пребывают через горную и труднопроходимую местность, и на протяжении этих семи дней парасанги не упоминаются ни разу.

«К северу от страны кардухов паходилась Армения, управляемая персидским сатрапом».

«При переходе через пограничную реку греки увидели перед собой, как говорит Ксенофонт, „единственную, по-видимому, искусственную дорогу“, по которой и направилось эллинское войско, причем Ксенофонт вновь возвращается здесь к измерению пути парасангами».⁵⁵

Однако не только трудности горного пути, заставившие греков сразу же по вступлении на территорию горной области кардухов бросить большую часть всех своих вьючных животных и рабов,⁵⁶ не дали возможности измерять парасангами пройденный путь. Главной причиной послужило то, что, по словам Ксенофонта, «те семь дней, в течение которых они проходили область кардухов, были полны непрерывных боев, причем эллины понесли здесь такие потери, какие не причинили им ни царь, ни Тиссаферн, вместе взятые».⁵⁷ Греческий отряд в полном смысле этого слова с боями пробивался сквозь кардухские горы, и греки на собственном опыте убедились в справедливости показаний опрошенных или пленных, предупреждавших, что до сих пор к кардухам никому проникнуть не удавалось. Следовательно, мы можем с полным основанием утверждать, что те иранские племена, которые, как мы видели, к этому времени до такой степени наводнили горные районы Северной Месопотамии, что это послужило одной из причин наименования ее Мидией, эти племена не могли проникнуть к кардухам, сохранившим, в отличие от маннейцев, характерные черты горцев из числа местного автохтонного населения. Это и придает особую ценность сведениям, сообщаемым о них Ксенофонтом, как бы неполны они ни были.

По словам Ксенофонта, все его осведомители — по преимуществу захваченные в плен жители соседних областей, а также, возможно, солдаты неприятельской персидской армии⁵⁸ — единогласно называли кардухами население той высокогорной области, которую с таким трудом форсировали греки, вступив в ее пределы в районе, где горы кардухов примыкают к руслу Тигра, пройдя по ней до долины реки Кентрит,⁵⁹ как именует Ксенофонт пышную реку Бохтан, по-видимому, недалеко от ее впадения в Тигр. Таким образом, точных границ области, населенной кардухами, мы у Ксенофонта не находим, да они и не интересовали греков, которым надо было лишь пересечь этот тяжелый для марша горный край в наиболее коротком направлении, чтобы попасть в Армению. Тот небольшой и, по-видимому, один из наиболее доступных участков области кардухов, по которому прошли по горным тропам и перевалам греки, представляет собой, по описанию Ксенофонта, высокогорную область, относительно густо населенную. Во всяком случае, десяти тысячный отряд греков, проходя по ней, не испытывал в общем нужды в продовольствии и имел возможность несколько раз квартировать в селениях его аборигенов,⁶⁰ а численность полчищ кардухов, оказывавших сопротивление проходившим по их территории грекам, была настолько велика, что и сам Ксенофонт и его сотоварищи неоднократно подчеркивали это обстоятельство.⁶¹

Селения кардухов были расположены в ущельях и складках гор,⁶² а также на горных склонах, примыкающих к равнинам рек. Ксенофонту удалось при этом подметить одну любопытную черточку, ярко характеризующую силу межплеменной вражды кардухов с соседними народами, стоявшими, судя по всему, на том же уровне общественного развития, что и кардухи. Если по левому берегу Кентрита селения кардухов были расположены над равниной реки Кентрит, а сама река находилась на расстоянии 6—7 стадий от гор кардухов,⁶³ то, переправившись на другой берег, как говорит Ксенофонт, «прошли по Армении не менее 5 парасангов, следуя все время по равнине и невысоким холмам; ведь вблизи реки не было деревень из-за войн с кардухами».⁶⁴ Более чем через два тысячелетия такую же картину описал в XIX в. н. э. Ж. де Морган в нынешнем

Мукринском Курдистане (древней Манна), где расположенные по двум сторонам небольшой речки селения, принадлежавшие двум враждующим между собою племенам, разделялись «ничейной территорией», причем эта полоса увеличивалась по мере увеличения дальнобойности вооружения.⁶⁵ Как ни измельчали родоплеменные отношения в наши дни, когда они являются даже у сохраняющих их народов лишь относительно слабыми реминисценциями их былого значения, тем не менее этот отмеченный наблюдательным автором штрих, характеризующий отношения кардухов с их соседями, чрезвычайно важен. Он дает возможность утверждать, что племя или племена кардухов находились в состоянии родоплеменной вражды с соседними племенами по ту сторону Кентрита, в Армении.

Жили кардухи в «многочисленных и богатых домах, богатых припасами. Так, например, вина было так много, что его хранили в обмазанных известью ямах».⁶⁶ Помимо изобилия продовольствия, у кардухов «в домах можно было найти очень много бронзовых изделий».⁶⁷ Ксенофонт не описывает тип дома кардухов с такой обстоятельностью, как он это делает в отношении поразивших его своей необычностью домов в горной Армении, где, по его словам, «дома были подземные, с верхним отверстием наподобие колодца, по широким низу».⁶⁸ Трудно поэтому распространить описание дома, его внутреннего устройства, быта и хозяйственных особенностей населения горной части Армении, имеющегося у Ксенофонта, на кардухов, область которых он посетил раньше, чем Армению. Скорее можно допустить обратное, что жилища кардухов по своему облику и внутреннему устройству мало отличались от жилищ населения соседних районов Северной Месопотамии, а потому они не показались Ксенофонту в такой мере необычными, как жилища горной Армении. Как бы то ни было, кардухи описываются Ксенофонтом как оседлые земледельческие племена, обладавшие высокоразвитой земледельческой культурой вплоть до виноградарства. Только приближение неприятеля заставило их покинуть свои селения и вместе с женами и детьми удалиться в малодоступные горные убежища,⁶⁹ захватив с собой, по-видимому, и свои стада скота, которые к этому времени (греки прошли через страну кардухов поздней осенью)⁷⁰ должны были уже спуститься в долины с высокогорных летних пастбищ. Подобно всем автохтонным горным племенам, кардухи, по всей вероятности, сочетали земледелие с развитым скотоводством, причем, судя по тому, что, как мы отмечали выше, грекам при подъеме в кардухские горы пришлось бросить большую часть своих вьючных животных, можно предполагать, что разводили кардухи в основном мелкий рогатый скот, тем более, что именно он встретился грекам в изобилии в районе, непосредственно примыкавшем к Кардухским горам.⁷¹ Итак, у нас есть все основания для утверждения, что кардухи Ксенофонта не только не были пастушескими племенами, но и не были такими племенами, в экономике которых заметную роль могли играть лошади или крупный рогатый скот.

Судя по тому, как упорно и настойчиво атаковали кардухи вторгшийся на их территорию греческий отряд, стремясь всеми доступными им способами заставить иноземцев уйти за пределы своей территории,⁷² можно предположить, что кардухи по своей общественной структуре обладали развитыми формами родоплеменного строя. Это предположение подкрепляется тем обстоятельством, что, судя по многочисленности нападавших на греков кардухов, в обороне своей страны приняли активное участие не только согнанные греками из селений кардухи, но и их соплеменники из других районов этой горной страны. Наконец, нельзя не обратить внимание на следующий, весьма характерный эпизод: когда греки, захватив в плен двух кардухов, стали допрашивать их относительно дороги, то «один из них, несмотря на сильные угрозы, ничего не сказал, и так как

он не сообщил ничего полезного, то его закололи на глазах у товарища. Другой заявил, что первый человек потому сказал, будто он не знает дороги, что у него там (т. е. по пути следования эллинов) имеется замуженная дочь». ⁷³ Я бы не хотел от этого эпизода постулировать к наличию матриархата у кардухов. Для такого вывода у нас нет достаточных оснований. Однако эпизод этот является весьма типичным примером того глубокого уважения, которым пользуется женщина и ее честь у народов с развитой родоплеменной структурой, где честь женщины защищается всеми ее родственниками, всем родом, всем племенем. ⁷⁴

Каков был язык кардухов? На этот вопрос мы не находим у Ксенофонта ясного ответа. Во всяком случае, можно утверждать лишь одно: при сношениях с кардухами греки, по словам Ксенофонта, не прибегали к помощи своего основного переводчика, знавшего персидский язык, а пользовались пленными из числа местных жителей и даже пленным кардухом, оказавшим им при переговорах настолько значительные услуги, что греки вернули ему свободу. ⁷⁵ Следовательно, кардухи говорили на каком-то местном, неиранском языке. Предположение это переходит в уверенность после того, как мы узнаем от Ксенофонта, что на территории Армении местное население говорило если не на персидском, то во всяком случае на таком языке, что с представителями этого населения, вплоть до женщин, можно было объясниться с помощью персидского языка. ⁷⁶ Следовательно, и с юга и с севера от кардухов Ксенофонт встречается с прапоязычным местным населением, в то время как кардухи, по его свидетельству, говорят на одном из местных (т. е. неиранских) языков. На это обстоятельство — на связь языка кардухов с языками автохтонного населения Малой Азии и Закавказья — обратил внимание акад. Н. Я. Марр, ⁷⁷ впервые в науке серьезно поставивший вопрос о генетической связи кардухов с нынешними курдами.

Вот в сущности и все, что мы находим у Ксенофонта для характеристики кардухов, если не считать вполне уместных в описании военного похода сведений о военной тактике кардухов и об их вооружении. Как всякие горцы, кардухи, по словам Ксенофонта, прекрасно умели использовать особенности сильно пересеченной местности в военных целях. Когда почти весь греческий отряд переправился через Кентрит, «кардухи, заметив, что в прикрытии осталось уже мало народу, — ведь даже многие из тех, которым было поручено остаться, ушли, охраняя кто вьючный скот, кто вещи или гетер, — напали весьма смело и стали стрелять из пращей и луков. А эллины запели пэан и бегом пустились на них. Враги не устояли, ведь они как горные жители были хорошо снаряжены для нападений и отступлений, но вооружение их не годилось для рукопашного боя». ⁷⁸ Как горные жители, кардухи сражались пешими и при этом «были настолько проворны, что им удавалось убежать даже после того, как они подходили к эллинам на близкое расстояние. У них ведь не было другого оружия, кроме луков и пращей. Это прекрасные стрелки из лука, а величина их лука равнялась примерно 3 локтям и длина стрел — 2 локтям с лишним, во время стрельбы они натягивали тетиву, наступая левой ногой на нижнюю часть лука. Стрелы их пробивали щиты и панцири. Когда эллины овладевали стрелами, то пользовались ими как дротиками, снабдив их ремнями». ⁷⁹ Следовательно, по своему вооружению кардухи резко отличались от соседних с ними народов Армении, ⁸⁰ а также от маннейцев ⁸¹ и матиенов, ⁸² основным оружием которых, так же как и средневековых курдов, было короткое копье или дротик. ⁸³ Несомненный интерес представляет подмеченный Ксенофонтом факт, что подобно тому, как греки, идя в бой, распевали пэан, так и кардухи, приближаясь к неприятелю, ускоряли шаг и распевали песни, ⁸⁴ по-видимому, воинственного содержания.

Попробуем подвести некоторые предварительные итоги характеристики этнического состава населения горных районов Северной Месопотамии и прилегающих к ней областей в середине I тысячелетия до н. э., т. е. в период краха старых рабовладельческих государств Древнего Востока и возникновения на их развалинах новых рабовладельческих монархий — Мидии и сменившей ее Персии, что, как известно, было в значительной мере связано с экспансией в Иран, а также в Закавказье и Причерноморские районы Малой Азии ираноязычных кочевых племен. Мы видели, что к этому времени в обширном горном районе на стыке горных систем Малой Азии и Западного Ирана постепенно возрастает удельный вес и значение пастушеских племен горцев. Большая часть этих племен, образующих ряд мощных конфедераций, не принадлежит к числу автохтонного населения; это были прибывшие сюда ранее и принесшие в край традиции кочевого скотоводства семитические племена и племена, говорящие на индоевропейских языках. Мы видели также, что если на равнинах и в горных долинах в эту эпоху господствует семитическая речь, то в высокогорных районах постепенно все большее распространение начинает приобретать иранская речь.

Наряду с этим в крае, по преимуществу в труднодоступных высокогорных районах, остаются лакуны, заселенные автохтонными горными племенами, говорившими на местных языках и сочетавшими скотоводство с интенсивными формами земледелия и садоводства, вплоть до получившей значительное развитие культуры виноделия. К числу таких племен, всеми силами отстаивавших свою независимость от покушений новых ираноязычных рабовладельческих деспотий, относятся и кардухи, говорившие на одном из местных языков и населявшие горную область, известную затем под названием Гордиена (у Страбона) или Кордик (у армянских авторов); этот этнический термин рядом ученых обычно сближается с названием нынешних курдов, а сами кардухи считаются предками курдов. С другой же стороны, ряд общих с семитическими и иранскими пастушескими племенами черт в быту, мировоззрении, материальной и духовной культуре, а в особенности язык, относящийся к иранской группе, — все это заставляет сближать курдов с указанными выше горными пастушескими племенами.

Таким образом, в науке проблема этногенеза курдского народа сразу же сталкивается с альтернативой: либо предками нынешних курдов являются обладающие общим с ними племенным названием земледельцы кардухи, либо предками этого народа были пастушеские горные племена, этнические названия которых почти никак не отразились в названии курдского народа и входящих в его состав племен.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мысль о том, что курды, обитающие в горных районах Малой Азии, принадлежат к числу автохтонных обитателей населяемой ими области и являются потомками одного из обитавших здесь в древности народов, появилась в науке одновременно с появлением первых сведений о курдах и продолжала укрепляться по мере умножения этих сведений. О существовании же курдов европейская наука узнала довольно рано. Уже в самом начале «Повести временных лет», следующей в исторической традиции за византийским историком Георгием Амартолом, говорится, что после всемирного потопа в состав земель, отошедших к старшему сыну Ноя — Симу, вошли, между прочим, «Мидия до реки Евфрат, Вавилон, К о р д у н а, ассирияне, Месопотамия».¹ В XIII в. венецианец Марко Поло, описывая Мосул, рассказывал, что «в здешних горах живут карды; они христиане — несториане и якобиты, но есть между ними и сарацины, Мухаммеду молятся. То люди храбрые и злые, ограбить купца они не задумываются».²

Проходит еще несколько веков, и в середине XVI в., вследствие ряда смут, потрясавших сирийскую христианскую церковь, один из претендентов на трон патриархов сиро-халдейских обращается к Ватикану с просьбой об его утверждении.³ Это послужило началом активной деятельности римской «Святой конгрегации пропаганды веры» в горных районах Малой Азии среди сирийцев, или, как они себя именовали, сирохалдеев, и среди курдов. Одним из результатов этой деятельности была первая грамматика курдского языка, составленная доминиканцем М. Гарцони.⁴

Еще до выхода в свет грамматики М. Гарцони по инициативе крупнейшего историка и филолога того времени профессора Геттингенского университета И. Д. Михаэлиса датское правительство посылает в страны Ближнего Востока научную экспедицию с широким планом сбора разнообразных материалов, которые могли бы разъяснить многочисленные темные места Библии.⁵ В числе задач, стоящих перед экспедицией, И. Д. Михаэлис выдвигает сбор материалов по курдам и курдскому языку; этому вопросу И. Д. Михаэлис придавал большое научное значение потому, что в курдах он видел потомков библейских «халдеев», цари которых пришли поклониться, по христианским легендам, младенцу Христу. В своем предположении И. Д. Михаэлис опирался на сообщение Марко Поло ⁶ и ряда других средневековых источников о том, что могилы этих легендарных персонажей находятся неподалеку от области, где обитали «карды», название которых так соблазнительно было сопоставлять с названием «халдеев». Мысли И. Д. Михаэлиса развивает А. Л. Шлецер, опубликовавший вскоре большую статью, в которой подчеркивает связь курдов с библейскими «халдеями».⁷ А. Л. Шлецеру же принадлежит разработка плана путешествия на Восток находившихся на службе у молодой Российской Академии наук немецких ученых, причем план этот был весьма близок в своей теоретической части к упомянутому выше плану И. Д. Михаэлиса.⁸

Организованная датским правительством научная экспедиция отправилась в страны Востока в 1761 г. По дороге все члены экспедиции умирают, кроме математика К. Нибура, который, побывав, в частности, в Курдистане, возвращается на родину в том же 1787 г., в котором вышла в свет грамматика М. Гарцони. Из содержания последней явствовало, что курдский язык не имеет ничего общего с языком библейских халдеев, а чрезвычайно близок к персидскому языку.⁹ В том же году в Петербурге выходят в свет «Сравнительные словари» Палласа, в которых публикуются собранные Гюльденшtedтом курдские материалы,¹⁰ совпадающие с материалами Гарцони. Последовавшие вслед за этим обстоятельная работа базельского миссионера Хорнле¹¹ и основанное на ней исследование двух известных лингвистов Е. Редигера и А. Ф. Потта¹² не оставили ни малейшего сомнения в том, что курдский язык безусловно принадлежит к числу иранских языков. Таким образом, мысль Михаэлиса и Шлецера о связи курдов с автохтонным населением Малой Азии оказалась явно несостоятельной и, казалось, была полностью отвергнута наукой.

Тем не менее именно ее подхватил и заново обосновал представитель младшего поколения «русских немцев» в Петербургской Академии наук А. А. Куник. Пользуясь историческими данными, А. А. Куник намечает связь курдов с древними культурами Ближнего Востока и при помощи утвердившегося в науке тезиса об иранском происхождении курдского языка обосновывает иранское, а затем и арийское происхождение не только библейских халдеев, но и всей древней культуры Ближнего Востока.¹³ Эти положения А. А. Куника развивает и популяризирует Э. Ренан.¹⁴ В России же при содействии идейно близкого Кунику акад. Б. Дорна эта мысль кладется в основу монографии ученика последнего — П. Лерха, который уже *a priori* видит в курдах «потомков тех воинственных и сильных иранских халдеев, которые уже в III тысячелетии до н. э. в виде горцев, полных воинского духа, спустились в Тигро-Евфратскую низменность и покорили здесь слабые семитические племена Вавилонии, оживляя свежими силами это государство».¹⁵

В дальнейшем, несмотря на то, что точка зрения на время прихода племен, говоривших на индоевропейских и, в частности, на иранских языках, неоднократно подвергалась существенному пересмотру, так же как изменялась и точка зрения на роль этих племен в развитии культуры народов Передней Азии, намеченная Куником и его последователями концепция этногенеза курдов продолжает господствовать в науке. Как ни парадоксальным это может показаться с первого взгляда, но хотя к началу XX в. накопилось значительное количество самых разнообразных фактов, свидетельствующих о глубоких и интимных связях общественного строя, быта, материальной и духовной культуры, религиозных верований и даже языка курдов с аналогичными явлениями у соседних племен и народов, тем не менее иранская природа курдского языка являлась в глазах подавляющего большинства исследователей настолько убедительным аргументом в пользу их иранского происхождения, что все эти факты не принимались во внимание и в лучшем случае отмечались как своеобразный курьез.¹⁶ В целом же гипотеза об иранском происхождении курдов в том виде, как она была сформулирована Куником, не подвергалась сколько-нибудь серьезной критике, хотя с первого же взгляда было очевидно, что, подобно созданной в той же среде гипотезе о варяжском происхождении Руси, в ней было гораздо больше стремления выдать желаемое за действительность, нежели стремления опереться в своих выводах на непредубежденное рассмотрение конкретных фактов.

Вот почему, хотя в этой гипотезе было безусловно здоровое зерно, — констатация генетической связи курдских племен с прибывавшими в течение длительного периода на территорию горных районов Малой Азии

кочевыми пастушескими племенами, часть которых говорила на иранских языках, — она была с такой легкостью опровергнута в начале XX в. акад. Н. Я. Марром, попытавшимся связать вопрос происхождения курдов с существовавшими ранее предположениями о связи кардухов Ксенофонта с другими народами малоазиатско-кавказского мира, в частности с грузинами.¹⁷

Развивая это свое положение, акад. Н. Я. Марр, в соответствии с традициями русской востоковедной школы, не ограничился лингвистическим обоснованием предлагаемого им сближения терминов «курд» и «кардух», но сделал эту близость племенных названий одним из аргументов своего основного тезиса о том, что генетически курды должны принадлежать к автохтонному населению Малой Азии и лишь впоследствии подверглись «лингвистической иранизации».¹⁸ Этот тезис акад. Н. Я. Марр обстоятельно аргументирует рядом убедительных реминисценций в социальном строе, духовной культуре и религиозных верованиях курдов, свидетельствующих об их беспорной близости к автохтонному населению Малой Азии и Закавказья. Намечая возможную связь курдов с конкретными этническими общностями Древнего Востока, акад. Н. Я. Марр обосновывает свою гипотезу о связи курдов с кардухами следующими двумя аргументами.

Во-первых, армянской исторической традицией, видящей в курдах, именуемых армянскими источниками «нечестивым народом кордик», потомков кардухов¹⁹ и, во-вторых, общим корнем *кард*—*корд*, лежащим, по его мнению, в основе племенных названий кардухов, картвелов, халдов и нынешних курдов. При этом, видя в суффиксе *-х* термина *кард-х* яфетический показатель множественного числа, акад. Н. Я. Марр рассматривал язык кардухов как один из «яфетических» языков исконных насельников Малой Азии и Закавказья, приходя на этом основании к выводу, что в последующую эпоху «язык курдский, очевидно, подвергся коренному изменению, полной замене яфетического арийским».²⁰ Все это давало возможность акад. Н. Я. Марру утверждать, что курды — это «прямые потомки кардухов, точнее продолжатели народных традиций этого племени».

Нетрудно заметить, что выдвинутый акад. Н. Я. Марром тезис о «яфетическом» происхождении курдов, несмотря на свою обоснованность, в значительной мере имел полемический характер и выдвигался им в противовес господствовавшему в официальной науке того времени утверждению примата «арийского» или, на худой конец, семитического элементов в культурном развитии народов Передней Азии. Этого, впрочем, не скрывает и сам акад. Н. Я. Марр,²¹ и это обстоятельство сказывается как на подборе аргументов, которыми он обосновывает выдвигаемый им тезис, так и на стремлении вскрыть слабые стороны в аргументации противника, перевести научный спор в плоскость, для противника невыгодную.

В самом деле: единственным неколебимым научным авторитетом для Михаэлиса и Шлодера была Библия, и все факты реальной действительности рассматривались ими с точки зрения обязательного соответствия их библейскому тексту. Как только выяснилось, что курды говорят на иранском языке и, стало быть, не могут быть библейскими халдеями, так всякий интерес к ним со стороны христианских историков и филологов пропал. Как известно, теория генетического родства и высокой культурной роли народов, говорящих на индоевропейских языках, возникла в период подъема национального движения в Германии в противовес господствовавшей до этого библейской теории, признававшей варварскими и лишенными научного значения все языки мира, за исключением греческого, латинского, еврейского и арамейского — четырех языков, на которых была, по евангельской легенде, сделана надпись над распятым Христом.

Достигшая к середине XIX в. максимального расцвета теория примата в культурной и исторической жизни мира народов, говорящих на индоевропейских языках, является для Куника и его научных последователей таким же непререкаемым научным авторитетом, каким была Библия для Михаэлиса и Шлецера. Особенно наглядно можно проиллюстрировать это на работах Ренана, представляющих собой по существу попытку рассмотреть Библию с позиций индоевропейского языкознания. Поэтому единственным аргументом, свидетельствующим об «арийском» происхождении курдов, а стало быть, и их предков — «северных халдеев», для историка Куника является курдский язык, уже возведенный в то время работами Редигера и Потта к общеиндоевропейскому праязыку. Этому ведущему, основному аргументу подчинены все остальные аргументы антропологического, исторического, культурного, этнографического и тому подобного порядка.

В противоположность этому для лингвиста Н. Я. Марра, скептически относящегося к теории культурно-исторического примата народов, говорящих на индоевропейских языках, решающее доказательное значение приобретает весь комплекс аргументов, а не взятый изолированно язык, иранская природа которого рассматривается Н. Я. Марром как явление вторичное, навязанное автохтонному населению пришедшими племенами индоевропейцев. Произошло это не потому, что Куник или Ренан были сильны в языкознании, а Н. Я. Марр не придавал значения данным языка. Отнюдь нет. Просто, пользуясь слабостью аргументации Куника и его последователей, построенной на заимствованном из вторых рук утверждении о генетической близости курдского языка с иранским, Н. Я. Марр стремится лишить своего научного противника его основного аргумента, выдвигая взамен гипотезу о вторичности иранской природы языка курдов. Поскольку в языкознании хорошо известны случаи навязывания языка одного народа другим, постольку гипотеза Н. Я. Марра была вполне правомочна, тем более что Н. Я. Марр, приведя несколько примеров, которые можно истолковать как сохранившиеся в современном иранском языке курдов рудименты доиранского субстрата,²² высказывает предположение, что подобно тому, как в более раннюю эпоху иранские племена навязали автохтонным племенам курдов свой язык, так и позднее племена турецких завоевателей, к которым были социально близки курды в средние века, навязали значительной части курдского народа турецкий язык.²³ Таким образом, с точки зрения Н. Я. Марра, курды сохраняют элементы древней культуры Переднего Востока потому, что они являются потомками автохтонного населения, которому завоеватели — иранцы и турки — навязали свой язык. Такой постановкой вопроса Н. Я. Марр делает гипотезу Куника о примате арийской культуры, построенную на иранском характере курдского языка, такой же бессмысленной, какой оказалась гипотеза Михаэлиса после того, как был обнаружен иранский характер курдского языка. Следует отметить при этом, что намеченная акад. Н. Я. Марром интерпретация всего комплекса фонетически близких этнонимических терминов *кард* — *курд* — *горд*, имеющих весьма широкое распространение в Малой Азии и Закавказье, независимо от реальной возможности сопоставления этого комплекса в целом или в отдельных его частях с названием курдов, представляется более чем правдоподобной. Не случайно впоследствии значительная часть зарубежных исследователей древней истории этого района сохраняет в своих трудах основные принципы этой интерпретации, правда, не называя имени ее автора.²⁴

Таким образом, точка зрения акад. Н. Я. Марра на проблему этногенеза курдов, несмотря на ее полемичность, а быть может именно благодаря ей, оказалась достаточно плодотворной и заставила при решении этой

Проблемы принять в расчет автохтонные племена горных районов Малой Азии, сыгравшие существенную роль в формировании курдского народа. Наиболее слабым, пожалуй, местом предложенной акад. Н. Я. Марром гипотезы о происхождении курдов является роль в этом процессе иранских племен. Выдвигая тезис об «иранизации» кардухов, Н. Я. Марр не конкретизирует, когда и при каких обстоятельствах происходила эта «иранизация». Поэтому неясным остается вопрос о том, какую роль сыграли в формировании курдского народа ираноязычные племена и племена автохтонные: кому был навязан иранский язык — отдельным разрозненным горным племенам местного населения или уже сложившемуся народу; каков был социальный строй, особенности хозяйственной жизни и культурный уровень иранских и автохтонных племен; был ли это процесс завоевания кочевниками оседлого населения или же происходило объединение в общую конфедерацию иранских и местных племен. На все эти вопросы мы не находим ответа у Н. Я. Марра, потому что проблема не введена им в конкретные исторические рамки. В самом деле, когда акад. Н. Я. Марр говорит о тюркизации местного малоазийского, в том числе и курдского, населения в середине века в результате экспансии тюркских племен, то, отмечая социальную близость этих племен к курдам, он говорит о той крупной роли, которую сыграли некоторые курдские племена в формировании турецкого народа в качестве подвергшегося отуречению субстрата.²⁵ Н. Я. Марр особо подчеркивает, что речь идет о курдах кочевниках, а не оседлых, и что курдская народность — это «замолчанная историей народность, которая могла представить и действительно представляла элемент, более заразителный для турок. Она единственная в интересующем нас районе стояла еще ко времени появления турок на высоте доблестей пастушеско-воинского быта».²⁶ И действительно, мы знаем, что в числе тюркоязычных, в настоящее время кочевых племен на территории Турции имеется ряд племен, которые по своему происхождению являются не тюрками, а отуреченными иранскими, а порою и арабскими племенами.²⁷ Следовательно, если мы согласимся с акад. Н. Я. Марром и признаем, что курдские племена внесли свой, отличный от других местных народов (часть из которых также подверглась отуречиванию) вклад в формирование нынешних малоазийских турок, то мы должны будем признать, что вклад этот, хотя в нем и имеются более или менее сильные рудименты местной автохтонной культуры, внесен племенами, уже подвергшимися почти полной иранизации и говорившими, во всяком случае, на иранских или арабских диалектах. Н. Я. Марр так и говорит: «Часть курдов сохранила исконную племенную организацию вместе с народной религией, но она давно обновила архаическую терминологию национального уклада жизни прировнительно к среде, переведя ее на иранский или арабский язык. Другая же часть, более значительная, приняв ислам, вступила на путь слияния с мусульманами, в Малой Азии с турками и на путь перехода из племенной организации в государственную».²⁸

Следовательно, с точки зрения акад. Н. Я. Марра (и эта мысль красной нитью проходит через всю его статью), к моменту появления в Малой Азии турок, т. е. в средние века, курды представляли собою ряд кочевых и полукочевых пастушеских племен, говоривших на различных иранских и арабских диалектах. Мы еще вернемся далее к этой точке зрения на курдов одного из лучших знатоков переднеазиатского средневековья, пока же отметим, что с этой точкой зрения находится в противоречии высказывавшееся одновременно Н. Я. Марром предположение о генетической связи курдов с кардухами Ксенофонта, народом кордик армянской исторической традиции и всем тем многочисленным комплексом различных племен и народов, обитавших в древности и даже в начале средневековья

в горных районах Малой Азии, в настоящее время частично совпадающих с районом расселения курдов.

Дело в том, что совершенно независимо от того, признаём ли мы вместе с одной группой исследователей лингвистическую возможность отождествления терминов «курд» и «кардух», или же присоединяемся к другим, не видящим основания для такого отождествления, — прежде чем говорить о потенциальной близости племенных названий курдов и кардухов, следует задаться вопросом: а возможно ли вообще такое отождествление? Кардухи были оседлыми горцами, которые занимались скотоводством в сочетании с интенсивными формами земледелия, вплоть до засвидетельствованного Ксенофонтом виноделия. У нас нет никаких данных для предположения, что среди этих автохтонных горцев были пастушеские племена. Стало быть, кардухи в целом не могли быть обладателями тех черт пастушеско-воинского быта, которые, по справедливому мнению акад. Н. Я. Марра, обусловили близость курдских племен в средние века к кочевым племенам тюрок-сельджуков. С другой же стороны, именно эти черты должны быть характерны для давно уже появившихся в крае кочевых и полукочевых пастушеских племен, говоривших на иранских и семитических языках и диалектах. В мощные конфедерации, создаваемые этими племенами и боровшиеся против рабовладельческих государств Малой Азии, входили, как мы видели, также и местные скотоводческие племена, вынужденные в силу тех или иных внешних причин переходить к кочевому образу жизни. Процесс этот обычно бывал связан с вторжением пришлых кочевых племен, что обычно приводило к изменению лингвистического облика края. Что же касается кардухов, то, как мы видели, населяемая ими область, во всяком случае до середины I тысячелетия до н. э., не подвергалась такого рода экспансии. Следовательно, кардухи не могли быть в числе тех компонентов, на базе которых складывались курдские племена. А раз так, то вопрос о большей или меньшей степени вероятности лингвистического отождествления терминов курд и кардух сам собой отпадает, тем более, что в качестве названия для курдского народа этот термин появляется очень поздно, а в качестве самоназвания — еще позднее.

Из сказанного не следует, однако, что столь убедительно аргументированная акад. Н. Я. Марром гипотеза о связи кардухов с курдами, поддерживаемая к тому же армянской исторической традицией, вообще лишена какого бы то ни было основания. Нет, она отражает совершенно реальный факт курдской истории. Когда в X в. н. э. союз курдских племен Рожки завладел районом южнее Ванского озера, то он, между прочим, освободил от власти грузинского царя Давида II племя «кардуки», т. е. потомков ксенофонтовых кардухов, вошедших таким образом с этого времени в состав одного из крупнейших курдских союзов племен.²⁹ При этом весьма существенно, что борьба за гегемонию над кардухами шла между феодальными верхушками тех двух народов — курдов и грузин, — этнические названия которых лингвистически могут быть сближены с племенным названием кардухов. Следовательно, и для такого сближения у акад. Н. Я. Марра были достаточно веские основания. Вопрос лишь в том, что указанный выше факт, представляя интерес для истории кардухов, не имеет решающего значения для проблемы этногенеза курдского народа, который в целом происходил независимо от исторических судеб кардухов. Тем не менее нелишне подчеркнуть, что включение остатков кардухов в состав одного из союзов курдских племен, с которыми они, по-видимому, затем полностью ассимилировались, происходило в ту эпоху, когда в исторической жизни Малой Азии, Западного Ирана и Закавказья начинают играть крупную роль племена тюрок-сельджуков. Поэтому акад. Н. Я. Марр был прав, локализуя трансформацию кардухов в курд-

ское племя сельджукской эпохой и связывая этот процесс, с одной стороны, с судьбами древних насельников Урарту — халдов,³⁰ а с другой стороны, через тайные курдские народные верования и секты, из которых наиболее значительно и интересно езидство, со всем комплексом широких народных движений в странах Передней Азии в домонгольскую эпоху.³¹

Рациональным зерном гипотезы Куника, возникшей в качестве анти-тезы михаэлисовой гипотезы о связи курдов с библейскими халдеями, является сближение курдских племен с пастушескими, по преимуществу ираноязычными, племенами, которые появляются в горных районах Северной Месопотамии в период расцвета здесь рабовладельческих обществ и которые сыграли весьма важную роль в дальнейших судьбах края и в этногенезе его населения. Идеологический кризис теории культурного примата арийцев, наряду с дальнейшим развитием сравнительно-исторического метода в языкознании, привели к тому, что в конце XIX—начале XX вв. в науке становится господствующей мысль о том, что история народа не адекватна истории языка, на котором этот народ говорит.³² Эта мысль и лежит в основе родившейся в полемике с панарийскими взглядами Куника гипотезы акад. Н. Я. Марра о происхождении курдов; рациональным зерном этой гипотезы является утверждение, что курды обладают рядом черт, роднящих их с автохтонными народами Малой Азии, Западного Ирана и Закавказья в такой же степени, в какой можно сблизить курдов с мигрировавшими в край пастушескими племенами помадов, однако не только иранцев, но и арабов, а в особенности тюрков; сам же процесс сложения нынешних курдов завершается лишь в сельджукскую эпоху, т. е. в период расцвета феодальных отношений на Ближнем Востоке. Впоследствии в связи с эволюцией своих взглядов акад. Н. Я. Марр предполагал связать вопрос об этногенезе курдов с киммерийской (сарматской) и мидийской проблемами,³³ однако подробного обоснования эта точка зрения в его работах не получила.

По мере накопления новых данных как по курдам, так и вообще по этнической истории Передней Азии перед наукой со все большей силой вставал вопрос о том, когда, на каком этапе истории Передней Азии и где именно происходил процесс сложения курдского народа. В зависимости от решения этого вопроса сравнительно просто можно было бы ответить и на намеченный уже в общих чертах вопрос о том, какие конкретно компоненты принимали участие в формировании курдского народа и какова была роль каждого из них в этом процессе.

Первой серьезной попыткой пересмотреть проблемы этногенеза курдов под этим углом зрения, попытаться ввести ее в сколько-нибудь четкие исторические рамки является доклад проф. В. Ф. Минорского о происхождении курдов на XX Международном конгрессе ориенталистов, состоявшемся в 1938 г. в Брюсселе.³⁴

Подобно большинству исследователей, В. Ф. Минорский не видит достаточных оснований для сближения курдов с кардухами, повторяя весь достаточно убедительный комплекс лингвистических, историко-культурных и прочих соображений, затрудняющих возможность такого сближения. Вместо кардухов в качестве возможных локальных предков курдов из числа древних насельников горных районов Северной Месопотамии и прилегающих к ней районов В. Ф. Минорский намечает их ближайших соседей — пактиев, населявших, по Геродоту, вместе с армянами и другими народами Тринадцатую сатрапию. Опираясь на мнение Т. Нельдеке и М. Хартманна, В. Ф. Минорский сближает название этого племени с названием области Бохтан, которую он идентифицирует с Пактикой Геродота.³⁵ К сожалению, наши сведения о пактиях настолько скудны, что трудно что-нибудь конкретно возразить по поводу такого отождествления. Лучшее, пожалуй, возражение против предложенного

отождествления курдов с пактиями принадлежит самому же В. Ф. Минорскому. Сопоставив сближаемые между собой термины «пактии» и «Бохтан» с утверждением Шереф-наме о том, что этонимами курдов являются два брата — Бохт и Бачап, В. Ф. Минорский пишет: «В принципе рискованно основывать происхождение народов на этимологиях. Последние должны опираться на исторические и географические факты». ³⁶ И это действительно так. Формальная убедительность этимологий, так же как и формальная фонетическая близость этнических и топонимических названий даже при условии точнейшего соблюдения всех исторических и межязыковых соответствий ничего сами по себе не доказывают. Если оставаться в рамках реального, то единственный вывод, который можно сделать из всего комплекса немногочисленных доказательств возможного сближения курдов с пактиями Геродота, сводится вкратце к следующему: подобно тому, как кардухи (о которых, к слову сказать, мы знаем неизмеримо больше, нежели о пактиях) оказались, в конечном счете, племенем, вошедшим в один из курдских союзов племен, не исключена возможность, что такая же участь постигла и пактиев. Впрочем, не было бы ничего удивительного, если бы на поверку оказалось, что термин пактии отразился в термине Бохтан примерно так же, как в селении Каспи в Грузии отразилось название современных пактиям каспиев. Во всяком случае, у нас нет никаких данных, позволяющих утверждать, что пактии сыграли решающую роль в этногенезе курдского народа. Методологически, однако, сопоставление курдов с пактиями имеет некоторое преимущество перед сближением их с кардухами. Такое сопоставление, не отрицая возможностей близких связей курдов с автохтонным населением горных районов Малой Азии, Западного Ирана и Закавказья, позволяет вместе с тем элиминировать сложный и трудноразрешимый вопрос об этническом термине *курд* — *кард*, получившем в этом районе весьма широкое распространение. Поэтому применение этого термина при анализе этнических связей курдского народа не может не приводить к значительной путанице; тем более, что, как это удалось блестяще показать еще раньше В. Ф. Минорскому, у ранних арабских историков под «курдами» разумеется не только конкретный народ, носящий в настоящее время это название, но и значительная часть ираноязычных кочевых племен, обладавших военной родоплеменной организацией и населявших по преимуществу горные районы. ³⁷ Иными словами, термин «курд» имеет еще второе, более широкое значение, подобно тому, как это мы наблюдаем в термине «казак», применяемом не только по отношению к конкретному народу, но и для обозначения различных групп населения, обладающего военным устройством, от Днепра до Алтая. Вот почему В. Ф. Минорский оговаривает, что он в своем докладе говорит лишь о «курдах, говорящих на курдском языке», ибо, по его мнению, «для курдов, разбросанных на столь значительном пространстве и обладающих столь значительными различиями в соматическом облике, существенными факторами (для их национальной характеристики) являются образ жизни и вдобавок язык». ³⁸ И здесь В. Ф. Минорский расходится с Н. Я. Марром, видевшим в иранском характере языка нынешних курдов явление вторичное, результат вытеснения ранее собственного курдам языка, близкого по типу к языкам автохтонного населения Малой Азии и Закавказья. Для В. Ф. Минорского, наоборот, иранский характер курдского языка является одним из существеннейших факторов при решении проблемы этнической истории курдского народа. Поэтому и анализ этой проблемы В. Ф. Минорский начинает с анализа курдского языка, одним из лучших знатоков которого он является.

В. Ф. Минорский совершенно прав, когда он считает, что в нынешнем своем состоянии курдский язык, относящийся, как известно, к западной подгруппе юго-западной группы иранских языков, представляет собой

совершенно самостоятельный язык. Безусловно прав В. Ф. Минорский и в том, что, несмотря на обилие и разнообразие диалектов, курдский язык обладает суммой относительно стабильных, для него одного характерных особенностей, которые мы, как правило, обнаруживаем и в каждом из его диалектов. Таким знаем мы курдский язык сегодня, таким предстает он нам в литературных памятниках средневековья, как бы мало изучены они ни были до сего времени. Можно согласиться и с тезисом В. Ф. Минорского относительно того, что расхождения, отличающие курдский язык в сравнении с персидским, характерны и для каждого из диалектов курдского языка в отдельности. Однако отсюда, на мой взгляд еще очень далеко до вывода В. Ф. Минорского о том, что в основе курдского языка лежит язык пекоторой значительной группировки, основные характерные черты которого уже сформировались до экспансии курдов в район их нынешнего расселения. Поскольку язык является неотъемлемым атрибутом общества и не может существовать вне общества, постольку этот вывод В. Ф. Минорского неминуемо ведет его к предположению, что курды прибыли в места их нынешнего обитания в качестве уже сформировавшегося народа со своим, отличным от других ираноязычных народов и племен, языком. Поскольку же возвести эти характерные для курдского языка черты, отличающие его от персидского и других иранских языков к общеиранским праязыковым формам не представляется возможным и курдский язык не может быть представлен как потомок одного из диалектов реконструируемого иранского праязыка, постольку В. Ф. Минорский вынужден искать между предполагаемой прародиной иранских племен в Средней Азии и районом нынешнего обитания курдов такой пункт, где могло бы произойти сложение курдского языка, а стало быть и курдского народа. Таким пунктом, с точки зрения В. Ф. Минорского, является Малая Мидия, или Антропатена, т. е. расположенный к югу от Урмийского озера район нынешнего Мукринского Курдистана. Нелишне напомнить, что эта точка зрения, так же как и взгляд на курдов как на потомков кардухов, восходит в конечном счете к армянской исторической традиции.³⁹ Свою точку зрения В. Ф. Минорский весьма тщательно аргументирует уже известными нам многочисленными фактами из истории края, свидетельствующими о появлении здесь, начиная с середины VIII в. до н. э. иранских элементов, останавливаясь с особой скрупулезностью на истории государства Манна. В. Ф. Минорский безусловно прав, полагая, что местные автохтонные элементы в течение достаточно длительного времени перемешивались здесь с иранскими элементами,⁴⁰ которые, прибывая в край, как мы видели, оседали здесь, не только принося свою культуру пастушеских племен, но и усваивая местную высокую земледельческо-скотоводческую культуру.

Особое значение придает В. Ф. Минорский свидетельству древних источников о появлении на территории мидийцев и маннейцев киммерийских и скифских племен, которые явились, по мнению В. Ф. Минорского, основной силой, вызвавшей падение древней Ассирии и Ниневии. В. Ф. Минорский, в частности, считает, что ассирийский термин «Умман манда» — «орды племен Манда» относится к киммерийским и скифским племенам. После сложения Мидийского государства одновременно с движением мидийских войск на Запад, в Мидию, началось, по мнению В. Ф. Минорского, и продвижение из района Малой Мидии в том же направлении ираноязычных кочевых племен. Это привело, с одной стороны, к заселению предками нынешних курдов района их нынешнего обитания в Северной Месопотамии, а с другой стороны, к распространению в районах, отмечаемых греческими источниками, племен, именуемых различными фонетическими вариантами термина «манна»; к числу таких племен В. Ф. Минорский относит и геродотовских матиенов, и ксенофоновых мардов, видя

в них отдельные мидийские племена, переселившиеся на запад.⁴¹ Именно здесь, двигаясь на запад от Урмийского озера к Ванскому, мидийско-маннейские племена вошли, по мнению В. Ф. Минорского, в соприкосновение с издавна обитавшими на этой территории племенами, в названии которых в той или иной форме отразился корень *курд* — *кард*, т. е. с куртиями, кордик и другими.

В этой связи В. Ф. Минорский обращает внимание на тот весьма существенный факт, что самоназванием курдов служит до сих пор не подававшийся этимологизации термин «курмандж», и пытается дать ему осмысление в свете своей гипотезы о происхождении курдов. По мнению В. Ф. Минорского, термин «курмандж» в его нынешнем фонетическом облике возник в результате отпадения звука *д* в первой части термина и наращения звука *дж* в его второй части и первоначально должен был звучать как *курд-ман*, представляя собой комбинацию из племенных названий от корня *курд*, лежащего в основе названия кардухов, или кутиев, и корня *ман*, лежащего в основе названия мидийцев, или маннейцев. Следовательно, по значению этот термин значил нечто вроде «кардухомидец», или курдо-маннеец.⁴²

Было бы неправильно противопоставлять предложенную В. Ф. Минорским гипотезу происхождения курдов гипотезе акад. Н. Я. Марра в такой мере, в какой эта последняя противопоставлялась панарийской гипотезе Куника, Ренана и Лерха. Наоборот, несмотря на известную эволюцию точки зрения В. Ф. Минорского по сравнению с его более ранними работами,⁴³ этот крупнейший знаток курдского вопроса, первоначально полностью разделявший мнение акад. Н. Я. Марра о ведущей роли малоазиатского субстрата в курдской проблеме и о связи самих курдов с кардухами, также в дальнейшем переносит центр тяжести на выяснение генетических связей курдов с мидийцами и скифо-киммерийскими племенами, как это предполагал сделать акад. Н. Я. Марр. Мне думается, что эта эволюция в основном находит себе объяснение в эволюции общераспространенных в науке в начале и в середине XX в. взглядов как на проблемы этно- и глоттогенеза в целом, так и на время прихода в Западный Иран и Малую Азию племен, говоривших на индоевропейских языках и на роль этих племен в этнической и культурной жизни Древнего Востока.

В этой связи соображения В. Ф. Минорского о возникновении в IX—VII столетиях до н. э. в Западном Иране крупных общностей иранских племен, не только ведущих кочевой образ жизни, но и оседавших на землю и при этом смешивавшихся с местным автохтонным населением, и о передвижении части этих племен после падения Ассирии и Урарту на запад, в горные районы нынешнего Курдистана, — эти соображения являются совершенно необходимым дополнением к мысли акад. Н. Я. Марра о крупной роли автохтонного населения горных районов Малой Азии в формировании нынешних курдов. При этом, как мы имели возможность убедиться, В. Ф. Минорский, отказываясь от непосредственного отождествления курдов с кардухами Ксенофонта, не снимает, а, наоборот, дополняет, расширяет эту мысль акад. Н. Я. Марра, указывая на генетическую близость курдов с рядом ныне забытых племен и народов Древнего Востока.

Такой постановкой вопроса В. Ф. Минорский совершенно правильно, на мой взгляд, подчеркивает то весьма существенное обстоятельство, что в этногенезе курдов приняло участие не одно какое-нибудь определенное племя из массы автохтонных насельников края, а значительное количество различных племен и мелких народцев древности, которые в силу тех или иных причин в течение довольно длительного срока оказывались вовлеченными в мигрировавшие на территорию края конфедерации ираноязычных племен. Следовательно, нет ничего удивительного и в том, что

отдельные реминисценции субстратного порядка заставляют связывать курдов с различными народами Малой Азии, и в том, что исторические традиции народов Передней Азии видят в курдах потомков различных народов. При этом нельзя забывать и того, что как раз в составе горных пастушеских племен, которые были наиболее близки иранским племенам по своему социальному строю, формам хозяйствования и быту и, следовательно, скорее всего могли войти в состав конфедерации племен новых пришельцев, мы не менее, чем среди других групп населения, встречаем к этому времени представителей ранее мигрировавших в край семитических и индоевропейских племен, уже в течение длительного времени находившихся в тесном общении с племенами автохтонного населения. Несомненной заслугой В. Ф. Минорского является то, что в его работах всегда подчеркивается этот сложный и подчас противоречивый характер связей нынешних курдов с автохтонным населением края.

Столь же, если не более сложной, однако, является на первый взгляд хорошо аргументированная В. Ф. Минорским проблема массовой миграции в VII—VI вв. до н. э. в горные районы Северной Месопотамии и прилегающих к ней областей Малой Азии иранских, по характеристике В. Ф. Минорского, кочевых племен, приведшей к существенному изменению этнического и языкового облика края. Сложность вопроса не в том, что возникавшие на восточной окраине Ассирии и других рабовладельческих государств Северной Месопотамии мощные конфедерации племен, в том числе мидийский союз племен, составляли не только иранские племена, но и племена автохтонные, близкие и по культуре, и по языку к населению соседних районов Малой Азии.⁴⁴ Это лишь несколько увеличивает удельный вес субстратных моментов в характеристике курдов. Главная сложность состоит в том, что иранские племена в момент своего прибытия в тот район, откуда они затем мигрировали на территорию нынешнего Курдистана, не представляли собой чего-то единого. Не говоря уже о скифах и киммерийцах, бесспорно, разнящихся и по языку, и по культуре от мидо-персидских племен, даже между отдельными племенами мидийцев и персов не могли не существовать более или менее значительные различия, поскольку прибыли они, по-видимому, не одновременно и из различных пунктов первоначального обитания. Следовательно, если даже допустить — что весьма вероятно — возможность взаимного общения между говорившими на разных племенных диалектах иранцами, то отсюда еще очень далеко до утверждения, что еще до прихода на территорию нынешнего Курдистана ираноязычные племена обладали языковой общностью, которая явилась впоследствии основой будущего курдского языка. Для возникновения такой общности, да к тому же еще в относительно короткий срок — а язык относится к числу явлений очень устойчивых — не было основной необходимой предпосылки: не было общемидийского общества, которому был бы нужен такой общий язык. Существовавшее весьма недолгий срок Мидийское государство было, как известно, довольно рыхлым государственным образованием, включавшим различные полунезависимые области и племена.⁴⁵ Следовательно, общемидийский язык, хотя бы в виде противопоставляемой другим иранским языкам системы взаимосвязанных между собой диалектов, нам неизвестен не потому, что от языка мидян дошло всего лишь несколько слов, сохранных Геродотом и памятниками древней клинописи, а потому, что такого языка на территории Мидии и не могло возникнуть. Теоретически возможно предположить существование мидийского языка лишь в том случае, если бы можно было утверждать, что вошедшие в мидийский союз ираноязычные племена прибыли из района первоначального обитания иранцев единой компактной массой, говорившей на общем языке, как например это можно предположить в отношении малоазийских скифов или в более

позднюю эпоху — арабов. Однако для такого утверждения в отношении иранских племен, вошедших в состав мидийского союза, у нас нет никаких оснований, как нет оснований для противопоставления в лингвистическом отношении мидийских племен персидским: отдельные племена входили в мидийский или персидский союз племен не по языковому, а по политическим признакам.⁴⁶ Поэтому и попытка ряда лингвистов реконструировать мидийский язык, отнеся к нему все те иранские элементы, которые не укладываются в принципиальную схему персидского языка ахеменидских надписей, методологически беспомощна и не имеет под собой реальной почвы.⁴⁷ Между тем, именно эта реконструкция мидийского языка лежит в основе всех соображений В. Ф. Минорского об языковой и тому подобной общности иранских племен, мигрировавших на территорию нынешнего Курдистана, и о противопоставлении курдского языка именно персидскому, а не какому-либо другому иранскому языку.

Наоборот, у нас есть все основания предполагать, во-первых, что не все из мигрировавших в VII—VI вв. до н. э. из Западной Мидии в Малую Азию кочевые племена говорили на иранских диалектах и, во-вторых, что ираноязычные племена, даже входившие в состав мидийского союза, а тем более скифские и киммерийские племена, говорили на различных, не связанных между собой в общую систему иранских диалектах.

Следовательно, как мы имели возможность убедиться из непредубежденного рассмотрения всего обширного комплекса фактов, лежащих в основе предположения В. Ф. Минорского, надо считать полностью установленным факт миграции на территорию горных районов, входивших ранее в состав Ассирии, значительного количества в основном ираноязычных племен, приведший к существенному изменению этнического облика всего этого района. Столь же бесспорным является, по-видимому, утверждение, что мигрировали главным образом племена пастухов-номадов, объединившихся в конфедерации, военная мощь которых способствовала в известной мере краху старых рабовладельческих государств и сложению на их развалинах Мидийского, а затем и Персидского государства. Однако, не говоря уже о том, что срок, который прошел от периода сложения этих новых конфедераций племен до их миграции на территорию нынешнего Курдистана, явно недостаточен для того, чтобы ассимилировать неиранские элементы, игравшие крупную роль в их составе, сами иранские племена, вошедшие в эти конфедерации, были в языковом отношении и по своим историческим судьбам весьма неоднородны. Мы можем насчитать по крайней мере три крупных группы: киммерийскую, скифскую и иранскую, или мидо-персидскую, причем последняя, в свою очередь, хотя бы по тем следам, которые она оставила в пестрой диалектологической карте Ирана, тоже не представляла собой чего-то единого и распадалась на несколько конфедераций племен, группировавшихся по политическим, а не по этническим или лингвистическим признакам. Еще менее вероятно, чтобы на территорию нынешнего распространения курдского языка, т. е. в горы Малой Азии, мигрировали племена, говорившие на одних диалектах, а на территорию распространения столь же связанных с мидийской проблемой языков азербайджанского, талышского и др., т. е. на территорию нынешнего Иранского Азербайджана, мигрировали племена, говорившие на других диалектах. Между тем, с одной стороны, языковая грань между курдским и иранскими диалектами Северо-Западного Ирана ощущается впоследствии совершенно явственно, а с другой стороны, только экспансия тюркоязычных племен разорвала в позднем средневековье единую область распространения иранской речи от Курдистана до южных берегов Каспия.⁴⁸

Таким образом, гипотеза В. Ф. Минорского, вводя в реальные рамки давно уже намечавшуюся проблему субстрата в сложении курдского

народа, устанавливая начало периода массовой миграции в горные районы Малой Азии иранских племен, не дает тем не менее удовлетворительного ответа на основной вопрос: когда и в каких условиях начался и протекал процесс формирования курдов, одного из коренных народов Ближнего Востока, населяющего обширную горную страну на востоке Малой Азии и на западе Иранского нагорья, обладающего ясно выраженным комплексом характерных именно для него черт в быту, материальной и духовной культуре, говорящего на языке, бесспорно отличном от других иранских языков, играющем на протяжении длительного времени достаточно активную роль в исторической жизни Передней Азии. Попытке ответить на этот вопрос посвящена следующая глава.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Крушение старых рабовладельческих государств — Ассирии, Урарту, Ниневии и сложение на их развалинах Мидийской державы, а также последовавшая за этим военная экспансия Мидии на запад были связаны, как мы видели, со значительным продвижением в горные районы Малой Азии иранских кочевых племен, объединенных в относительно сильные конфедерации, военной мощи которых не могли противиться даже испытанные войска рабовладельческих деспотий. Этот поток иранских номадов, просачивавшихся сквозь перевалы в плодородные горные долины Армении и Северной Месопотамии, не может быть назван первой волной иранской экспансии; однако, значительно превосходя по силе все предыдущие, он привел к настолько серьезному изменению этнического облика большинства горных областей края, что иранская речь начинает вытеснять господствовавшие здесь ранее местные языки и речь переселенных с запада семитов.

Мы вряд ли будем далеки от истины, утверждая, что та часть этой иранской волны, которая шла с севера, через Кавказ, относительно мало затронула горные районы Северной Месопотамии. Во всяком случае, если можно говорить о результатах киммерийского и скифского вторжения в Армению и Мидию, то следы его на территории Северной Месопотамии обнаружить трудно, и, несмотря на предположения ряда исследователей, случайные факты, свидетельствующие о возможности воздействия скифов или киммерийцев на этногенез курдов, настолько неубедительны и противоречивы, что их пока приходится игнорировать.¹ Стало быть, в первую очередь, когда речь идет о кудах, приходится считаться с результатами экспансии в Северную Месопотамию иранских племен с востока, с территории Мидии, причем в этом случае, конечно, как это нам приходилось отмечать, скидывать со счетов последствия проникновения сюда скифов не приходится, хотя практически учесть такого рода опосредствованные реминисценции почти невозможно, в особенности, принимая во внимание расплывчатость скифской проблемы в целом, а также возможные результаты позднейших проникновений в горы Курдистана близких по языку и культуре племен Северного Кавказа — аланов, русов и др. Нельзя также забывать и того, что скифские элементы могли попасть и действительно попадали к курдам через тюркскую среду. В этом отношении большой интерес представляет приводимая Н. Я. Марром в изложении Чамчана армянская легенда о происхождении курдов: «Когда (в X-м веке), — гласит эта легенда, — арабское владычество стало колебаться и умножились эмиры в различных странах, скифы, бывшие по ту сторону Каспийского моря, называемые турками, устремились во множестве в Персию и Мидию, овладели многими местами и обратились в их веру и сделали ими (персами и мидийцами) по религии и языку. Многие из них, соединившись с мидийскими князьями, вторглись в Армению в пределы кор-

ду'х'ов и моков, овладели этими странами и осели в них. Они-то и называются теперь курдами. Некоторые из них двинулись в Месопотамью армянскую и сирийскую, где и поселились. И с ними впоследствии слились многие из христиан, обратившись в их веру».²

В трудах С. П. Толстова, посвященных широкому и разнообразному комплексу этнических, культурных и языковых фактов, связанных с так называемой «скифской проблемой», с достаточной подробностью вскрыты весьма характерные для этой проблемы случаи взаимодействия иранских и тюркских элементов.³ Можно утверждать, что и для малоазийско-закавказского района (включая и области Северо-Западного Ирана) скифская проблема также не может быть ограничена только иранскими рамками. Достаточно напомнить хотя бы мнение В. Б. Пиотровского о том, что проникшие на территорию Закавказья скифы, двигаясь отсюда далее в глубь Передней Азии, несомненно включали уже и контингент местного населения Закавказья, в то время в значительной мере состоявшего из полукочевых и даже кочевых скотоводов.⁴

Поэтому и в сообщаемой Чамчагом чрезвычайно любопытной и важной для выяснения этнической истории курдов легенде мы также не вправе видеть в «скифах» простое перенесение известного по исторической традиции термина на новых кочевников — тюрок. Если вспомнить хотя бы, что в соответствующих местах «Повести временных лет», сохраняющей в отношении скифов близкую по времени и восприятию историко-культурных фактов традицию греческой хроники Георгия Амартола, мы также встречаемся с уподоблением скифов тюркским племенам,⁵ то у нас будут достаточно веские основания для утверждения, что и в данной легенде мы имеем сознательное и покоящееся на фактах реальной близости отождествление скифов с тюрками. Если же это так, то «скифские» элементы у курдов могут иметь настолько широкий диапазон по хронологическим векам и по источникам проникновения, что на данном уровне изученности этнической истории курдов целесообразнее ограничиться только их регистрацией, не строя на них сколько-нибудь ответственных выводов. Скифо-киммерийская проблема в этом отношении, если ее рассматривать в плане конкретных результатов воздействия на этногенез курдов, мало чем отличается от отмеченных нами выше более ранних случаев вторжения иранских и индоязычных племен на территорию Северной Месопотамии, носивших узко локальный характер и приводивших в конечном счете к ассимиляции пришельцев аборигенами.

Иное дело начавшаяся в VII—VI вв. до н. э. экспансия иранских племен с востока, пришедшая на смену имевшей столь же серьезные последствия экспансии семитов с запада. Пожалуй, именно здесь, на территории бывших ассирийских провинций Каррури, Замуа, Парсуа, Бит-Хамбан, Кишессу и Хархар, вошедших затем в состав мидийских земель и получивших выразительное название Сиромидии,⁶ столкновение этих двух различных по этническому составу, языку и социальной структуре потоков приобретало особую силу и значение для дальнейшей этнической истории края. Нельзя не учитывать также, что каждый из этих потоков — и семитический, и в еще большей мере иранский — включал в себя значительные группы местного автохтонного населения, разрушал старые конфедерации, союзы и другие социальные общности и создавал на их развалинах повьис.⁷ Все это, однако, не исключает того, что к моменту сложения Мидийского государства иранские элементы приобретают решающее значение хотя бы уже потому, что к этому времени окончательно вырисовываются контуры многовекового процесса сложения на территории Ирана иранского этноса, явившегося впоследствии базой для образования большинства населяющих Иран народностей.⁸ Начавшееся в VII—VI вв. до н. э. продвижение в горные районы Малой Азии племен иранских нома-

дов является одним из эпизодов, интегральной частью этого сложного и до сих пор еще недостаточно изученного процесса.

В этом смысле, как мы отмечали в предыдущей главе, В. Ф. Минорский совершенно прав, утверждая, что начавшийся несколькими столетиями раньше процесс иранизации Западного Ирана, и в частности области, расположенной южнее Урмийского озера, одновременно с военной экспансией Мидии на запад перекидывается на соседние горные районы Северной Месопотамии и верхнего течения Тигра, южнее Ванского озера. Трудно, однако, согласиться с локализацией этого процесса и территориально, и этнически, и в языковом отношении, да, наконец, и хронологически рамками Мидии. В действительности процесс этот имел гораздо более широкий характер, охватывая собой весь Западный Иран; с падением власти Мидии и образованием Ахемнидской державы, да и после ее развала, иранская экспансия не прекратилась, а продолжалась в течение довольно длительного времени с неослабевающей силой. В этой связи в предыдущей главе мы достаточно подробно показали несостоятельность попытки В. Ф. Минорского свести проблему этногенеза курдов к мидийской проблеме, поскольку в основе этой последней лежит лишенная реального основания гипотеза о резком противопоставлении мидий персам в этническом, культурном и языковом отношении.⁹ Всяческие реконструкции «самобытности» мидийцев и их особого языка являются всего лишь кабинетными попытками — ничего подобного в действительности не было. Наоборот, мы имеем достаточное количество свидетельств современников, не находивших существенного различия между персами и мидянами, между персидским и мидийским языком.¹⁰ Больше того, если мы обратимся к истории Мидийского государства и государства Ахеменидов, то вне зависимости от того, насколько глубоко проникли классовые отношения в толщу основного населения этих двух крупных рабовладельческих деспотий, мы не можем не обратить внимания на отмечаемое всеми исследователями крупное значение для этих государств родоплеменных норм.

Родоплеменная структура и ее институты, трансформировавшиеся применительно к новому содержанию классового общества, резко отличает эти два приобретших широкое значение государства от уничтоженных ими рабовладельческих государств Северной Месопотамии и других районов Малой Азии и Закавказья (за исключением, пожалуй, Хеттского государства, также сохранившего в своем общественном устройстве многочисленные реминисценции родоплеменного порядка). С точки зрения родоплеменных норм, в особенности тех форм их, которые характерны для раннеклассовых государственных образований, возникающих в результате трансформации в классовое общество крупных конфедераций полукочевых племен, оседающих на значительной захваченной ими территории с оседлым населением, переход власти от мидийских царей к Ахеменидам представляется всего лишь столь обычной борьбой внутри союза родственных племен за гегемонию, за господствующее положение в союзе. В таких случаях, как известно, приход к власти более сильного племени на смену одряхлевшему и потерявшему свою былую мощь обязательно связан с переходом власти в пределах всей конфедерации и связанного с ней государства к племенной верхушке нового господствующего племени. Что же касается характера конфедерации и даже государства, а тем более их наименования, то на них такое изменение обычно не отражается.¹¹

В этом смысле Геродот, Ктесий и другие современные этим событиям греческие источники, изображающие борьбу между мидянами и персами в патриархальных топах, называющие Ахеменидов по привычке «царями мидий», а Персидское царство «Мидийским», кажутся значительно более близкими к истине, чем громкие реляции и пышная парадная титулатура

тех же Ахеменидов в их клинописных текстах, явно подражающая таким же реляциям и титулатуре поверженных ими владык древних деспотий Востока.

В этой же связи, ссылаясь на мнение В. Ф. Минорского, дополненное исследованием по истории Мидии И. М. Дьяконова, мы отмечали, в частности, что конфедерация иранских племен, в первую очередь те, которые полностью или частично могли оказаться на территории нынешнего Курдистана, как правило, в связи с мидийской экспансией, являются новообразованиями, возникшими в результате объединения различных по происхождению иранских и неиранских племен. Другими словами, они представляли собой характерную смесь различных племен, объединенных в союз под влиянием внешних обстоятельств, а как известно, именно в этих условиях легче всего пропадают специфические особенности родственных диалектов, труднее всего бывает проследить их исторические судьбы. Допустим, однако, что отдельные диалекты мидийских и персидских племен, как бы причудливо, с точки зрения языковых взаимоотношений, ни объединялись между собой говорившие на них племена, не только сохранили свои особенности, но и имели достаточно сил, чтобы ассимилировать те чуждые элементы, которые этим племенам приходилось включать в свой состав в различные периоды их многовековой последующей жизни. Допустим, следовательно, что хотя бы некоторые из старых диалектов мидийских племен находились в таких же условиях, в которых в течение своей исторической жизни находился франкский диалект, исторические судьбы которого на основании диалектальной картины современной ему Прирейнской области с такой скрупулезностью восстановил Энгельс.¹² При таком допущении мы могли бы с известными оговорками согласиться с мнением И. М. Дьяконова, полагающего, что поскольку существует близость между семнанским диалектом и прикаспийскими диалектами, их можно считать потомками племенных диалектов мидийских племен.¹³ Однако, если мы, не считаясь с отсутствием непосредственной генетической связи между иранской речью Древнего Ирана и новоперсидским языком, начнем противопоставлять эти диалекты персидскому литературному языку, то мы можем с таким же успехом противопоставлять ему курдские диалекты и вообще весь комплекс живых иранских диалектов на территории Ирана и Малой Азии.

Следуя таким путем, мы получим все что угодно, — и «мусульманский пехлеви» К. Хюара и «мидийский язык» того же К. Хюара и Кесреви Тебризи, и курдский Рашида Ясеми.¹⁴ Говорю об этом на основании собственного опыта, потому что в ряде своих лингвистических работ я совершал ту же ошибку, механически противопоставляя живую речь иранских диалектов нормам персидского литературного языка.¹⁵ Другое дело, если бы прекрасный труд В. А. Жуковского по характеристике «персидских наречий» был завершен и мы бы располагали диалектологическим атласом Ирана. Тогда, пользуясь характеристикой отдельных диалектологических групп («полос», по терминологии В. А. Жуковского), можно было бы, привлекая данные истории языка, наметить сохранившиеся реминисценции древних мидийских и персидских диалектов. Однако пока, несмотря на успехи в изучении иранской диалектологии, в этом отношении сделано еще слишком недостаточно, чтобы можно было полагаться на прочность достигнутых результатов.

Тем не менее даже самая поверхностная попытка сопоставить возможные потомки мидийских диалектов — диалекты Семнана, Мазандерана и другие — с курдскими диалектами приводит к бесспорному выводу, что генетически эти две группы диалектов не могут быть непосредственно объединены и восходят к разным, достаточно удаленным друг от друга источникам.¹⁶ Другими словами, мы на лингвистических данных получаем

возможность убедиться, что неоднократно выдвигавшееся мнение о том, что курдский язык является потомком мидийского, не выдерживает проверки фактами. А раз так, то мы должны прийти к выводу, что та волна иранских племен, которая двинулась в горы нынешнего Курдистана в связи с мидийской экспансией и привела к значительному увеличению в крае иранских элементов, не могла еще сама по себе привести к появлению здесь таких ираноязычных пастушеских племен, которые по языковым данным могли бы явиться предками нынешних курдов.

И это вполне естественно. Несмотря на то, что, как правило, именно пастушеские племена, да к тому же не овцеводческие, а коневодческие, обладали относительно большей мобильностью и большей военной мощью, нельзя не считаться с тем, что, как мы уже говорили, конь являлся одним из серьезных препятствий для проникновения этих племен в высокогорные районы альпийских пастбищ, и, двигаясь в качестве победителей, эти племена, конечно, предпочитали оседать в более удобных для них долинах, сгоняя местное население с его исконных или же приобретенных ранее таким же порядком земель. Поэтому в начале иранской экспансии на запад, как мы могли в этом убедиться из показаний Ксенофонта, иранская речь, по-видимому, не распространялась высоко в горы, куда в основном, как и раньше, убегало согнанное со своих насиженных мест скотоводческое население долин.

Тем не менее, как мы видели, рассматривая хозяйственную базу маннейцев, среди продвигавшихся в Северную Месопотамию из соседних районов Мидии пастушеских племен могли быть и такие, для которых основой их хозяйственной деятельности было отгонное овцеводство; такие племена, естественно, стремились бы к овладению альпийскими пастбищами высокогорных районов. В этом отношении большой интерес представлял бы подробный анализ маршрутов горных перекочевок обитающих в крае в настоящее время племен. Даже те немногие данные, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что многие племена нынешнего Мукринского Курдистана, имеющие зимовья на западных склонах горных хребтов, отделяющих Северную Месопотамию (нынешний Северный Ирак) от Мидии, летом кочуют на восточных склонах тех же хребтов, т. е. на территории Мидии. Таков, в частности, маршрут кочевания племен харки, один из трех кланов которого носит название мапда, сближавшееся нами в своем месте с названием народа маппа.¹⁷ Я далек от мысли непосредственно сопоставлять харкинцев с иранскими племенами мидо-персидской эпохи. Это сильное племя возникло, по-видимому, в послемонгольскую эпоху. Однако маршрут кочеваний харкинцев, проходящий по издавна заселенным горным долинам, с населения которых они попутно собирают подать как со своих крепостных, и заканчивающийся прекрасными альпийскими пастбищами на восточных, мидийских склонах, бесспорно очень древен, как древни в своей основе взаимоотношения иранцев-кочевников с семитами — сирийцами и евреями — оседлыми в районе кочевания харкинцев. А раз это так, мы вправе предположить, что этот маршрут сохранился от той эпохи, когда иранские пастушеские овцеводческие племена, продвигаясь с территории Мидии на запад, овладели соседним населенным оседлым районом и, не найдя в нем достаточно хороших альпийских пастбищ, сохранили в своем владении свои старые пастбища на противоположном склоне гор. В этом нас убеждает и труднодоступность гор в этом районе, где переход с одного склона хребта на другой возможен лишь через два-три перевала, известных еще с эпохи ассирийского владычества.

Однако наряду с такого рода передвижениями уже освоившихся в крае племен на сравнительно небольшое расстояние мы располагаем также фактами, свидетельствующими о том, что некоторые иранские

племена прибывали, по-видимому, непосредственно с восточных окраин Ирана — из Средней Азии, Афганистана, Сеистана, и других соседних территорий, являвшихся местами первоначального обитания иранских племен. Судя по тому, что мы, как правило, встречаемся с упоминанием о такого рода племенах одновременно и на востоке, и на западе, можно предположить, что в этих случаях мы имеем дело с передвижениями отдельных частей распавшихся в силу каких-то причин старых племенных союзов. Это предположение кажется тем более вероятным, что и на западе такие племена располагаются в различных удаленных друг от друга районах. Так обстоит дело, по-видимому, с пактиями, которые, согласно Геродоту, обитали на восточной окраине Ирана — в районе города Каспатира (нынешний Кабул), т. е. в пределах Бактрийской земли, населенной бактрийцами, возможной разновидностью наименования которых является и само их название.¹⁸ На западе, как это мы видели выше, пактии обитали в районе Бохтана, дав этой области свое имя; причем это восточноиранское племя, по-видимому, приняло участие в формировании курдского народа. С другой стороны, те же пактии, возможно, обитали и на западе Ирана, оставив след в названии близкой к курдам народности бахтиар.¹⁹ Такую же картину имеем мы и в отношении сагартиев, несомненно иранского кочевого племени, обитавшего первоначально на юго-востоке Ирана в пределах четырнадцатой сатрапии, т. е. в районе нынешнего Сеистана;²⁰ на западе следы сагартиев также обнаруживаются в двух пунктах — Спирт²¹ и южнее, в районе Эрбиля (Арбелы древности), где обитало, по-видимому, продолжая оставаться кочевым, это племя согласно Бисутунской надписи.

Следовательно, перед нами отдельные эпизоды длительного многовекового процесса передвижения в интересующие нас районы племен иранских номадов. Причины, вызвавшие такое передвижение, в особенности же значительные миграции целых племен или их более или менее обширных частей с востока Ирана к его западным границам и в пределы Малой Азии, неясны, как не всегда удается установить причины, вызвавшие то или иное массовое переселение кочевников. По-видимому, однако, крупное значение в этом переселении принадлежит участию военных отрядов иранских кочевых племен в составе тех многочисленных орд, которые современными греческими источниками именуются персидской армией и с помощью которых Ахемениды сумели, завоевав большую часть тогдашнего культурного мира, сколотить свою рыхлую империю.

Персидская армия по своей структуре и боевым качествам ничем не отличалась от армии Мидийского государства, с походами которой связано было, как мы видели, начало крупного продвижения иранских племен с территории Западного Ирана в соседние горные районы Малой Азии. Все это служит еще одним доказательством того, что, вопреки попыткам провести резкую грань между государством мидийцев и персов, между династией мидийских царей и Ахеменидами, общего между ними было гораздо больше, чем различного. В первую очередь это относится к тому, что в центре структур обоих государств находилась столь характерная для иранских племен военноплеменная организация «народной войска» *кара*,²² т. е. системы общенародных, общеплеменных ополчений господствующих племен, на которые опиралась царская власть, освобождая взамен этого членов кара от налогов, взимавшихся с той части населения, которая не входила в состав кара.²³ Нас в данном случае интересует не совершенно бесспорный вопрос о том, что внутри кара уже тогда существовала классовая дифференциация, характерная для всего мидо-персидского государства в целом. Для уяснения проблемы миграции иранских племен номадов и их роли в составе мидо-персидских войск гораздо важнее отмеченное И. М. Дьяконовым обстоятельство, что одни

из иранских племен, входивших во вновь образующиеся конфедерации, в том числе и в мидийский союз племен, назывались «арийскими племенами» — *аризанту*, а другие — «неарийскими племенами» — *анариак*. И. М. Дьяконов, исходя из своей концепции, что иранские племена должны обладать названиями, поддающимися иранской этимологии, видит в аризанту группу иранских племен, название которых он противопоставляет «неиранским» племенам — *анариак*.²⁴ Мне думается, что вопрос об аризанту и *анариак* решается вне зависимости от языковой или этнической принадлежности носящих эти названия племен. Если вспомним значение, которое имел в Иране, да и во всей Передней Азии, термин «ариец» для обозначения господствующего племени или группы племен, то в особенности в связи с той ведущей ролью, которая принадлежала, например, в мидийском племенном союзе племени аризантов, для нас станет очевидным, что имеем в этом случае то же явление, которое *mutatis mutandis* пережиточно сохраняется в структуре средневековых курдских «аширетных» племен и союзов племен.²⁵ В этих случаях «аширетному» племени, обладающему вооруженным отрядом, в основе которого лежит уже известное нам по кара общепарадное ополчение племени, противопоставляются находящиеся в более или менее сильной зависимости от «аширетного» племени прочие племена, входящие в конфедерацию; иногда даже «аширетному» клану племени противопоставляются таким же образом прочие «неаширетные» кланы. Стойкость аширетной структуры объясняется тем, что обладающие такой структурой вооруженные племена играли крупную роль в армиях не только древнего, но и средневекового Востока, являлись основной военной силой, на которую опиралась власть повелителей древних и средневековых восточных деспотий. Да и сами эти большие и малые владыки часто происходили или во всяком случае вели свой род от бывших главарей такого рода племен с военной организацией, где военная доблесть и личное мужество ценились всегда выше всех остальных достоинств, включая и знатность происхождения. Не случайно поэтому формально одна и та же легенда о счастливой судьбе удачливого полупастуха-полуразбойника лежит и в основе мифа о Саргоне, и в основе ктесиевского варианта рассказа о происхождении Кира, и, как это подметил Б. А. Тураев, в основе преданий о происхождении Сасанидов.²⁶ Ее же рассказывают с более или менее значительными вариантами временного и локального порядка о любом курдском эпониме, о любом основателе курдской династии.

Следовательно, и описанная Геродотом персидская армия вряд ли могла быть в основной своей части чем-либо иным, кроме военных отрядов многочисленных племен и народов, подвластных ставшему «царем Мидии» основателем новой ахеменидской династии. Вот почему большая часть рассказа Геродота об этой армии носит столь этнографический характер и посвящена не вопросам тактики или стратегии этой пестрой орды, а описанию вооружения и одежды племенных отрядов, входивших в ее состав. Вслед за этими отрядами, без сомнения, двигались и сами племена, как это было всегда при военных передвижениях кочевников. Иначе мы никак не смогли бы объяснить те астрономические цифры, которые приводит Геродот в качестве численности персидских войск.²⁷ Не случайно также, что по мере укрепления власти Ахеменидского государства над культурными странами древнего мира роль ополчений, игравших столь большое значение в завоевании территории за пределами Ирана, начинает уменьшаться и костяком армии становятся отряды иноземных, по преимуществу греческих наемников. Одной из причин этого явления было то, что первоначально составлявшие основу мидо-персидских войск племена, обладавшие военной структурой, по мере продвижения этой армии в Малую Азию обосновывались на новых местах, вытесняя обитавшее там ранее

население. Приобретая удобные для них и для своего скотоводческого хозяйства земли, племена эти уже не имели желания принимать дальнейшего участия в далеких завоевательных походах Ахеменидов. Находясь в новой местности, в окружении враждебного населения, такие обособившиеся в западных провинциях племена не могли отпускать далеко от себя свои вооруженные отряды. В этом отказе от участия в военных походах ряда племен, которые переселялись с востока на запад, кроется, как мне кажется, одна из основных причин, почему многие из таких племен, в том числе, например, упоминавшиеся выше сагартин, поселившиеся в районе Арбелы, оказывались с точки зрения укреплявших свою мировую империю ахеменидских владык «бунтовщиками», по отношению к которым применялись самые крутые меры воздействия.

Таким образом, у нас есть достаточные основания для утверждения, что та же волна экспансии иранских кочевых племен, которая привела к сложению на большей части территории Ирана иранского этноса и к образованию Мидо-персидского рабовладельческого государства, не только способствовала развалу существовавших ранее рабовладельческих государств на соседней территории Малой Азии, но и привела к существенному изменению этнического и культурного облика Северной Месопотамии и других западных областей Малой Азии.

Начиная с VII—VI вв. до н. э. на протяжении почти целого тысячелетия эти районы, ранее находившиеся в сфере преимущественного этнического и культурного воздействия семитического мира, попадают в сферу воздействия иранского мира. Как ни велико было в последующие годы влияние на этот район западного мира и в культурном и в этническом отношении,²⁸ главным все же является то, что вместе с восточным, иранским миром в качестве его интегральной части Северная Месопотамия и другие смежные с ней области на западе Малой Азии переживают в эту эпоху такие крупные события, как начавшийся в конце дохристианской эры кризис рабовладельческого строя и последовавшее в этой связи возникновение новых форм строя феодального.

Именно в этот период возникают условия для того, чтобы среди горных кочевых пастушеских племен Северной Месопотамии, основную массу которых, как мы видели, составляли до начала иранской экспансии автохтонные и семитические племена, начали появляться иранские племена, роль которых в формировании курдского народа носит решающий характер хотя бы потому, что курдский язык является языком иранским, а в материальной и духовной культуре курдов иранские элементы также играют немаловажную роль. Вот почему, как мы имели возможность убедиться, соображения ряда исследователей, рассматривающих некоторые из этих племен, в частности пактиев и сагартиев, в числе потенциальных предков курдов, имеют реальные основания. Однако первоначально иранские племена, приходя в край в качестве победителей, в основном оседали в плодородных горных долинах, предпочитая сгонять с насиженных мест обитавшее здесь ранее население, чем подыматься в труднодоступные горы, которые, кстати, легче было и оборонять от захватчиков, как это мы видели на примере тяжелого марша десяти тысяч греков через область горцев-кардухов. Следовательно, иранизация Северной Месопотамии и соседних с ней горных районов началась с долин, т. е. происходила примерно так же, как в более позднюю эпоху продвижение в эти же районы тюрко-монгольских кочевых племен.

Более точному установлению времени, когда иранские племена начинают проникать в высокогорные районы, посвящена следующая глава.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Если рассматривать процесс исторического развития Передней Азии в его чистом виде, то передвижение племен иранских варваров на территорию древних рабовладельческих государств Малой Азии, усилившееся с середины I тысячелетия до н. э., привело в конечном счете к сложению на их развалинах новых, значительно больших по размерам рабовладельческих империй мирового порядка. Последовавшие в этой связи походы Ахеменидов на запад — в Египет и Грецию, сменившие их походы Александра Македонского на Восток — в Индию и Среднюю Азию, а затем несколько веков ирано-греческой и ирано-римской борьбы настолько расширили границы рабовладельческого мира, втянули в активную классовую борьбу настолько значительные массы человечества, что наступивший было подъем рабовладельческого строя сменяется его кризисом, приведшим к возникновению в недрах рабовладельческого общества феодальной общественно-экономической формации. Если мы попытаемся конкретизировать этот процесс, являвшийся частью всемирно-исторического процесса, рамками Северной Месопотамии и прилегающих к ней областей, то должны будем отметить, что большинство указанных выше явлений в той или иной мере непосредственно затрагивало эту территорию, лежащую на стыке Востока и Запада. Сюда, как мы видели, проникали с востока иранские кочевые племена, прервавшие происходившую до того экспансию семитического населения с запада; через эту территорию проходят основные пути, по которым двигались и армии иранцев и их союзников, и войска греков и римлян, уводя и изгоняя отсюда отдельные группы населения и, наоборот, приводя или способствуя прибытию других групп. Сама же эта территория, на которой складывается несколько местных государственных образований, попеременно входит в состав то восточного, то западного мира.

В плане этногенетическом весь этот период максимального расцвета рабовладения и последовавших затем растянувшихся на несколько столетий его кризиса и краха, в течение которых «рабство в громадном большинстве стран в своем развитии превратилось в крепостное право»,¹ имеет исключительно важное значение. В это время происходят значительные перемещения народных масс как в надвигавшемся на внешнюю и внутреннюю варварскую периферию рабовладельческого мира, так и в самой варварской периферии, надвигавшейся на рабовладельческий мир. В событиях этой именно эпохи находит себе объяснение процесс сложения большинства нынешних народов переднеазиатского мира. Если говорить о Северной Месопотамии и прилегающих к ней с севера и запада горных областях, то характерные особенности исторического фона, на котором протекал этот процесс, вкратце сведутся к следующему: войдя с момента мидо-персидской экспансии в состав восточной, «иранской» части переднеазиатского мира, район этот тем не менее не только

испытывал сильное воздействие западной, «эллинистической» части этого мира, но и неоднократно входил на более или менее длительные сроки в ее состав. Поэтому хорошо известное мнение Ф. Энгельса о том, что восточный деспотизм и сменяющееся господство кочующих завоевателей в течение целых тысячелетий не могли уничтожить древнего общинного быта,² когда речь идет об интересующем нас районе, приходится дополнять указанием на то, что в данную эпоху здесь получает наибольшее развитие городская жизнь, и, следовательно, сильнее, чем в других местах восточной части переднеазиатского мира начинают сказываться результаты отделения ремесла от земледелия со всеми вытекающими отсюда последствиями, как это прекрасно показано Н. В. Пигулевской на обширном материале современных восточных и западных источников.³ Тем не менее, однако, и Н. В. Пигулевская (в основном на восточных источниках) и А. Б. Ранович (по преимуществу на источниках западных) подчеркивают, что, несмотря на значительное развитие рабовладения, в области аграрных отношений ведущее значение⁴ продолжает принадлежать патриархальной общине, и процесс перехода от восточного к античному типу рабовладельческого общества здесь не мог получить в силу этого достаточного развития.⁵ Характерные для эллинистического мира города, обладавшие полисным устройством, несмотря на их крупную роль в политической и экономической жизни страны, все же «были небольшими оазисами, обширные области оставались незатронутыми новым порядком вещей».⁶

Нельзя не согласиться с мнением К. В. Тревер относительно того, что «сущность и содержание культуры того или иного восточного народа в „эллинистический период“ продолжали оставаться местными и не утрачивали своей самобытности. Менялась только внешняя ее форма, становясь „эллинистической“, и то преимущественно в обиходе верхушки общества».⁷ Следовательно, как нам это приходилось отмечать и для более ранних периодов, культура раннеклассового общества, даже если она и создавалась тяжелым трудом угнетенных народных масс, являлась культурой, характерной всего лишь для тонкого слоя эксплуататоров. С другой стороны, как нам тоже приходилось уже отмечать по другому поводу, было бы столь же ошибочным полагать, что прибывшие в Малую Азию иранские элементы, как бы велики ни были их связи с самим Ираном, просто расширили границы иранского мира, продолжая на новом месте старую линию своего исторического развития. Даже придя в край в качестве победителей, они вскоре начали жить общей жизнью с местным населением, в значительной мере ассимилируясь с последним. В этой связи, мне думается, вряд ли следует распространять, как это делает К. В. Тревер, замечание Маркса относительно сохранения у восточных народов взаимоотношений между оседлостью одной части племен и кочевничеством другой на горные области Малой Азии.⁸ Маркс, как это отмечает и сама К. В. Тревер, имел в виду области, где районы чисто земледельческих культур находятся в непосредственном соседстве с кочевой степью; в горах же, как мы видели, процесс отделения скотоводства от земледелия связан с экспансией в горные районы сложившихся на равнине скотоводческих племен помадов, несущих с собой характерную для степей культуру пастушеского скотоводства. В силу этого, подобно возникновению за пределами эллинистического мира имеющих полисное устройство городов-колоний, с чем связано окончательное отделение ремесла от сельского хозяйства, процесс отделения скотоводства от земледелия также имеет здесь не только социальный, но и этнический характер.

Различное этническое происхождение разных социальных групп в горной части Северной Месопотамии можно наглядно проследить на материалах сирийской хроники города Карка де бет Селох (нынешний

Керкук), русский перевод и подробный анализ которой дан Н. В. Пигулевской.⁹ По словам сирийского летописца, использовавшего в своей хронике ряд не дошедших до наших дней источников, область Гармай, одним из крупнейших городов которой был Карка де бет Селох, в то предшествовавшее иранской экспансии время, когда она была «царством Гармай», занимала довольно обширную территорию Северной Месопотамии. На северо-западе ее граница шла от р. Заба (Большого) до Тигра (Деклат) и далее — от Тигра до р. Диалы (Атрак, называемая также Тормара), которая ограничивала Бет-Гармай с юго-востока, затем она простиралась до земли Ладаб и горы Шерап, отделявших Гармай от Хамадана, до р. Малый Заб, служившей северной границей области. Следовательно, территориально «царство Гармай» совпадает с Хурритской Аррапхой.

Из других средневековых восточных источников мы знаем, что, помимо Карка де бет Селох и крепости Гармай на горе Урук (Орейкон Хемрин), бывшей столицей «царства Гармай», в пределах области был еще ряд городов, в том числе Дакук, Шахригерд, на пути между Дакуком и Эрбилем (Арбела древности) Лашом, Дарабад, к которому тяготела область Шахрезур, и ряд других. Территориально, следовательно, область и царство Гармай почти полностью совпадают с районом расселения курдских племен в Северной Месопотамии.

Хроника начинается с описания основания города «царем Ассирии» Сарда́на, или Сардѳна, в котором, как полагают исследователи, следует видеть искаженное имя ассирийского царя Ассархадона,¹⁰ царствовавшего в середине VII в. до н. э. На пятнадцатом году царствования Сардона против него восстал Арбак, царь соседней Мидии (Мада), который до этого был подвластен ассирийскому владыке. Имя Арбака, мидийского царя, разрушившего Вавилон, упоминается Ктесием.¹¹ Постепенно захватывая отдельные области, принадлежавшие ранее Ассирии, Арбак присоединял их к своим владениям, усиливая тем самым и без того уже возросшую мощь Мидии до такой степени, что летописец называет его «тернием для царя Ассира». В конце концов Арбак «пришел в землю Бет-Гармай», которой владел находившийся, по-видимому, в зависимости от Ассирии «царек».¹² Арбак, как повествует летописец, «захватил у него пленных и ограбил его государство». Поскольку от этого пострадали интересы рабовладельческой Ассирии, в Бет-Гармай был направлен взятен не сумевшего оказать нужный отпор врагу «царька» специальный «правитель над царством» и с ним распорядители имущества и полк ассирийских воинов под командованием «помощника [командира] полка», т. е. подполковника, следуя современной терминологии.¹³ Одновременно Саргон дает приказ: «Чтобы в этой земле правителя царства Гармай был построен город его имени, как главный в этой земле правителя, которому была подчинена вся область как господину, представлявшему лично царя», и, продолжает свое повествование летописец, «отстроен был город, чтобы быть главным для правительства того царства». Население области Гармай, после прихода ассирийцев превращенное в военнопленных рабов, было, по словам летописца, передано во владение жителей города; таким образом, «свободные» жители города были противопоставлены остальному населению области, оказавшемуся в рабском положении. Эта сторона вопроса выяснена Н. В. Пигулевской с достаточной полнотой. Следует лишь обратить внимание на любопытную деталь: столица окончательно покоренной ассирийской рабовладельческой деспотией области бывшего «царства Гармай» из гор, где была крепость Гармай, переносится в долину вновь построенного города Карка, давшего впоследствии наименование всей области. В этой связи более чем вероятно предположение, что в рабство было обращено лишь население долин, которые и тогда уже славилась высокими формами земледелия и садоводства. Так, в частности,

район Шахргерда был чрезвычайно богат фиговыми деревьями.¹⁴ Что же касается скотоводов, то их племена, зимовья которых находились также и в районе крепости Гармай, по-видимому, избежали обращения в ассирийское рабство. Не было бы ничего удивительного и в том, что упоминаемый летописцем «царек» Гармай являлся одним из вождей этих пастушеских племен, которые подчинили себе земледельческое население долин, откупаясь от ассирийского владычества данью, платить которую после набега главы мидийцев Арбака стало уже невозможно. Это и послужило, по-видимому, причиной того, что, когда «Гармай, теснимый царством Арбака, не мог давать (дань) ассирийскому царству», ассирийцы ввели в этой области свое управление.

Анализируя текст хроники, Н. В. Пигулевская приходит к выводу, что, несмотря на то, что не все хронологические данные заслуживают доверия, сообщения летописца, составленные по доступным ему сирийским источникам, отражающим материалы древнего периода, раскрывают историю построения города в весьма древнее время и совпадают с тем, что сообщается по этому поводу в других источниках.

Дальнейшую историю внешнеполитических событий летописец излагает весьма кратко: «Когда пришло к концу царство Асура и ослабело правление ассирийское, воцарились вавилоняне, а когда и эти кончились, стали мидяне и воцарились в Парсе Дарьявуш», победивший Александром, после смерти которого царство было разделено между его четырьмя рабами, одним из которых был Селевк, отстроивший заново Карка де бет Селох.¹⁵

Бесспорный интерес представляют неоднократные упоминания летописцем о переселении в Карка де бет Селох «знатных царства», как он называет переселившиеся в город знатные роды, к которым возводит свою генеалогию знать Карка. Об этом переселении рассказывается в хронике несколько раз и в связи с Асархадоном, и в связи с Дарием, и в связи с Селевком, из чего явствует, что подобного рода переселения случались на протяжении исторической жизни города и всего района неоднократно. Н. В. Пигулевская считает, что выражение «знатный царства» следует понимать как указание на то, что названные так главы переселившихся родов были крупными чиновниками или государственными служащими. Один из таких «знатных царства» носил персское имя Бурзан, встречающееся, по мнению Г. Гофмана, в сасанидское время.¹⁶ Бурзан, занимавший, по-видимому, какую-то официальную должность, переселившись в Карка де бет Селох, «построил, — как говорит хроника, — городу маленькую крепость, основав ее в долине, и стену маленькую устроил ему». Это еще раз подтверждает нашу мысль, что после, потери «царством Гармай» самостоятельности новая область со вновь основанным городом Карка де бет Селох включала в себя только земледельческую часть района, его долины, а горная часть, населенная господствовавшими до этого над Гармай пастушескими племенами во главе с «царьком» Гармай, в ее состав не вошла. Поэтому-то вместо прежней крепости Гармай Бурзан строит новую крепость в долине.

Бурзан поселился в Карке со всем своим «родом» и «большой семьей». Его род утвердился в этом городе, так как он переехал со всеми чадами и домочадцами и, кроме того, переселил из Асура тысячи людей. Такие переселения — типичнейшее явление при построении городов, — как пишет Н. В. Пигулевская, — в раннем средневековье такого рода переселения имели разный социальный оттенок, приобретали различный характер. Но образование города всегда, конечно, определялось новой фазой разделения труда. Переселенные люди поселились на новом месте жительства частью в стенах города, частью же в поселке вне городской стены. Как полагает Н. В. Пигулевская, основную массу переселенцев

составляли ремесленники, массовое переселение которых являлось обычным приемом, применявшимся и в древности и в середине века правительствами Ирана, Армении, Византии и других государств Передней Азии.

Древний «город Саргона» и постройка Бурзана занимают одно и то же место и соответствуют нынешней *кала*, т. е. вышгороду, сохранившемуся в современном Керкуке. Следующий строитель города — «царь Парса» Дарьявуш обнес город, по словам хроники, стеной, более обширной, чем стена, построенная при ассирийцах. Кроме домов, при Дарьявуше в Карка был построен храм огня, сооруженный рядом с той кумирней, что поставил посреди него ассирийский царь. Эта кумирня, или «дом идолов», занимала центральное место в городе и была связана с культом, особо почитавшимся ассирийским царем: он, по словам летописца, «поклонялся льву и орлу»; как известно, культы царственного зверя и царственной птицы известны в Месопотамии с самых отдаленных времен, о чем свидетельствуют памятники материальной культуры.¹⁷ Можно связать с именем легендарного Сардона, царя Асура, старый местный культ, который бытовал в «царстве Гармай» еще до прихода туда ассирийцев и мидян. Тем больше интереса представляет собой то обстоятельство, что в курдской среде мы пережиточно встречаемся с рудиментами обоих культов.¹⁸

Чем больше вчитываешься в бесхитростный текст керкукской хроники, тем больше приходишь к убеждению, что в числе ее источников были не только письменные документы, сохранившие в большей или меньшей степени старую историческую традицию, но и фольклорные предания. Н. В. Пигулевская совершенно права, утверждая, что в VI в. н. э., когда была составлена хроника, материалы письменных источников переписывались и включались в новые памятники. Но, кроме того, держалась память и о том, в каком порядке отстраивался город Карка, его стены, улицы. Изменения плана города, быть может, ошибочно связывались с теми или иными именами, но изменения эти имели место в достаточно отдаленное время.¹⁹ И это действительно так. Характерным качеством фольклора как исторического источника являются два момента: во-первых, более верная, более близкая к точке зрения широких народных масс оценка исторических событий по сравнению со всегда более субъективным письменным памятником, во-вторых, меньшая по сравнению с письменным источником хронологическая точность и меньшая точность отнесения тех или иных фактов к тому или иному историческому лицу. Типично фольклорный характер имеет отмечавшееся всеми исследователями хроники смешение исторических персонажей, повторение одних и тех же фактов в разных местах хроники, нарушение исторической перспективы и т. п. К числу такого рода явлений следует, по-видимому, отнести отождествление мидянина Арбака, захватившего в ассирийскую эпоху «царство Гармай», с основателем государства Атропатены (Адорбайган), сатрапом Мидии при последнем ахеменидском царе Дарии III, Атропатом (Адорбад), о котором хроника говорит, что он «построил крепостную стену. . . в царстве мидийцев, названном по его имени землей Адорбайган», и который, по словам хроники, был убит в Киликии. Мне кажется, что мы имеем дело с обычной для фольклора контаминацией двух живших в разное время исторических персонажей, которые слились воедино в силу того, что оба они были владыками Мидии и оба приходили в качестве врагов в область Гармай. Возможно еще одно, пожалуй, наиболее правдоподобное объяснение. Не исключено, что в упоминании об Адорбате спутаны Атропат и парфянский царь Артабан, умерший в 124 г. н. э. Как известно, Артабан назначил сатрапом Вавилонии Гимера, продавшего ее жителей в качестве рабов в Мидию.²⁰ В числе этих

проданных в Мидию в рабство жителей Двуречья, по всей вероятности, были и обитатели области Карка, участвовавшие вместе с другими в сооружении городской стены в одном из городов Мидии. Следы этого и сохранились в упоминании хроникой о построении Адорбадом стены в Мидии. Если это так, то мы вправе сделать и другой, весьма важный для этнической истории этого района вывод: часть местного населения области Карка неоднократно, по-видимому, подвергалась насильственному переселению на восток, в соседние районы Мидии, причем опять-таки переселению в основном подвергалось оседлое земледельческое население и горожане-ремесленники, скотоводческое же население, ведущее кочевой и полукочевой образ жизни, переселения обычно избегало.

С эпохой Дарьявуша хроника связывает не только значительное строительство в городе Карка де бет Селох, но, как мы видели, и сооружение храма огня, т. е. распространение зороастризма. Судя по тому, что храм этот был сооружен рядом со старым храмом орла и льва, можно предполагать, что зороастризм в Карка еще в ахеменидскую эпоху получил достаточно сильное распространение. Следы этого мы опять-таки можем обнаружить непосредственно в курдской среде. Как известно, старейшим письменным памятником курдской литературы является «Плач о разорении Курдистана арабами», фрагменты которого в записи арамейской письменностью на пергаменте были обнаружены в 20-е годы нашего века в Сулеймание.²¹ В сохранившемся отрывке этого исключительного по своей исторической и литературной ценности произведения говорится о разрушении арабами-мусульманами храмов огня по всему Курдистану, в том числе и в Шахрезуре, т. е. на территории области Карка.²²

С той же эпохой летописец связывает переселение в Карка новых персидских родов. «Дарьявуш, — повествует хроника, — привел пять родов из области Истахра и поселил их в городе. Их имена записаны в архивах царства Персии». Затем хроника переходит непосредственно к событиям селевкидского периода. «После Дарьявуша пришел (конечно, в Карка! — О. В.) Селевк, царь Греции», — рассказывает летописец, подчеркивая несомненное, по-видимому, для него и его источников различие между мидо-персидской традицией и традицией эллинистической.

Хроника весьма подробно описывает архитектурные сооружения, которые связаны в городе с селевкидской эпохой и строительство которых приписывается Селевку, в том числе «каменную статую», сооруженную у юго-восточных ворот, «во всю их величину». Ничего удивительного нет в том, что таких сооружений в городе к моменту составления хроники или даже к тому времени, к которому восходят ее сирийские источники, оказалось значительно больше, нежели сооружений, относящихся к более древним эпохам. Описание относящихся к селевкидской эпохе сооружений летописец заканчивает следующими словами: «Посреди (города) Селевк построил царский дворец. Он застроил и расширил (город) улицами и дворцами, не только в пределах стены, но и вне стены сделал его великодушным. Он разделил его на семьдесят две улицы и привел пять известных родов из Истахра и поселил в нем вместе с прочими людьми, которых он привел из различных мест. Этим пяти родам, которые он привел, он дал земли и виноградники в той области и оставил Карку без (обложения) податью. Двенадцать улиц по имени двенадцати известных родов были поименованы, а прочие названы по названиям ремесел».

Все исследователи хроники, в том числе и Н. В. Пигулевская, обращали внимание на непоследовательность, с их точки зрения, источника, рассказывающего в разных местах хроники о переселении персидских родов в Карка и при ассирийцах, и при ахеменидах, и при селевидах; в особенности не внушал доверия тот факт, что летописец говорит о переселении пяти персидских родов и при Дарьявуше, и при Селевке. Большинство

исследователей считало, что летописец или его источники что-то напутали и повторили в хронике в разных местах один и тот же эпизод и что переселение персидских родов в действительности имело место один раз. Отсюда, естественно, возникал вопрос: какой из трех описываемых летописцем случаев переселения персидских родов является истинным, а какие — повторением этого реального случая по вине летописца.

Я думаю, что оснований для такого рода сомнений нет, и все три описанных хроникой случая переселения персидских родов в Карка кажутся мне в одинаковой мере достоверными. В самом деле: в Карка, по словам летописца, было в конечном счете двенадцать знатных родов, каждый из которых обитал на улице, носившей его название. Все эти роды, как и следует ожидать, имели свою тщательно сохраняемую генеалогию, своих эпонимов и т. д. Вели свое происхождение эти роды от персов, переселившихся в разное время и по разным поводам в Карка. Как всегда, можно, конечно, сомневаться в истинности этих генеалогий, часто придумываемых задним числом, с целью оправдать ссылкой на хороших предков свои не всегда благовидным путем добытые власть и богатство. Бывает и так, что с переменной политической обстановки менялись и эпонимы таких знатных родов. Достаточно хорошо известно, например, что в мусульманских странах число «потомков пророка» во много раз превышает возможное по самым оптимальным подсчетам количество потомков арабских завоевателей вообще. Насколько при этом даже в наши дни считаются с реальной возможностью такого рода генеалогий знатных родов, можно судить на примере генеалогии одной из знатных фамилий Иранского Азербайджана Табатабаи, к которой принадлежат несколько крупных политических деятелей современного Ирана. Будучи азербайджанцами по национальности, иранскими националистами по мировоззрению, члены этой фамилии тем не менее возводят свой род к арабам. Однако в этом случае сохранилось хотя бы старое название рода. Подавляющее же большинство современных знатных и богатых родов в странах Ближнего Востока обладают сегодня звучными и лестными для них фамилиями, придуманными ими самими в последние несколько десятков лет и находящимися обычно в полном противоречии с их действительным происхождением, но зато выгодно подчеркивающими нынешнюю ориентацию их владельцев. Не менее широким распространением, как известно, пользовалась подделка генеалогий знатных родов в средние века, когда этим делом специально занимались придворные историки и описцы, изобретая своим, часто полуграмотным, венчепосным повелителям не только пышные титулы, но и эффектные генеалогии, обуславливавшие их права на свои владения и претензии на владения своих врагов. Несомненно, что такого рода изменения в генеалогиях знатных родов и их эпонимов имели место и в более далеком прошлом, когда этому вопросу придавали гораздо больше значения и происхождение эпонима действительно определяло в глазах современников не только происхождение, но и в ряде случаев и религиозную и политическую ориентацию членов рода. К сожалению, в данном случае мы знаем только конечные результаты этих генеалогий в сухом повествовании летописца, сообщающего, что двенадцать знатных родов города Карка возводили свой род к персам. При этом пять таких родов считали, что предки их переселились из Истахра при Селевкидах, пять других полагали, что их эпонимы переселились из того же Истахра при Ахеменидах, а два последних рода, считая себя персами, вместе с тем полагали, что их предки принимали участие в строительстве города еще в ассирийскую эпоху, причем эпоним одного из этих как будто наиболее древних «персидских» родов носит имя, характерное для сасанидской эпохи. Другими словами, это были два таких знатных рода города

Карка, которые, ведя свою генеалогию с эпохи ассирийского владычества, «стали персами» только в сасанидскую эпоху.

Наше предположение становится уверенностью после ознакомления с изданным Беджаном другим вариантом той же хроники по списку, сличенному по древнему пергаменному кодексу VII—VIII вв. из Диарбекира и по рукописи, принадлежащей Берлинской библиотеке.²³ В этом списке имеется следующее дополнение к сообщению о двух родах, переселенных в Карка Ассархадонем: «Имена их следующие: Парен, который отрекся, и Балаш, который восстал». Н. В. Пигулевская совершенно права, связывая эти слова с искоренением манихейства; «злое семя» его было в «Парене, сыне Амапка», и в «Балаше — это злое наследие было в Карке». Следовательно, по крайней мере, два и притом старейших рода из числа знати города Карка де бет Селох были «персами» не по происхождению, а по религиозному признаку, исповедуя тот самый зороастризм, для последователей которого еще при Дарии в Карка был сооружен храм огня; одно время некоторые члены этих родов оказались связанными с манихейством, и это обстоятельство нашло отражение в одном из вариантов хроники. Дополнительным подтверждением правильности нашей точки зрения служит также то обстоятельство, что зноним одного из этих родов, посявший сасанидское имя Бурзан, по преданию прибыл в Карка, переселив туда тысячу ремесленников из Асура. Что же касается остальных десяти родов, то нет ничего удивительного, что они прибыли из Истахра в разное время — при ахеменидах и при селевкидах, как, впрочем, не было бы ничего удивительного и в том, что некоторая часть этих родов оказалась «персами» также по религиозному, а не по этническому признаку. В этом плане не лишено интереса следующее обстоятельство: несмотря на то, что Карка находилась в непосредственном соседстве с Мидией, ни один из родов городской знати не был мидийским по происхождению. По-видимому, такая генеалогия в городе, неоднократно подвергавшемся нападению со стороны мидян, не котировалась высоко и не была популярной.

Следовательно, у нас есть все основания утверждать, что в область Карка и при Ахеменидах, и при Селевкидах, и позднее, вплоть до сасанидского времени переселялись многочисленные знатные персидские роды, верхушка которых обосновывалась в городе, смыкаясь с местной городской знатью и принимая достаточно активное участие в общественной и экономической жизни этого значительного по тому времени ремесленного и торгового центра Северной Месопотамии. Столь же, если не более значительна, была роль этой верхушки в административном управлении города и области. Основная масса членов этих родов оседала, насколько можно судить по скудным данным хроники, в сельских местностях, где они получали во владение обширные земельные угодья — поля, фруктовые сады, виноградники, — освобождаясь от уплаты податей и налогов. При этом местное население не всегда сгонялось со своих исконных земель, а, судя по тексту той же хроники, обращалось в рабство и отдавалось во владение новым землевладельцам. Таким образом, перед нами вырисовывается картина, типологически близкая к той, которая складывалась в соседних западных районах Малой Азии, где большинство греко-римских колоний представляли собой не только города с полисной организацией, но и связанные с ними сельские поселения — катойкии.²⁴ При этом, как известно, некоторые из таких колоний имели военно-стратегическое значение и население их несло военные обязанности.

По-видимому, такими же, но уже не эллинскими, а иранскими колонистами были и переселившиеся в Карка «персидские роды», главы которых стали впоследствии эпонимами родов керкукской знати. Наделение их земель, подчинение им в качестве рабов местного сельского населения,

освобождение их от налогов в пользу государства — всё это те характерные льготы, взамен которых новые переселенцы становились военной и гражданской опорой верховной власти.

В этой связи вполне естествен вопрос: если коренное земледельческое сельское население области обращалось в рабов или, что реже, угонялось в рабство в страну победителя, то как обстояло дело с кочевыми пастушескими племенами, о которых молчат хроника и другие современные источники и которые несомненно обитали в области и притом в значительном количестве? Ведь территория области Гармай или Карка почти полностью совпадает с одним из основных и старейших районов расселения курдских племен как оседлых, так в еще большей степени кочевых в средние века и в наши дни.

Трудно допустить, чтобы этот район, обладающий прекрасными условиями для развития скотоводства, в особенности отгонного скотоводства, не был населен и пастушескими племенами. И действительно, как мы убедились при анализе отдельных мест Керкукской хроники, они становятся понятными при условии допущения, что здесь обитали не только оседлые земледельцы, но и номады.

Попробуем в этой связи обратиться к фактам более далекого прошлого данного района и прежде всего отметим то обстоятельство, что потерявшее самостоятельность в конце ассирийского владычества «царство Гармай», превратившееся в область Карка де бет Селох, территориально совпадает с уже знакомой нам хурритской Аррапхой. Как известно, покорить Аррапху Ассирия начинает стремиться еще с XV в. до н. э., одновременно с проникновением в соседние горные районы Западной Мидии; накануне краха Ассирийской державы мидяне в 615 г. до н. э., воспользовавшись тем, что основные силы ассирийцев были направлены против Вавилона, прорвались через горные перевалы в Аррапху и оттуда в следующем году напали на Ассирию, которая через несколько лет перестала существовать. Следы этих событий в какой-то мере, и притом не в обычной «геродотовской» версии, нашли отражение в хронике Карка де бет Селох; таким образом, история этой области является продолжением истории Аррапхи — одной из тех областей Северной Месопотамии, где влияние индоевропейских элементов в языке и культуре давало себя знать весьма рано. В частности, существенную роль в Аррапхе играет скотоводство не только оседлых, но кочевых и пастушеских племен: индоевропейские — индийские и иранские — скотоводческие племена появляются здесь задолго до мидо-персидской экспансии.

Перемена названия области Аррапха на Карка де бет Селох бесспорно отражает те этнические и языковые перемены, в результате которых хурритское население области оказалось вытесненным или ассимилированным семитическими элементами. Что же в таком случае представляет собой название Гармай, воспринимаемое летописцем хроники Карка де бет Селох как старое досемитическое название этой же области, представлявшей собой к тому же до окончательного покорения ее дряхлеющей Ассирией в известной мере самостоятельное «царство Гармай», со столицей в горах Хемрина, носившей тоже название Гармай? Мы уже видели, что наиболее правдоподобным является предположение, согласно которому после перехода в бывшем «царстве Гармай» власти к ассирийцам возникает новый замок у города «в долине» — взамен ранее существовавшей крепости «в горах», где находились зимовья пастушеских племен, глава которых и был «царьком Гармай». Предположение это, основанное на типичных схемах маршрутов перекочевок пастушеских племен в горных условиях, дает вместе с тем вполне убедительное, на мой взгляд, объяснение загадочному термину «гармай», усвоенному семитическим населением области, во всяком случае, не из хурритской среды.

В самом деле, достаточно бросить взгляд на карту, помещенную в пре-
красной монографии Ф. Барта,²⁵ посвященной социальной структуре
курдов данного района, чтобы убедиться, что как раз в низменности, при-
легающей к невысоким горам Хемрин, расположены зимовья племени
хемавенд, одного из крупнейших курдских племен этого района. Здесь,
в полупустынной местности, где главным видом сельскохозяйственной
деятельности и по сей день является богарное земледелие, формы которого
во многом родственны арабским,²⁶ проводят зимние месяцы кочевники
племени хемавенд, арендуя зимовники на землях местного населения.
Сегодняшняя картина расселения кочевников и оседлых, конечно, лишь
частично воспроизводит соотношение между этими группами населения
в древности и даже в средние века. Большинство обитающих ныне здесь
курдских племен и племенных конфедераций сложилось в разные периоды
средневековья, причем это сложение сопровождалось существенными
передвижками кочевого, в особенности, населения.²⁷ Немногим более столе-
тия назад Керкук оккупировала группа тюркских племен, и с тех пор
в ряде районов здесь начала преобладать тюркская речь.²⁸ Тем не менее
общий принцип размещения в крае кочевых скотоводческих племен, рас-
положение их летовый и зимовый в целом, по-видимому, не претерпел
серьезных изменений. Именно эта полупустынная степь, где возможно
только богарное земледелие, а не плодородные, защищенные от ветров
горные долины, где издавна существовали интенсивные формы земледе-
лия и садоводства, служила зимовниками для пастушеских племен.
Вполне понятно, что здесь, на более удобных для обороны и обладающих
лучшими климатическими условиями, чем соседние степи, склонах невы-
сокого горного хребта Хемрин и была расположена крепость, в которой
обитал глава этих племен — «царек Гармай».

Топонимическая терминология, вносимая в край прибывающими
в него номадами, как правило, довольно определенна и крайне бедна.
В самом деле, можно сразу определить границы кочевания тюркоязыч-
ных племен по двум характерным терминам: *кышлак* 'зимовье' и *ййлак*
'летовье', подобно тому как ираноязычные горцы-кочевники обязательно
вносят в топонимику своего расселения термины *гярмисир* 'теплый
район зимовий' и *сардисир* 'холодный район кочевий'. В свое время
В. Ф. Мипорский блестяще доказал, что таинственный Завазан арабских
средневековых географов, под которым они разумели весь обширный
горный район Северной Месопотамии и Армении, представляет собой
всего лишь неправильное чтение транскрибированного арабскими бук-
вами курдского слова *зозан* 'кочевка, кочевье'. Поэтому, когда мы видим
на карте Барта, что район зимовок курдских племен в степи между гор-
ными хребтами Загроса и хребтом Хемрин носит название *гярмиян* 'теп-
лый район зимовий', то для нас не остается никакого сомнения, что этот
же термин без столь характерного для иранских языков суффикса мест-
ности *-ан* лежит и в основе названия 'царства' Гармай, сохраненного из
древних, возможно, ассирийских источников сирийской хроникой го-
рода Карка де бет Селох.

Итак, *гарма* является иранским звеном в ряду Аррапха — Гармай —
Карка де бет Селох, звеном, свидетельствующим о наличии в крае ирано-
язычного скотоводческого населения до начала мидо-персидской экспансии.
Этого мало. Вряд ли можно оспаривать мысль о том, что если нынешнее
ираноязычное население сохраняет отдельные реминисценции, относя-
щиеся к периодам более ранним, чем мидо-персидская экспансия, то
такие реминисценции служат дополнительным аргументом в пользу
наличия здесь ираноязычного населения в более раннюю эпоху. Выше
мы отмечали наличие в местных курдских верованиях и в курдском фольк-
лоре реминисценций культов орла и льва, распространенных в Карка

в ассирийскую эпоху. Мы не смогли, однако, локализовать эти факты районом Керкука, что, конечно, снижает их доказательную силу. Если бы мы обратились к такого рода фактам, то мы должны были бы в первую очередь обратить внимание на название уже упоминавшегося выше племени хемавенд. Не касаясь сейчас совершенно еще не изученной этнической истории этого племени, нельзя не отметить, однако, что заключенный во второй части племенного названия суффикс *-венд* относится к числу старых племенных суффиксов, обычных в названиях курдских, лурских и других иранских племен.²⁹ Оформленный этим суффиксом термин *хема* является локальной разновидностью широко распространенного в большинстве иранских языков названия мифологической птицы, приносящей счастье, — *хума*.³⁰ Птица эта обычно служит атрибутом царской власти, и в качестве второго значения это же слово обозначает «большого орла». Таким образом, в названии племени хемавенд мы не можем не видеть отголоска культа орла в характерно иранском оформлении. Одним из косвенных доказательств того, что мы имеем дело с явлением весьма древним служит то, что, как и большинство старых племен, хемавенд уже несколько веков не является самостоятельным племенем, а входит в крупную конфедерацию племен центрального Курдистана — Джаф.³¹

Что же касается культа льва, то он также отразился в иранском оформлении в топонимике края. Во-первых, упоминаемая в хронике Карка де бет Селох гора Шерап на восточной границе области Гармай имеет совершенно прозрачную иранскую этимологию: «место обитания львов»; во-вторых, старое название города Шахрезура было, по словам Хаджи Хальфы, автора «Джехан-нема», — *Шир-е-Фируз* 'лев победы', или, если во второй части видеть собственное имя основателя города, сасанидского шаха Фируза, — «лев Фируза». Считая это название лишеным смысла, переводчик и комментатор Шереф-наме исправил его на *Шахр-е-фируз* 'город Фируза'.³² Однако в *Шир-е-Фируз* культ царственного льва выступает столь же отчетливо и в том же иранском оформлении, как в термине *хема* выступает культ царственного орла.

Таким образом, для нашего района характерными оказываются реминисценции этих двух столь распространенных в Месопотамии культов не только в центре новой семитической столицы старой Хурритской Аррапхи, но и на подчиненной этому новому городу территории. Поскольку с приходом Ахеменидов культ льва и орла начинает вытесняться культом огня, постольку проникновение его в местную иранскую среду должно было произойти до мидо-персидской экспансии.

То, что в разобранных выше примерах нам действительно удалось нащупать отдельные, пусть случайные, но тем не менее весьма яркие штрихи, относящиеся к той группе иранских пастушеских племен, которая прибыла сюда до начала мидо-персидской экспансии, в известной мере может быть подтверждено также следующим, чрезвычайно важным для этнической истории курдского народа фактом. Как известно, для более ранних этапов исторической жизни Северной Месопотамии и прилегающих к ней горных районов характерно наличие среди пастушеских племен не столько ираноязычных, сколько индоязычных групп. В свое время мы отмечали, что и среди курдских племен имеется племя, вернее группа, близких племен Чагана, или Зенгене, в настоящее время говорящее на одном из курдских диалектов, а в прошлом, как это явствует из истории Чагана и из работ акад. А. П. Барапникова о языке цыган, говорившее на одном из индийских языков. Судя по тому, что уже в XIII в. н. э. часть Чагана ушла вместе с ордами Салахэддина в Египет, откуда впоследствии они попали в Европу,³³ возможность позднего прихода Чагана в Курдистан исключается. Вполне вероятно, конечно, что

Чагана могли перекочевать в Северную Месопотамию в период мидо-персидской экспансии вместе с иранскими племенами, но столь же вероятно и их более ранний приход. В известной мере в пользу их более раннего прихода в Северную Месопотамию говорит как то обстоятельство, что часть этого племени обитает в районе нынешнего Керкука, т. е. на территории бывшей Аррапх, ³⁴ так и то, что, констатируя индийскую природу языка Чагана, акад. А. П. Баранников не смог обнаружить тех конкретных индийских племен, которые могли бы считаться предками или хотя бы близкими родственниками Чагана, из чего вытекает, что Чагана переселились в район их нынешнего обитания достаточно давно, растеряв за этот долгий срок многие из своих характерных черт.

Итак, мы как будто располагаем хотя бы минимальным количеством данных, свидетельствующих и о том, что еще до мидо-персидской экспансии в горных районах Северной Месопотамии уже обитали прибывшие туда ранее ирано- и индоязычные пастушеские племена и что отдельные рудименты этих племен можно проследить в отдельных характерных чертах некоторых из населяющих край в настоящее время курдских племен. Искать следы таких же рудиментарно сохраняющихся связей ираноязычного населения этого района с соседними мидийскими племенами вряд ли имеет смысл. Мы видели, что вне зависимости от этнической, языковой, социально-экономической, культурной и тому подобной близости, племена, входившие в мидийский племенной союз, воспринимались на территории бывшего «царства Гармай» как враги, грабящие население, уводящие его в рабство. Естественно, как это мы могли заметить при характеристике эпонимов знатных родов Карка де бет Селох, не только мидийская принадлежность, но и мидийская ориентация не пользовались здесь популярностью. ³⁵ Другое дело персидские роды, которые хотя и пришли в качестве победителей, но удержались здесь надолго. Связь ираноязычного населения области с персидскими знатными родами была бы вполне естественной, не говоря уже о том, что не исключена возможность и переселения в край персидских пастушеских племен. И действительно, среди нынешних курдских племен края можно обнаружить следы такой связи.

Из трех названных хроникой Карка де бет Селох эпонимов персидских знатных родов города — Бурзан, Парен и Балаш — имя первого без особого труда можно обнаружить в названии курдского племени, живущего оседло несколько севернее, примерно там, где в древности находилась, по словам хроники Карка де бет Селох, северная граница области Гармай. Я имею в виду населяющее плодородные районы в верховьях Большого Заба неподалеку от небольшого курдского городка Зибар старое крупное племя Барзан. ³⁶ В отличие от обладающего ашпиретной структурой племени хемавенд, племя барзан обладает военно-теократическим устройством и возглавляется родом наследственных мусульманских шейхов Барзан, распространяющим свою духовную власть далеко за пределы своего племени, подобно тому как духовная власть обитающих в районе Джуламерка орамарских шейхов распространяется на племена северного Курдистана. Как нам уже приходилось отмечать в связи с орамарскими шейхами, ³⁷ под внешней мусульманской оболочкой этих крупнейших духовных владык курдских племен обычно скрываются весьма старые, уходящие в седую древность реминисценции. Вот почему нет ничего удивительного в том, что с эпонимом барзанских шейхов оказывается в конечном счете тождественен Бурзан хроникой Карка де бет Селох; поскольку прибывшие из Ирана «знатные роды» получали земельные наделы в плодородных районах края, вполне вероятно, что в племени Барзан, точнее в роде возглавляющих его барзан-

ских шейхов, мы имеем потомков того же персидского рода, другая часть которого обосновалась в Керкуке.

Хроника Карка де бет Селох не донесла до нас имена эпонимов других родов знати старого Керкука, в особенности тех, которые считали себя переселенцами из Истахра. Тем не менее и среди других курдских племен района можно обнаружить некоторые реминисценции, связь которых с материалами хроники Карка де бет Селох как будто не вызывает сомнения. Так, в частности, одно из издавна населяющих край курдских племен, входящих, подобно хемавенд, в конфедерацию племен Джаф, вобравшую в себя старье племена ираноязычного населения края, носит имя *ездан-пенахи* 'прибегающие к помощи ездана'. По скупому свидетельству Амина Заки, члены этого обладающего столь характерным зороастрийским названием племени «веруют в воскресение божие». ³⁸

Мы вряд ли ошибемся, если увидим в этом реминисценции сохраненного одним из изводов хроники Карка де бет Селох эпизода о переходе некоторых «знатных персидских родов» в манихейство. ³⁹

В этой же связи весьма существенно то, что если внизу, на равнине между горами Загроса и холмами Хемрина вплоть до сего дня располагаются *гярмийи* 'зимовки' хемавенд, племени, связанного с коневодством, а потому и не поднимающегося высоко в горы, то выше Керкука в районе, где на альпийских пастбищах преобладает отгонное ~~осе~~водство, обитает издавна курдское племя, точнее группа старых курдских мелких пастушеских племен, с характерным названием *шеван* — «овечьи пастухи», «пастухи мелкого рогатого скота». При этом, обитают эти «пастухи», по словам А. Заки, в соседстве с небольшим оседлым племенем под названием *шех-бызни* ⁴⁰ 'род козлиного старца', эпонимом этого племени является тот самый «козлиный старец», который является покровителем мелкого рогатого скота и культ которого, вполне естественно, сохраняется в районе преимущественного распространения мелкого скотоводства.

Тут же, неподалеку от Керкука, обитают несколько небольших групп курдов, также носящих весьма характерные названия: *говсувари* 'едящие верхом на быках' — один из родов небольшого племени кара-улус, возникшего недавно, в состав которого вошли остатки старых распавшихся курдских и лурских племен. ⁴¹ *Гавхар* 'едящие говядину' — небольшое оседлое земледельческое племя, часть которого, ведущая полукочевой образ жизни, входит в качестве рода в молодое племя *шереф-бияни*. ⁴² Поскольку племенные и родовые названия этого типа мы встречаем в курдской среде только на данной территории, ⁴³ где они оказались собранными вместе, постольку напрашивается следующее предположение: прибывшие в край иранские пастушеские племена были в основном, как это и следовало ожидать, коневодами. В крае они застали другие пастушеские племена, возможно, даже близкие им в этническом и языковом отношениях, но занимавшиеся разведением не коней, а крупного и мелкого рогатого скота. Это различие, впоследствии почти стершееся, и нашло свое отражение в приведенных выше племенных и родовых названиях, которые в своей основе, конечно, являются не самоназваниями, а названиями, даваемыми соседями по наиболее характерному и резко отличающему данное племя от других признаку.

Все это, на мой взгляд, служит доказательством того, насколько длителен, сложен и разнообразен был приход в Северную Месопотамию иранских племен, насколько различны по своим занятиям и по происхождению были эти племена даже в пределах относительно небольшого района. Совершенно очевидно, что даже оставаясь в чисто иранских пределах, сводить вопрос к поискам какого-то «основного», «ведущего» племени,

ассимилировавшего себе все остальные — совершенно бессмысленно. В разных аспектах разные племена с разной силой внесли свой вклад в этот, и по сей день еще до конца не завершённый процесс, не говоря уже о том, что иранские племена приходили не на пустое место, а встречались на своей новой родине с племенами как автохтонными, так и пришлыми — индоезычными и больше всего семитическими.

Для того чтобы проиллюстрировать, насколько большие изменения могут быть даже в пределах одного племени, вернемся снова к племени хемавенд, историческая жизнь которого, как мы убедились, в течение довольно длительного времени связана с районом Керкука. В настоящее время в этом районе находятся зимовья хемавенд, а их летовья расположены на довольно значительном расстоянии в Базане в округе Чемчемал, в пределах соседящей с Керкуком на востоке Сулеймание. А. Заки, ссылаясь на «Историю Сулеймание», считает, что эти земли достались племени хемавенд в XVII в. в связи с той ролью, которую играла родоплеменная верхушка Джафов и их вооруженные отряды в захвате османскими султанами Багдада; поскольку Джафы пришли в Сулеймание из Ирана, то и племя хемавенд, по мнению А. Заки, прибыло оттуда же.⁴⁴ Между тем В. П. Никитин, как впрочем, в других местах своего труда и А. Заки, говорит о том, что район Базан в Чемчемале был пожалован племени хемавенд турецкими султанами за то, что значительные вооруженные отряды этого племени входили в иррегулярные кавалерийские части турецкой армии во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.⁴⁵ Следовательно, хемавенд в районе Чемчемала появились сравнительно недавно, подмяв под себя и вытеснив с их исконных пастбищных земель несколько ослабевших старых курдских племен, в числе которых А. Заки называет и отдельные роды племени чагана,⁴⁶ ослабевшего и подвергнувшегося гонению со стороны Сефевидов как раз в это время. Из этого, однако, еще не следует, что хемавенд, как предполагает А. Заки, пришли сюда с востока, из Ирана, в составе Джафов.

Во-первых, хемавенд не являются Джафами ни по происхождению, ни по языку, а, подобно многим другим племенам центрального Курдистана, только входят в конфедерацию племен, возглавлявшуюся Джафами, затем Бабапами, во-вторых, если зимовники Джафов находятся восточнее их летовий на альпийских пастбищах Сулеймание и на зиму Джафы откочевывают через Пенджвин в Иран, в район Сенне, то зимовники хемавенд находятся к западу от Чемчамала на равнине у Хемрина,⁴⁷ в-третьих, — что, пожалуй, является наиболее доказательным, — по единогласному мнению всех соприкасавшихся с хемавенд, от К. Рича до Б. Хиксона и Ф. Барта, в своей материальной и духовной культуре хемавенд обладают многими чертами, сближающими их с соседними арабскими племенами; помимо уже указывавшихся общих черт в земледельческой культуре хемавенд и арабов, сильного арабского влияния в costume, в частности арабского типа и раскраски чалмы, можно указать еще, например, на такие факты, как преобладание арабских терминов («шейх» вместо «пир», «ранс» вместо «сервар» и т. д.) в родоплеменной терминологии и даже на столь характерный именно для арабов обычай ездить верхом только на кобылах. Следовательно, хемавенд являются одним из старых курдских племен района Керкука, где находятся их зимовья и где неподалеку были расположены пастбищные земли этого коневодческого племени. Здесь в течение многих веков создавалась та смешанная курдско-арабская культура Северной Месопотамии с конем в качестве ведущего сельскохозяйственного животного, которая противопоставлялась не только культурам с преобладанием крупного и мелкого рогатого скота (гавсувары и шеван), но и степной культуре с преобладанием верблюда. Не случайно как реминисценция этого старого различия

скотоводческих типов хозяйствования, отразившихся, как мы видели, в названиях курдских племен, иракский королевский герб имел в качестве своих щитодержателей арабского верблюда и курдского коня.⁴⁸ Это тот самый конь, который честно сопровождал иранские кочевые племена во время их длительного пути в Малую Азию, помог им обогнать здесь, но не смог подняться в горы, куда смогли все же подняться быки и коровы и где в основном находятся пастбища мелкого рогатого скота, выпасаемого «овечьими пастухами» — шеванами, поклоняющимися «козлиному старцу». Издавна, начиная с Митанни, в Северную Месопотамию прорываются коневодческие племена, подчиняя себе местные племена скотоводов. Эти взаимоотношения между различными группами скотоводческого населения края находят отражение во многих произведениях курдского народного творчества. Так, в пользующейся широчайшим распространением у курдов повести о Мама и Зин есть следующий эпизод. Герой повести Мам, принадлежащий к коневодческому племени Алап, обитающему по сей день там, где жили коневоды-маннейцы, садится па своего чудесного коня и едет к своей возлюбленной в далекий Бохтан, тот самый Бохтан, в названии которого отразилось имя пактиев, или бактрийцев, входивших, по словам Геродота, в состав персидской конницы. С целью расстроить их брак враг Мама, злодей Бакр-Аван, говорит отцу Зин: «Откуда мы знаем, кто такой Мам, какого он рода и племени? Быть может, он коровий или овечий пастух?».⁴⁹

В современных условиях, когда профессия пастуха относится у курдов к числу почетных и даже дети знатных родов в молодости часто занимаются пастушеством, это пренебрежительное отношение Бакр-Авана к происхождению Мама из пастушеского рода кажется мало обоснованным. Если же мы вспомним племена *шеван* 'овечьих пастухов' и *гавсуари* 'ездящих на коровах', и противопоставим им коневодов хемавенд, которые, как всякие конники (рыцари, кавалеры, по-курдски *сувар*), с презрением относятся к пехотинцам (мужикам, смердам, по-курдски соответственно *пияз*, или *мард*), то слова Бакр-Авана приобретают глубокий социальный смысл и отражают уходящие в седую древность отношения между различными группами скотоводов в горных районах Малой Азии.

Именно коневодами пришли далекие предки хемавенд в древности в Северную Месопотамию, в населенную хурритами Аррапху, неся с собой и коневодческую культуру, и язык индоевропейского типа. Обладая зимовьями *гярмиян* в равнине у гор Хемрин, они с переменным, видимо, успехом вели борьбу с такими же ираноязычными коневодческими племенами на территории «Малой Мидии» — нынешнего Мукуринского Курдистана, борясь одновременно вместе с этими мидийскими племенами и другими горцами против попыток Ассирии закабалить их, включить в рамки рабовладельческого Древнего Востока. Следы этой многовековой борьбы отразились и в упоминании «царства Гармай» в хронике Карка де бет Селох, и в названии клана *мандан* племени Харки, откочевывающего летом из своих зимовий, расположенных севернее Карка, на высокогорные пастбища, расположенные на территории бывшей «Малой Мидии», и в самом названии племени хемавенд, связанном с распространением в Гармай во время ассирийского владычества культа орла. Коневодческую же культуру несли в основном предки нынешних хемавенд соседящим с ними с юга арабским племенам, усваивая, в свою очередь, от последних ряд черт материнской и духовной культуры.

Трудно сказать сейчас, в каком отношении находились хемавенд к мидо-персидской экспансии и к тем знатым персидским родам, которые мигрировали в эту эпоху на территорию бывшего «царства Гармай». Скорее всего это отношение было враждебным. Если, как мы видели, в городе

Карка де бет Селох не было желающих возводить свой род к мидийцам, то Ксенофонт, проходя с десятью тысячами греческих наемников по правому берегу Тигра, неподалеку от района зимовий хемавенд, шел, по его словам, по Мидии, т. е. по стране, хотя и входящей в состав Персидской монархии, но населенной неперсидским населением. Если бы предки хемавенд положительно относились к персидской экспансии, то, подобно керкукской знати, они не преминули бы причислить себя к персам и сочинить себе столь же убедительные, как и у знатных керкукских родов, персидские генеалогии. Однако этого, по-видимому, не произошло. Не было этого и позднее, в силу чего сохраненное в среде хемавенд древнее предание об их иранском происхождении впоследствии превратилось в упоминаемую в «Истории Сулеймание» легенду о том, что они пришли в XVII в. в район Чемчемала из Ирана.

Трудно сейчас сказать, какую роль играли хемавенд при арабском завоевании и в первые века ислама. Судя по тому, что хемавенд сохранили родоплеменную структуру с сильными арабскими реминисценциями, и в частности с арабской терминологией, можно предполагать, что это племя относительно быстро признало ислам и поддержало своей военной силой войска Халифата. Однако, как это ни странно, названия этого племени мы не находим в числе тех племен, с именами которых связано распространение ислама и власти Халифата в горных районах Малой Азии, Западного Ирана и Закавказья. И для этого, как мы увидим ниже, есть свои причины.

С появлением в Малой Азии и Иране тюркских кочевых племен, а в особенности с усилением их влияния и власти в сельджукскую эпоху и после тюрко-монгольского нашествия, значительная часть курдских племен в той или иной форме примкнула к новому, приобретающему все большее значение этническому элементу, с которым их сближала типологически близкая родоплеменная структура. Эти чрезвычайно сложные курдо-тюркские взаимоотношения, иногда дружеские, иногда враждебные, обуславливают многие стороны той несомненной близости между курдскими и тюркскими племенами, на которые обращали внимание акад. Н. Я. Марр, В. Ф. Минорский и большинство других исследователей. П. Барт в своем исследовании о социальной организации племен южного Курдистана весьма наглядно показал, до какой степени структура возникших в послемонгольскую эпоху курдских конфедераций и племен, имеющих военное устройство, типологически и терминологически близка к аналогичным институтам тюркских племен. В частности, характерный для Джафов, Бабанов, Мукри и некоторых других союзов курдских племен институт «бекзаде» — «дворянских детей» полностью совпадает с аналогичными институтами тюркских племен; соответственно племя или род бекзаде, главенствующие над обладающим таким институтом «аширетным» союзом племен или племенем, совпадают с «ханским» племенем или родом у тюркских племен.⁵⁰ Конечно, как нам приходилось отмечать выше, институт бекзаде не просто заимствован курдскими племенами у тюркских племен, а возникает на базе трансформации, в феодальных уже условиях, близких по своему генезису институтам, характерных для родоплеменной структуры иранских племен, существовавших у курдов задолго до прихода в край тюркских элементов.⁵¹

Существует институт бекзаде и у хемавенд, которые формально, таким образом, являются типичным джафским племенем, обладают широко распространенной среди «аширетных» курдских племен родоплеменной структурой тюркского типа. В соответствии с этим племя хемавенд делится на роды: бекзаде, которому принадлежит главенство в племени, и четыре подчиненных ему рода — решавенд, ремавенд, сафарвенд и синибесер. Подобно большинству курдских племен, усвоивших тюркскую схему родо-

племенной структуры, род бекзаде сохраняет у хемавенд также старое родовое название, которое обычно свидетельствует о большей или меньшей степени древности как самого рода, так и возглавляемого им племени. Таким названием господствующего рода племени хемавенд является *челеби*.⁵²

В связи с дискуссией по поводу этого термина на заседаниях Восточного отделения Русского Археологического Общества и на страницах издававшихся отделением Записок, В. Р. Розен, крупнейший русский востоковед, считал, что слово это «по-видимому, из тех, которые имеют большую культурно-исторический интерес и которые in pace содержат значительную часть истории создавшего их народа». ⁵³ Сама дискуссия, в которой приняли участие такие крупные востоковеды, как В. Д. Смирнов и П. М. Мелниораский, подтвердила эту оценку В. Р. Розеном термина *челеби* и показала, что слово это представляет крупный интерес для выяснения ряда культурно-исторических проблем малоазийского средневековья и, в частности, для характеристики культурно-исторического облика средневековых малоазийских турок. Бесспорной, по-видимому, оказалась и связь этого термина с миссионерской деятельностью сирийцев-несториан в Средней Азии. Дискуссию эту заключила уже цитировавшаяся нами статья Н. Я. Марра «Еще о слове челеби», в которой с достаточной убедительностью была продемонстрирована и обоснована связь этого интересного термина с курдами, их социальной структурой, культурой и языком. Анализируя термин *челеби* на широком историческом фоне с обильным привлечением культурно-исторических, лингвистических и этнографических данных, Н. Я. Марр, как мы уже отмечали, связывал этот термин, а с ним вместе и проблему этногенеза курдов, с древнейшими известными в то время периодами истории Малой Азии и Закавказья. Стремясь отмежеваться в этой связи от реакционной теории Купника о «северных арийских халдеях» как предках нынешних курдов, Н. Я. Марр выдвинул тогда гипотезу об относительно позднем заимствовании курдами их языка иранского типа. Однако — на что ввиду резко полемического характера статьи обычно обращалось мало внимания — Н. Я. Марр, одновременно, пользуясь содействием и советами таких крупных иранистов, как В. А. Жуковский, К. Г. Залеман, Ф. А. Розенберг, намечает возможные связи термина *челеби* с иранскими языками и иранской культурой. При этом, что для нас важно, на поиски такого рода связей Н. Я. Марра натолкнуло употребление в курдском языке термина *челеби* в характерном имени для хемавенд значении «знатный», «член господствующего рода», наряду со вторым его значением — «музыкант», «странствующий певец», «цыган», также отмечаемым в курдском.⁵⁴

Не входя сейчас в рассмотрение всех соображений Н. Я. Марра о мотивах, вызвавших такое раздвоение значения термина *челеби*, отметим в дополнение к ним лишь одно соображение, имеющее, на мой взгляд, решающее значение в интересующем нас вопросе: к числу обитающих по соседству с хемавенд курдских племен, принадлежащих, как мы видели выше, к столь же древним обитателям края, как и хемавенд, и частично находящихся в крепостной зависимости от последних, относятся племена чагана, или зенгене, предки нынешних цыган, для которых характерно как раз это второе значение термина *челеби*. Следовательно, именно здесь, в районе древней Аррапхи, где затем последовательно существовали «царство Гармай» и Карка де бет Селох, нынешний Керкук, выработались в среде предков курдских племен все те значения термина *челеби*, которые заставили Н. Я. Марра совершенно правильно обратиться за разъяснением их не к местному, а к иранскому источнику.

С другой стороны, если мы не находим имени племени хемавенд в числе тех племен, которые принимали активное участие в распространении и укреплении власти Халифата в тех горных районах Малой Азии, которые

носят у арабских источников характерное название *завазан* — *зозан* — 'кочевка', то анализ термина *челеби*, являющегося старым названием главенствующего рода этого племени, дает нам неопровержимые доказательства того, насколько большое значение сыграли это и другие курдские племена в культуре и этногенезе нынешних малоазийских турок. Отмечать эту сторону вопроса — крупную роль пранских элементов в этнической истории Малой Азии в период зарождения и становления здесь феодальных отношений — методологически кажется мне весьма важным. Без учета этого, обычно игнорируемого, обстоятельства одним только «арабским завоеванием» мы не смогли бы объяснить крупное различие в этническом облике края в древности и в средние века до появления здесь тюркских племен. Выяснение этого крайне запутанного вопроса проливает свет и на средневековую историю курдского народа.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В предыдущей главе на примере курдских племен, обитающих на сравнительно небольшой территории в центре нынешнего Курдистана, мы имели возможность убедиться и в том, какую крупную роль в его истории сыграла многовековая иранская экспансия в Малую Азию, и в том, как причудливо переплетаются в быту, материальной и духовной культуре каждого из этих племен дериваты и реминисценции многотысячелетней исторической жизни края с явлениями более новыми, хотя также имеющими почтенную давность.

Мы видели также, что многие из этих дериватов и реминисценций, как например история термина *челеби* или связь племени хемавенд с коневодством, несмотря на внешнелокальный характер, имеют принципиальное значение для этнической истории всего курдского народа в целом, дают возможность понять многие стороны его этнической истории. При этом, однако, как и всегда, приходится считаться с трудностью точной локализации отдельных фактов, так как надежные письменные источники отсутствуют, а имеющиеся касаются, как правило, лишь оседлого населения и почти ничего не говорят о кочевниках и их роли. Кроме того, нельзя не учитывать также что многие, типологически, казалось бы, близкие явления обусловлены различными и по времени и по происхождению факторами. Так, характерная для курдов родоплеменная структура несет в себе дериваты родового строя и в тех формах, какие характерны для автохтонного населения, и в специфически иранских формах, и в формах, связывающих ее с семитическим миром, и, наконец, она же подверглась воздействию родоплеменных норм тюрков.

Примерно такую же картину представляют собой столь же характерные для курдов пережитки матриархата. Если говорить о районе Керкука, в который, судя по данным хроники Карка де бет Селох, миграция «знатных родов» из Истахра продолжалась еще в сасанидскую эпоху, то нельзя не считаться с тем общеизвестным фактом, что именно в Фарсе, по словам арабских и персидских авторов раннего средневековья, находилось несколько игравших крупную политическую роль «курдских», т. е., по-видимому, персидских кочевых племен, наличие которых отмечает еще Геродот.¹ Среди этих племен упоминаются два племени, названия которых как будто не оставляют сомнения в том, что мы имеем дело с теми «амазонками», отряд которых, по словам Арриана, сатрап Мидии Атропат продемонстрировал Александру Македонскому. Племена эти носили названия *Азад-духти* 'свободные девушки', 'девушки-азаты' и *Пераз-духти* 'победоносные девушки'.² Следовательно, сама по себе экспансия в Малую Азию иранских кочевых племен могла сопровождаться и сопровождалась, по-видимому, появлением в крае значительного количества весьма древних реминисценций, приносимых этими племенами из района их первоначального обитания.

Ко всему этому надо добавить, что сами курды не оставались впоследствии на той, относительно небольшой территории горной части Северной Месопотамии, на которой их как уже сложившийся народ застаёт история. Наоборот, как в этом нетрудно убедиться, сопоставляя несколько сохранившихся в средневековых источниках списков курдских племен, племена эти в первые века ислама и в последующие периоды тюрко-монгольской экспансии значительно расширили территорию своего первоначального обитания,³ чтобы частично раствориться, в свою очередь, в составе других народов, главным образом турок. Следовательно, явления, фиксируемые более ранними источниками для одного, узко локального района, впоследствии оказываются распространёнными на значительно большей территории и приобретают более широкое значение.

Общая тенденция сложения и развития этнических общностей в этот период относительно ясна, и, несмотря на скудость и малую разработанность источников, можно привести некоторое количество фактов, относящихся к другим районам Северной Месопотамии, подтверждающих и расширяющих те выводы, к которым мы приходим на основании материалов, относящихся к одному локальному району, история которого получает некоторое освещение на материалах местной хроники. Как ни тяжёл был для народных масс период почти непрерывных военных действий или передвижений огромных по тому времени армий при Ахеменидах, Александре Македонском и Селевкидах, именно на этот период падает постепенно возрастающая активность народных масс, которая в конечном счёте способствовала краху стремлений Ахеменидов и Александра к мировому господству, привела к развалу созданных ими мировых монархий и к возникновению на их развалинах большого количества мелких государств. Эпохой «царей племен» — *мулюк-ат-теваиф* — называет этот период восточная персидско-арабская историографическая традиция, не без некоторого основания используя этот термин и для названия феодализма вообще.⁴ Особенно удачен оказывается он именно для горных районов Северной Месопотамии и прилегающих к ней областей, где, колеблясь в ту или другую сторону, проходила граница между основным претендентом на мировое господство — рабовладельческим Римом и восточными империями, от парфян и сасанидов, до Армении и Атропатены. Такими небольшими государствами, с переменным успехом отбавлявшими свою независимость от многочисленных претендентов на мировое господство всех рангов, были: Адиабена, с главным городом Арбелой, сирийская хроника которой является, по мнению исследовавшего её болландиста Пеетерса, «младшей сестрой»⁵ хроники Карка де бет Селох — области, вскоре вошедшей в состав Адиабены;⁶ Гордуена, или Кордуна, как называют более поздние греко-римские источники страну кардухов Ксенофонта, также оказавшуюся в зависимости от Адиабены, и, наконец, Мигдония (Нисибин), Софена, Осроена и ряд других, более мелких владений. По словам Н. В. Пигулевской, исследовавшей относящиеся к этим небольшим государствам, на которые распадалась Северная Месопотамия, скудные восточные и западные источники, «эти области занимали каждая самостоятельное положение, имели своих царьков, но часто становились жертвами более крупных и сильных держав и попадали в зависимость от них».⁷

Причины, вызывавшие экспансию более крупных держав в Северную Месопотамию, хорошо известны: здесь издавна скрещивались основные торговые пути с востока на запад, и сама Северная Месопотамия относилась к числу богатых сельскохозяйственными продуктами областей Малой Азии, обладая к тому же крупными торгово-ремесленными центрами. Поэтому так понятны и экспансия сюда иранских и арабских кочевых племен, а временами и племен иного происхождения, если им удавалось одолеть высокие и труднодоступные для жителей равнины горные перевалы,

и попытки Рима и других империй превратить эти маленькие государства в свои провинции, ставя на месте местных царьков своих чиновников. Если история соседней Армении, сумевшей отстоять свою независимость и даже превратиться одно время в государство мирового значения, относительно хорошо известна, как освещена и ее роль в этой борьбе с иноземными захватчиками, то почти совершенно не изучена история таких соседних с нею и часто находившихся в зависимости от неемелких областей, как Осроена, образованная в 132 г. до н. э. селевкидским ставленником и наместником, персом по происхождению Осроем, где в 127 г. воцаряется араб Абду ибн Маз'ур, ставший родоначальником династии правителей Осроены, придерживавшейся проримской ориентации,⁸ что, однако, не мешает М. И. Ростовцеву определить ее как «полуиранскую» и относящуюся к «полуиранской культуре»;⁹ Софена и Гордиена, возникшие как полунезависимые владения в ту же эпоху селевкидских смут и затем то входившие в состав армянских владений, то присоединяемые к Риму, то, наконец, захватываемые парфянами. Не так уж велики и сохранившиеся в восточных и западных источниках и в местных сирийских хрониках материалы по истории Нисибина и Адиабены этого периода.¹⁰

При всей слабой изученности этих весьма скудных материалов один вывод напрашивается с несомненностью: по своей социально-экономической структуре все эти мелкие государства Северной Месопотамии и соседних с ней районов принципиально отличались от рабовладельческих деспотий Древнего Востока, на развалинах которых они, в сущности, возникли. Как бы ни велико было значение в жизни этих государств рабовладельческого уклада, как бы велики ни были рабовладельческие традиции, сохранившиеся под влиянием непрерывного греко-римского и иранского воздействия на эти государства, все же в них уже были все усиливающиеся черты, характерные для раннефеодальных государств. Они сложились и развивались как один из несомненных результатов кризиса рабовладельческого мира, как результат борьбы населения горной варварской периферии против рабовладения. В этом их антирабовладельческом характере, как бы слаб он ни был и как ни была противоречива их социальная природа, и состоит, на мой взгляд, в первую очередь, прогрессивное значение этих небольших государств, противопоставивших себя рабовладельческим империям и пытавшихся вести против них борьбу.

Вести эту неравную борьбу небольшим государствам Малой Азии приходилось на два фронта — и против греко-римского мира, и против мира иранского, причем борьба эта шла в самых разных направлениях, охватывая все, кажется, стороны общественной жизни. По существу это были различные формы проявления напряженной классовой борьбы подавляющего большинства населения этих новых государств против класса рабовладельцев, борьба за ликвидацию рабовладельческих деспотий, за ликвидацию самого рабовладельческого строя, та борьба, которая в конечном счете привела к окончательному сложению в странах Передней Азии феодальной формации.¹¹

С этой же позиции, думается мне, следует оценивать и те этнические процессы, которые происходили в этот период в крае. Прежде всего это относится к двум волнам чужеземной экспансии, встречавшимся друг с другом как раз примерно в районе Северной Месопотамии. Я имею в виду греко-римскую колонизацию, шедшую с запада, и продвижение в Малую Азию кочевых, по преимуществу, иранских племен, шедшее, в основном с востока. Обе эти волны различались не только в этническом и культурном отношениях, но и по своей социальной природе, а следовательно, и по результатам своего воздействия на этнический облик края.

Греко-римская экспансия, как известно, внесла заметные изменения в относительно небольшую группу населения. Сосредоточенные по преи-

муществу в городах, представители класса рабовладельцев и местной, арамейской и персидской, знати в значительной мере не только усвоили греко-римскую культуру, но и сами путем браков смешивались с греческими и римскими колонистами. Как ни велика была на первый взгляд «эллинизация» стран Передней Азии, в том числе и Северной Месопотамии, в селевкидский и парфянский периоды, она все же носила в этническом плане весьма ограниченный характер. Даже города, основанные греко-македонскими колонизаторами и получившие благодаря этому характерное для античного мира полисное устройство, не были построены на пустом месте. Это были старые города с местным коренным населением, которое, так же как и насильно переселявшееся в эти города население из других мест, попадало в зависимость от новых вершителей судеб — греко-македонских пришельцев. Понятно, что в таких случаях за борьбой этнических элементов стояла имевшая гораздо большее значение классовая борьба, лишь дополняемая и усиливаемая борьбой этнической.¹²

За пределами относительно узкого круга своих и чужеземных эксплуататоров, жадно усваивавших все положительные и отрицательные стороны античной рабовладельческой культуры, эта греко-римская экспансия никакого влияния на культурный, а тем более этнический облик края не оказала, и с этой точки зрения нельзя не согласиться с М. И. Ростовцевым, пришедшим к выводу, что в течение эллинистического периода народные массы по-прежнему жили своей жизнью, сохраняя свой язык, обычаи и религию.¹³

Было бы, однако, совершенно неверно механически переносить эту характеристику «эллинистической» экспансии на шедшую ей навстречу экспансию «иранскую» (безразлично мидийскую, ахеменидскую, парфянскую или сасанидскую) на том лишь основании, что для эксплуататорской верхушки малоазиатских стран эта экспансия имела почти такое же значение, как экспансия «эллинистическая». Принципиальное различие состоит в том, что иранская экспансия сопровождалась переселением значительных масс иранских кочевых племен, которые, попав в район нового обитания, не только существенно меняли его этнический состав, но и изменялись сами. Менялся, следовательно, этнический облик уже не незначительной по численности эксплуататорской верхушки, а подавляющего большинства населения, интегральной частью которого постепенно становились пришельцы, в социальном отношении оказывавшиеся в массе ближе к широким слоям основного населения, нежели к его господствующей верхушке.

Не следует, конечно, думать, что этот многовековой процесс происходил безболезненно, что последствия его тяжело не переживались местным населением, несомненно, страдавшим при передвижении кочевников. Как ни скупы в оценках положения широких народных масс источники этого периода, но и в них мы находим достаточно яркие свидетельства того, что приход новых племен тяжело отражался на местном населении. Так, смиренный клирик Мешихазеха, составляя по старым источникам свою «хронику Арбелы», в таких словах описывает налет на Адиабену парфян: «Разгневались эти угнетатели-волки, а когда они вернулись с войны победоносными, они вторглись в нашу землю, наши города разрушили, ограбили и отправились в свои земли, царя же Нарсая они утопили в Большом Забе».¹⁴

В конечном итоге Адиабена прочно входит в состав Парфянского государства и ее царю снова возвращается одна из прерогатив парфянских царей — «золотой трон».¹⁵ К этому времени, совпавшему с крупным набегом на страны Малой Азии алан, полчища которых при содействии царя Иверии Фаразмана в 136 г. н. э. напали на Албанию и Атропатеу и, разорив эти богатые страны, прошли через Армению и Каппадокию, где их

с большим трудом удалось разбить и прогнать обратно, относится и чрезвычайно интересный эпизод, описание которого сохранилось в той же хронике Адиабены. Летописец этой местной хроники подробно и обстоятельно описывает поход объединенных парфяно-адиабенских войск, предпринятый в правление парфянского царя Вологеша II (ум. 147 г. н. э.) и по его инициативе для умирения «восставших народов, которые нападают на горные области Карду, грабят и вырезают многие города». По словам хроник, в поход выступило 20 000 пехотинцев. Н. В. Цигулевская совершенно справедливо пишет по этому поводу: «Последнее обстоятельство, вероятно, связано с необходимостью похода в горы, где конница действовать свободно не могла. Войска двинулись против «восставших». Это последнее выражение заставляет думать, что речь идет не только о нападении каких-то орд со стороны, но и о восстании целых областей».¹⁶

Было бы весьма заманчиво сопоставить «горные области Карду», в которые, по словам хроники, направлялось для умирения восставших парфяно-адиабенское войско, с Гордиеной, т. е. страной кардухов, которая вошла, как известно, в состав Адиабены и с которой область Карду обычно сопоставляется.¹⁷ Однако такому сопоставлению мешает сам текст хроники, в которой повествуется о том, что правитель Адиабены Ракбакт прибыл ко двору парфянского царя в Ктесифон, куда через 16 дней прибыли адиабенские войска под командованием его брата Аршака, и из Ктесифона объединенные парфяно-адиабенские силы направлялись на умирение «восставших» в «горные области Карду», события в которых беспокоили не правителя Адиабены, а находившегося в Ктесифоне Вологеша. Когда же, проникнув в «горные области Карду», парфяно-адиабенские войска под командованием Аршака были «заперты» врагами в ущелье, а Ракбакт, поднявшийся на гору, чтобы проложить путь Аршаку и его войску, пал в битве «среди войска врагов», то «впидя это, восставшие хотели спуститься с долины и взять все города Аршака», по этому им сделать не удалось, так как «другой варварский народ» напал на восставших. Подобно «разбойникам, они пришли, чтобы уничтожить их города, сжечь и ограбить все, что в них есть, включая их жен». «Восставшим» пришлось отказаться от своего замысла напасть на «город Аршака» и с большим трудом отбить нападение «другого варварского народа».

Следовательно, неоднократно высказывавшиеся предположения, что сообщенный хроникой Арбелы эпизод является всего лишь новым вариантом сообщаемого Аррианом рассказа о том, что Вологеш оказался не в силах справиться с нашествием на его царство алан и остановить их движение удалось лишь правителю Капподокии, отпадает, поскольку в хронике сообщается о других событиях, происходивших в другом районе. Речь идет о каких-то крупных событиях, имевших характер внутренних процессов на территории, близкой к Адиабене, кровно затрагивавших интересы ее населения. С этой точки зрения сопоставление «горных областей Карду» с Гордиеной кажется более чем вероятным; когда читаешь хронику, невольно приходят на ум и слова Ксенофонта о трудностях передвижения на коне по горной местности, и отмечавшаяся им же виновность кардухов и их умение сражаться в своих родных горах, подмеченная тем же автором родоплеменная вражда между кардухами и армянами, приводящая к тому, что оба берега пограничной реки Кентрит оставались пустынными. Однако всё это — явления типологического порядка, в одинаковой мере характерные для любой горной страны, население которой обладает родоплеменной структурой. Стоит внимательно вчитаться в текст хроники, чтобы прийти к выводу, что сообщаемый ею эпизод никак не может быть идентифицирован с Гордиеной.

В самом деле: во-первых, инициатором похода против «восставших» мятежников является находящийся в Ктесифоне Вологеш, которого эти

события волнуют больше, чем правителя соседней с Гордиеной Адиабены и который неоднократно требует от Ракбакта, «чтобы тот без промедления» прибыл в Ктесифон, куда направляются и войска Адиабены, совершая марш вдоль берега Тигра, от Большого Заба до Описа, в направлении, обратном тому, по которому шли в свое время греческие наемники, направляясь в страну кардухов. Во-вторых, когда направленные из Ктесифона парфяно-адиабенские войска попали в окружение в «горных областях Карду», то «восставшие» хотели спуститься в долины, в пределы Адиабены, т. е. эти горные области находились по соседству с районом Арбелы. В-третьих, к «горным областям Карду» примыкала страна, где жил враждебный населению этих областей «другой варварский народ».

Следовательно, «горные области Карду» находились в горах между Ктесифоном и Арбелой, примерно там, где обитали кочевые племена в пределах горной части соседящей с Арбелой с юга области Карка де бет Селох, т. е. в районе нынешнего округа Сулеймание, восточнее же находились пределы обитания неоднократно разорявших Карка мидийских племен, фигурирующих в хронике под названием «другого варварского народа». Стоит только прочесть рассказ летописца Арбелы, имея пред собой карту, чтобы убедиться, что автор рассказывает о событиях, происходивших именно на данной территории, и что речь идет об обычном усмирении кочевников-горцев, тревоживших своими набегами столицу Вологеша и близлежащие равнинные области. При попытке же отождествить «горные области Карду» с Гордиеной рассказ хроникера теряет всякий смысл и становится, отнюдь не по вине автора хроники, еще одним аргументом в пользу соображения Пеетерса о недостоверности этого исключительного по своей ценности источника.¹⁸

Что же касается названия Карду, прилагаемого летописцем к «горным областям», восставшим против власти парфян, то, как во многих подобного рода случаях, когда летописец передает сведения, известные ему лишь на основании предания или старых источников, мы имеем дело с комбинацией нескольких терминов, в той или иной степени известных летописцу и сведенных им по мере разумения воедино. С одной стороны, более чем вероятно, что в этом термине отразились reminiscences старого, уже давно переставшего существовать Касситского государства Кар-Дуньян, локализуемого Н. М. Дьяконовым в верховьях Дналы,¹⁹ т. е. как раз в том районе нынешнего округа Сулеймание, где, судя по маршруту движения парфяно-адиабенских войск, должны были находиться «горные области Карду». С другой же стороны, ко времени написания хроники Арбелы, написанной между 540 и 569 гг.,²⁰ т. е. уже в конце сасанидского владычества, термин *курд* в качестве названия ираноязычных племен, обладающих военно-племенной структурой, был уже известен арабоязычным и персоязычным авторам первых веков ислама и прилагают этот термин к обитавшим в Южном и Центральном Иране иранским кочевым племенам, обладавшим аналогичной структурой и объединенным в несколько конфедераций — *рам*.²¹ Следовательно, этот термин вполне мог быть приложен и к другим племенам, в частности, к иранским кочевым племенам на западе Сасанидской империи, где их военная и политическая роль была, пожалуй, даже значительнее, чем в центре страны. Вместе с другими, в первую очередь арабскими племенами, иранские племена, обитавшие в Северной Месопотамии, являлись весьма эффективным кордоном, затруднявшим проникновение на восток военных сил западных противников парфян и сасанидов. Такое использование военизированных племен для несения пограничной службы настолько типично, что можно было бы написать целое исследование о роли арабских племен на южных и восточных границах Византии, об аналогичной роли курдских и тюркских племен на западных и в особенности на восточных границах Осман-

ского султаната империи Сефевидов, при Надир-шахе, при Каджарах и даже в наши дни в Саудовской Аравии, где эту функцию выполняют поселения «Ихван». Таким именно путем появились в средние века «курды» в Средней Азии, в Белуджистане, в Синде, в Афганистане.²²

Если в первые века ислама этот термин обычно прилагается в мусульманских источниках только к «курдам» Фарса и других районов южного и центрального Ирана, то это объясняется, по-видимому, тем, что западные племена «курдов», быстро усвоившие ислам и ставшие клиентами арабских племен, воспринимались этими источниками, да, пожалуй, и всеми современниками, как «мусульманские» племена,²³ а восточные «курды», сохранявшие, видимо, дольше свои доисламские качества, продолжали именоваться «курдами» и лишь впоследствии, когда к сельджуцкой эпохе это различие пропало, то снова термин «курд» стал применяться ко всем ираноязычным племенам, обладающим военно-племенной структурой, в отличие от таких же арабских и в особенности тюркских племен.²⁴ Вполне вероятно, что составлявший для епископа Арбелы свою летопись Мешпахзех, использовавший большое количество ранних документов, мог употреблять термин *курд* в его старом, доисламском значении, возродившемся затем в XII в., когда впервые в арабской литературе появляется термин Курдистан — 'страна курдов', для обозначения небольшой области в Северной Месопотамии, примерно совпадающей с районами, о которых у нас идет речь.²⁵ Поскольку арабская графика не передает гласных и огласовка в собственных именах в арабских текстах весьма условна, для нас большое значение наряду с сирийскими формами приобретает свидетельство Марко Поло, также слышавшего этот термин применительно к обитавшим в горах Мосула курдам в форме *кард*.²⁶

Все изложенное выше не исключает, конечно, того, что в средневековых сирийских текстах это, известное Машехазеху, летописцу Адиабены, значение термина «карду» могло быть спутанным и, как легко убедиться из собранных Г. Р. Драйвером материалов, действительно путалось с фонетически близкими к нему формами названия страны кардухов Гордиены, известной сирийским авторам как Джазарта де Карду.²⁷ Из этого, однако, не следует, что такая путаница должна сохраняться в науке.

В настоящее время можно считать установленным, что никакой генетической связи между терминами *курд* и *кардух* не существует, кроме чисто внешнего созвучия. Так же, по-видимому, мало оснований, кроме возможных фонетических параллелей, для сближения этого термина, ставшего в средние века названием народа, большая часть которого называет себя *курмандж*, с этнотопонимикой Древнего Востока. Ничего в этом, конечно, плохого нет, потому что можно перечислить множество народов, обладающих названиями, не поддающимися сколько-нибудь убедительной этимологии, что, однако, ни в какой мере не сказывается на выяснении их исторического прошлого. Поэтому сама по себе проблема этимологизации термина «курд» не относится к числу вопросов, имеющих серьезное научное значение. Тем не менее, однако, из всех предлагавшихся этимологий наиболее убедительной кажется та, которая связывает этот термин с широко распространенным в большинстве иранских языков словом *горд* 'храбрец', 'богатырь'. По своей семантике, связывающей это понятие с названием народа, слово это является двойником столь же широко распространенного в иранских языках слова *пахлав-ан*, являющегося, в свою очередь, одной из диалектальных разновидностей названия парфян — *пахлав*. Семантика этих слов, так же как и семантика таких терминов, как например имеющего столь важное значение для характеристики исторических судеб курдского народа *челеби*²⁸ и ахеменидского *кара*, реминисценции которого также можно обнаружить в курдском, тесно связана с военно-племенной структурой, принесенной в Малую Азию иран-

скими племенами и получившей затем у курдов дальнейшее развитие.

Если при этом термин *кара* означал, как известно, 'народ-войско', то донесенный нам от сасанидской эпохи источниками первых веков ислама термин *курд* уже имеет более узкое значение и, подобно проникшему из арабской среды термину '*аширет*', прилагается к обладающей военно-племенной структурой племенам для выделения их из остальной массы населения, не обладающей такой структурой. Общим для *кара курд* будет то, что в отличие от имеющих только социальное значение терминов вроде *таифе*, *эль*, '*аширет*' и т. п. оба эти термина относятся только к иранским племенам, т. е. наполнены этническим содержанием и не могут быть применены в отличие от терминов второго порядка к любому племени, обладающему военно-племенной структурой.

В этой связи, мне думается, исключительно большое значение приобретает характеристика быта и обычаев парфян, данная римским историком Помпеем Трогом, сохранившаяся в кратком изложении Юстина.²⁹ В свое время Я. А. Манандян не увидел в материалах Трога ничего, кроме доказательства наличия рабов в Парфии и в Армении, считая рабство недостаточно распространенным институтом в этих странах.³⁰ Н. В. Пигулевская, давая русский перевод относящегося к описанию парфян Помпея Трога текста Юстина, показала, что в нем мы встречаемся с двумя неравнозначущими терминами: *servi*, означающим «рабов», которые, по словам Трога, в отличие от «свободных» (*liberi*) не имели у парфян права ездить верхом, и *servitotes*, который должен быть переведен как «зависимые», «несвободные» и возможно даже «клиенты». Этот второй термин Трог и употребляет при характеристике войска парфян, которое, по его словам, «не как у других народов свободное, но в большей своей части состоит из зависимых». Из 50 тысяч парфянских конников, сражавшихся против Антония, как утверждает Трог, только 400 были свободными.³¹

Если мы дополним эту характеристику парфянского общества, даваемую Трогом в военном отношении, его словами о том, что «зависимых» никому не дано право освобождать и что «ближайшим к царю является сословие высших, из которых они имеют военачальников на войне и правителей в мирное время», а также вспомним, что право ездить верхом было у парфян прерогативой «свободных», то перед нами будет характерное описание той же мидо-персидской *кара*. В самом деле, ведь о подчинении одних персидских племен другим говорил еще Геродот,³² а начавшееся расслоение персидского общества также общеизвестно. Новым для парфян будет, пожалуй, лишь большая роль конницы, что еще раз подчеркивает значение коневодческих племен в иранской экспансии на запад, да еще то обстоятельство, что наметившееся классовое расслоение получило, как и всегда в рабовладельческом и феодальном обществах, сословное оформление. С этой точки зрения военно-племенная структура парфян, донесенная нам в сухом описании Трога, занимает, как и следовало ожидать, срединное положение между мидийско-персидской *кара* и сасанидскими «курдами».

В этой связи приобретает существенное значение свидетельство того же автора хроики Адиабены Мешихазеха, который, рассказывая о событиях, связанных с крушением Парфянского царства и становлением Сасанидской монархии, пишет: «В предшествующее время персы желали свергнуть с престола партавов; много раз испытывали они свои войска в войне, но были прогнаны, так как не могли победить партавов. Когда поняли это персы и меды, они сошлись с Шахратом, царем Адиабены, и Домицианом, царем Карка де бет Селох, и весной они повели сильную войну с партавами. Партавы были побеждены, и их царство погибло навеки. Итак, сначала они (персы и меды) заняли Междуречье, потом Бет-

Арамае, потом Бет-Забдай и Арзун, в течение одного года заняли они все эти земли. Все старания партавов были тщетны, ибо пришел их день и наступил их час. Наконец они совершенно бежали в горы высокие и оставили персам все свои земли и все свое богатство, которое сберегалось в городах».

Я сейчас не останавливаюсь на том, насколько точно передает это бесхитростное повествование летописца фактическую сторону борьбы возглавлявшейся Сасанидами коалиции персидских и мидийских племен, против племен парфянских, происходившей между 221 и 224 гг. п.э. Вопрос этот с достаточной полнотой освещен Н. В. Пигулевской, в переводе которой я привожу выдержку из сирийской хроники Аднабены.³³ Нам важно другое — то, что вооруженные отряды парфянских племен, сражавшиеся против таких же отрядов племен мидо-персидской коалиции, после своего разгрома не возвращаются в Парфию, как можно было бы предполагать, если бы там, далеко на востоке, обитали те племена, вооруженные отряды которых сражались в Северной Месопотамии. По словам летописца, эти вооруженные отряды «бегут в горы высокие». Следовательно, они уходят в ту высокогорную часть Северной Месопотамии, где уже задолго до этого обитали иранские пастушеские племена. Это возможно в двух случаях: либо под парфянами летописец имел в виду и их «клиентов» из числа обитавших в горах Северной Месопотамии иранских племен, обладавших военно-племенной структурой, либо — сюда переселялись и парфянские племена. Последнее предположение кажется мне более вероятным хотя бы потому, что автор хроники довольно четко отличает парфянские племена, игравшие существенную роль в судьбах его родной Аднабены, от племен персидских и мидийских.³⁴ Следовательно, миграция иранских пастушеских племен в Северную Месопотамию продолжалась и в парфянский период, как продолжалась она, насколько можно судить по материалам хроники Карка де бет Селох, и при Сасанидах.

Как известно, к концу сасанидского периода, когда после крушения этой империи арабы начали свою стремительную экспансию в страны переднеазиатского мира, они уже застали в горных районах Северной Месопотамии курдские племена, сложившиеся в определенную этническую общность. Племена эти, явившиеся ядром нынешнего курдского народа, в свою очередь приняли вскоре активное участие в политической и культурной жизни средневековой Передней Азии. Эта средневековая история курдского народа, о которой имеются многочисленные свидетельства различных многочисленных письменных и устных источников, может считаться в настоящее время выясненной хотя бы в своих общих чертах. Если еще в недалеком прошлом была тенденция игнорировать в исторических схемах историю курдского народа и его роль в исторической жизни народов и стран Передней Азии, то после появления работ В. Ф. Минорского, А. Заки, Р. Ясеми, Х. Хузни, В. П. Никитина и других это уже не представляется возможным.

В наши дни мы наблюдаем завершение этого процесса, когда курдский народ, являющийся, как и все народы мира, по словам Ф. Энгельса, продуктом угнетенных классов,³⁵ прожив бурную и богатую внешними и внутренними событиями средневековую историю, трансформируется в нацию и ведет в результате возросшей активности тех же угнетенных классов упорную борьбу за свои суверенные права. Вполне естествен поэтому вопрос, когда же начался этот процесс, начиная с какого времени те различные между собой многочисленные компоненты, появление которых на территории края мы постарались проследить в настоящей работе, складываются в такую общность, относительно которой можно говорить как об ядре будущего курдского народа. В значительной мере ответ на этот вопрос зависит от того, когда началось то «разграничение на группы

по языку», которое, продолжаясь в течение всего средневековья, в конечном счете обусловлено процессом консолидации разрозненных племен в народы, а затем в нации.

Как известно, для Северной Месопотамии уже к моменту краха старых рабовладельческих деспотий и образования на их развалинах Мидийского, а затем Персидского государства подавляющая часть городского населения и большая часть сельского оседлого населения говорила на сирийском языке. Существовавшие здесь до этого местные языки, в том числе и хурритский, постепенно отмирали, а если и сохранились, то при почти обязательном в таких случаях двуязычии. Греческий язык, появившийся в городах в связи с эллинистической экспансией, затронул только рабовладельческую верхушку и не оказал влияния на народные массы. Зато всё возрастало влияние и удельный вес иранских языков, получивших распространение не только среди господствующей верхушки, но и среди некоторой части сельского оседлого, а в особенности кочевого населения, где также по мере роста экспансии иранских племен возрастал и удельный вес иранской речи. При этом мы должны считаться с двумя моментами: во-первых, с двуязычием, которое не могло не приводить к скрещению иранской речи с семитической и, во-вторых, с теми диалектальными различиями, которые, несомненно, существовали в речи каждого из иранских племен. Стало быть, как это мы уже неоднократно отмечали, попавшие на территорию Северной Месопотамии иранские диалекты не продолжали своего прежнего развития, а складывались в новый язык, свойственный в настоящее время курдам.

Наши сведения о курдском языке в плане его исторического развития не спускаются глубже уже упоминавшегося «Плача об арабском нашествии», фрагменты которого опубликовал Р. Ясемн. Как ни незначительны эти фрагменты, они все же позволяют утверждать, что уже в сасанидскую эпоху курдский язык обладал большинством тех характерных особенностей, которые свойственны ему в более позднее время и которые отличают его от других иранских языков.³⁶ Стало быть, мы можем говорить о курдах как о народе, говорящем на самостоятельном языке уже в VI—VII вв. н. э.

Однако давшая нам обильный материал по предыдущим периодам исторической жизни хроника Аднабены донесла до нас еще более раннее свидетельство. Повествуя о походе объединенных парфяно-аднабенских войск против «восставших» племен в «горные области Карду», Машихазеха говорит, что командовавший этими войсками Аршак был заперт с частью войск в ущелье «одним из глав восставших, имя которого было Кизо».³⁷ Имя это носит настолько характерный курдский облик, что, на мой взгляд, может служить доказательством существования уже в это время курдского языка. Обладая характерным для курдских имен собственным суффиксом -о, являющимся одновременно показателем звательного падежа имен мужского рода, имя это вместе с тем этимологически должно быть сопоставлено с курдским *кыз* 'девушка', словом, которое, как мне это пришлось констатировать ранее,³⁸ связано с рядом аналогичных терминов иранских языков и языков древнего населения Малой Азии, а связь которого с тюркским *кыз* обусловлена лишь внешним созвучием. А раз так, то имя этого вождя «восставших» подтверждает и наши соображения о том, что описываемые в хронике события происходили в районе расселения предков нынешних курдских племен, и то, что среди этих племен существовали сохраняющиеся еще и по настоящее время у курдов сильные reminiscenции матриархата.

Происходившая в период VII в. до н. э.—VI в. н. э. почти тысячелетняя экспансия иранских пастушеских племен, обладавших, как правило, военно-племенной структурой, в горные районы Северной Месопотамии привела к существенному изменению этнического облика этого и без того сложного в этническом и языковом отношении края. Если в земледельческих долинах в основном продолжается семитизация населения, приводящая к сложению средневековых сирийцев, то в высокогорных областях, где уже к этому времени распространились характерные формы кочевого скотоводства, преимущественное распространение получает иранская речь. Это, само собой разумеется, не исключает того, что здесь встречались земледельческие районы с преобладанием иранских элементов и скотоводческие районы с преобладанием семитических.

В результате в центре нынешнего Курдистана начинается постепенный процесс образования на базе различных пастушеских племен с явным преобладанием иранских элементов курдской народности. Происходит этот процесс примерно во II—VI вв. н. э., т. е. в период парфянского и сасанидского владычества, когда иранские племена с военно-племенной структурой играли существенную роль в политической жизни Малой Азии. Таким образом, по времени он совпадает с крахом в этих районах рабовладельческого мира и сложением раннефеодального общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе первой

¹ R. T. Braidwood. A preliminary notes on prehistoric excavations in Iraq Kurdistan. 1950—1951, Iraq, VII, 2, 1951, стр. 99 и след.; Ralf S. Solecki. A paleolithic site in the Zagros Mountains of Northern Iraq. Sumer, XI, 1, 1953, стр. 63 и след.; Carleton S. Coon. Cave Explovrations in Iran. Philadelphia, 1951.

² R. T. Braidwood. Near East and the Foundations for Civilisation. Oregon, 1952; V. Gordon Child. New Light on the most Ancien East. London, 1952. Русск. перевод: Гордон Чайд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956; Всемирная история, т. 5, М., 1955, стр. 125 и след.

³ Н. М. Дьяконов. История Мидии. Л., 1956, стр. 96.

⁴ T. Braidwood. Excavations in Azerbaijan. London, 1951, стр. 206 и след.

⁵ R. Chirshman. Fouilles de Sialk, près de Kashan, 1933, 1934, 1937, tt. I и II. Paris, 1938, стр. 143 и след.; здесь помещен подробный разбор антропологического материала, сделанный таким крупным знатком, как Валуа (H. V. Vallois. Les ossements humains de Sialk). Н. М. Дьяконов (ук. соч., стр. 97, прим. 2), ссылаясь на вполне оправданный вывод Валуа о том, что ассироиды проникают за предгорья Загроса относительно поздно, пытается поставить антропологический тип в связь с языком и, несмотря на отсутствие языковых данных, пишет, что эти ассироиды были «по языку, вероятно, хурриты». Достаточно напомнить, что несомненные турки по языку — туркмены, азербайджанцы, турки — в антропологическом отношении не принадлежат к монголоидам, чтобы прийти к выводу о том, насколько необоснованны попытки судить о языке того или иного народа на основании его антропологического типа. Сам Н. М. Дьяконов совершенно справедливо считает «более чем сомнительными» попытки некоторых буржуазных антропологов обнаружить среди населения Древнего Ирана монголоидов и «нордический тип» (там же).

⁶ Всемирная История, т. I, М., 1955, стр. 224. О роли дравидийских элементов в этноглобтогоническом процессе в Передней Азии см.: С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 72—74; там же приводится основная литература вопроса.

⁷ См. Г. Чайд, ук. соч., стр. 38—39, со ссылкой на выводы Э. Шпейзера и Э. А. Мейера; о том же, в сущности, говорит С. П. Толстов (ук. соч., стр. 74).

⁸ Правильно: Кал'ат-Джармо.

⁹ Всемирная История, т. I, стр. 126—127.

¹⁰ О. Вильчевский. Мукринские курды. Переднеазиатский этнографический сборник. М., 1958, стр. 187.

¹¹ Г. Чайд, ук. соч., стр. 47.

¹² На это обстоятельство обращает внимание, в частности, С. В. Киселев (Всемирная История, т. I, стр. 134).

¹³ О. Вильчевский. Мукринские курды, стр. 194; А. А. Аракелян. Курды в Персии. Изв. Кавк. отд. РГО, 1904, т. XVII, № 1, стр. 11; G. de Morgan. Mission scientifique en Perse, t. II, Etudes Geographiques. Paris, 1895, стр. 27.

¹⁴ О. Вильчевский. Мукринские курды, стр. 217—218.

¹⁵ О. Вильчевский. Мукринские курды, стр. 219.

¹⁶ Г. Чайд, ук. соч., стр. 165—166.

¹⁷ Г. Чайд, ук. соч., стр. 327 и 330.

¹⁸ Г. Чайд, ук. соч., стр. 361.

¹⁹ Г. Чайд, ук. соч., стр. 184 и 298.

²⁰ Мухаммед Бехмен Бехмен-Беки. Правы и обычаи племен Фарса. Тегеран, 1324 г. иранского солнечного летосчисления/1945 г. н. э. (на перс. яз.). Рец.: Н. А. Кисляков. Мохаммед Бахман Бахман Биги. Обычаи племен Фарса. Советская этнография, 1946, № 3.

²¹ К с е н о ф о н т. Анабазис, кн. IV, гл. 1, ст. 8.

²² Г. Ч а й л д, ук. соч., стр. 174.

²³ Г. Ч а й л д, ук. соч., стр. 189.

²⁴ Всемирная история, т. I, стр. 192.

²⁵ Н. М. Дьяконов. Заметки по урартской эпиграфике, II. Эпиграфика Восточного Востока, VI, 1952, стр. 110; Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи. Вестник древней истории, 1953, № 1, стр. 292 и след. Соображения Г. А. Меликишвили (Происхождение грузинского народа. Тбилиси, 1952) о том, что в состав хурритов входили матиены Геродота, а также известные древним авторам племена алародиев, саспейров и армениев, лишней раз подчеркивают сложность, неоднородность состава тех племен, которые могут быть объединены под названием хурритов, состав которых в разное историческое время менялся. Г. А. Меликишвили правильно отвергает устаревшие и противоречащие фактам гипотезы П. А. Джавахкишвили и С. Н. Джалалиана, рассматривавших большинство древних народов Малой Азии как прямых предков грузин. Он считает, что поскольку «речь может идти лишь о языковом родстве этих древневосточных народов (протохетты, хурриты, урартийцы и т. д.) с грузинскими и другими кавказскими племенами, то нельзя говорить о прямой преемственности между ними и названными ближневосточными народами» (Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 13—14). Эта бесспорная истина не пуждается, однако, в заимствованной у того же С. Н. Джалалиана идее об имманентной «этнической индивидуальности» грузинских племен (там же).

²⁶ Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 98.

²⁷ С. П. Толстов, ук. соч., стр. 78—79.

²⁸ Б. Грозный. Пронидийские письма и их расшифровка. Вестник Древнего Мира, 1940, № 2, стр. 15 и след. Точку зрения Б. Грозного разделяет, как известно, акад. В. В. Спруве (см. его статью: Дешифровка пронидийских племен. Вестн. АН СССР, 1947, № 8). Следует, конечно, быть крайне осторожным с такого рода сопоставлениями, так как при незначительном объеме материала, к тому же относящемуся к языковым фактам, отдаленным от нашей эпохи несколькими тысячелетиями, очень легко принять случайную фонетическую близость отдельных терминов за явление генетического порядка. Типичным примером такого рода недоразумений может служить известная гипотеза Ф. Гоммеля о близости между собой шумерийского и тюркских языков (F. Hommel. Ethnologie und Geographie des alten Orients. München, 1926, стр. 21) на основании фонетической близости нескольких терминов; С. П. Толстов использует эту гипотезу для установления связи языков древних насельников Средней Азии, Индии и Малой Азии (С. П. Толстов, ук. соч., стр. 79). Но, во-первых, остальные языки, связь между которыми намечает С. П. Толстов, не имеют генетического отношения к тюркским языкам, и, во-вторых, тюркская речь впервые появляется, во всяком случае в южной части Средней Азии, Индии, Иране и Малой Азии, по крайней мере на три тысячелетия позднее. Эта гипотеза лишь затрудняет в целом правильные выводы С. П. Толстова о характере языковых связей Передней Азии в древности. Несмотря на свою несостоятельность, гипотеза Гоммеля получила широкую популярность в трудах националистически настроенных турецких ученых, утверждающих, что турки и их язык якобы являются прямыми потомками шумерийцев и их языка.

²⁹ Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 98, прим. 5.

³⁰ Mission scientifique en Perse, т. V, 1889—1891.

³¹ О. Вильчевский. Лингвистические материалы по истории общественных форм в Курдистане. Сб. «Иранские языки», т. I, II, 1945, стр. 27. Отмечая эту сторону вопроса, я в первую очередь имею в виду типологическую близость культур подавляющего большинства населения горных районов Малой Азии, Закавказья и Ирана. Близость эта, подкрепляемая возникавшими в разные времена и по разным причинам этническими связями, дает себя знать почти на каждом шагу и, если отвлечься от реальной истории, создает подчас впечатление реальной этнической близости и непрерывности культурной и исторической традиции нынешних народов Малой Азии, Закавказья и Ирана. Вот почему приходится быть столь осторожным с такого рода сопоставлениями, пока они не подкреплены фактами конкретной истории, как например, это имеет место в отношении связей курдов с Южным Прикаспием в течение многих веков.

³² В этом отношении нельзя не согласиться с Н. М. Дьяконовым, пытающимся установить связь языка куртов как с языками эламской группы, так и языками древних насельников Закавказья (История Мидии, стр. 110). Вряд ли следует, однако, проводить столь резкую грань между языками этих двух групп, да к тому же по столь трудно поддающемуся фиксации в памятниках древней письменности признаку, как фонетический облик того или иного языка. В частности, сложность фонетического облика албанского языка более чем проблематична; вывод о сложности его покоится всего лишь на большом количестве знаков в «албанском алфавите», обнаруженном в одной из поздних армянских рукописей в дефектном виде. Достаточно предположить, что в алфавите приводятся как строчные, так и прописные начертания букв албан-

ского алфавита (что весьма возможно) или что в рукописи зафиксированы два разных алфавита, впоследствии сведенные позабывшим традицию переписчиком в один, чтобы гипотеза о сложности фонетического состава албанского языка потеряла всякое основание. Что же касается приводимого Н. М. Дьяконовым «вполне вероятного предположения» З. Н. Ямпольского о связи термина «кутии» с урдами, который к тому же является якобы самоназванием албан, то таким «методом» можно сопоставить кого угодно с кем угодно. Утверждение Н. М. Дьяконова о том, что «по всей видимости, кутийский язык был самобытным», — бесспорно, но может быть применено с таким же успехом к любому из языков мира, вплоть до еще неизвестных. Истина здесь в том, что подобно всем или подавляющему большинству языков Передней Азии в древности кутийский язык типологически, видимо, довольно резко отличался от языка соседних племен; это естественный результат непрерывных миграций местного населения. Поэтому сближение между этими различными по своему генезису языками происходило впоследствии на протяжении многих столетий и даже тысячелетий совместной жизни племен и народов, на них говорящих. Иными словами, если, скажем, в отношении иранских, семитических, тюркских, как и многих других языков мы, восстанавливая их историю, исходим из постепенного развития близких, первоначально друг к другу родственных, языков и диалектов, распространенных впоследствии на обширных территориях, где они вытеснили местную речь, слабые следы которой сохраняются лишь в качестве субстратных явлений, то в отношении подавляющего большинства автохтонных языков Малой Азии, Ирана и Кавказа, имевших весьма ограниченный ареал распространения, дело обстоит как раз наоборот. Близость между ними следует рассматривать не как результат их генетической близости, а как естественное следствие многовекового взаимного общения. Поэтому эта близость, как бы сильна она ни была, охватывает не все стороны языка и сопровождается обычно не менее сильными типологическими различиями. Видимо, именно этим объясняется спорность и малоубедительность попыток сконструировать «яфетическую», «алларордийскую», и другие семьи языков. В этом плане не только можно, но и должно говорить о «самобытности» кутийского языка.

³³ Костюм, как известно, является подчас весьма показательным фактором при решении вопросов этногенеза, хотя, конечно, сами по себе материалы по костюму не могут служить бесспорным доказательством и могут привлекаться лишь в комплексе с материалами другого порядка. В данном случае приходится обращать внимание на возможность такого рода сопоставлений потому, что, за исключением барзанцев, обитающих как раз в том районе, где в древности жили лулубеи, все остальные курдские племена носят войлочные шапки, разнообразные по форме, обмотанные различной по цвету чалмой с обязательной бахромой, спадающей на глаза. Не исключена, однако, и возможность сопоставления визигий шапочки барзанцев с апалогичными по форме и технике выделки визигийскими шапочками у горцев Памира, на что обратила мое внимание Е. М. Пенцерева.

³⁴ Для Н. М. Дьяконова это положение кажется бесспорным, несмотря на отсутствие сколько-нибудь убедительных аргументов. «Касситы, — по словам Н. М. Дьяконова, — жили в том же месте и позже, занимаясь горным полукочевым скотоводством; по всей вероятности, их иранизированными по языку потомками являются племена горных скотоводов-луров, обитающие ныне на этой же территории, которая соответственно носит теперь название Луристана. Однако во второй четверти II тысячелетия до н. э. часть касситов была вовлечена в племенные передвижения и проникла из гор в долину Диялы, откуда начала предпринимать набеги на Вавилонию» (История Мидии, стр. 122). Хотя после этого на протяжении последующих двух с лишним тысячелетий до появления здесь луров в крае происходили еще более значительные передвижки населения, Н. М. Дьяконов считает луров «преемниками» касситов-горцев на том лишь основании, что в этом районе первобытно-общинный строй «держался еще много столетий спустя» (там же, стр. 227). Делу не может помочь и то обстоятельство, что впоследствии «касситы и другие горцы современного Курдистана и Луристана» (там же, стр. 444, прим. 1), хотя и не входили, по словам Арриана, в состав мидий, но сражались вместе с последними против персов. В настоящее время луры, сохраняя ряд характерных черт, роднящих их с курдскими племенами, в процессе сложения персидской нации, по-видимому, входят в ее состав в противоположность современному населению бывшей Мидии — азербайджанцам и курдам, которые в состав персидской нации не входят.

³⁵ Семитические племена, как известно, составившие в это время основную массу скотоводческого населения Сирийской степи, начинают проникать в северные районы Двуречья, переходя постепенно к оседлости и сменяя скотоводство на земледелие (Всемирная История, т. I, стр. 192). Появление семитических племен в горной части Северной Месопотамии и ассимиляция ими автохтонного населения в связи с переходом этих племен на оседлость, так же как и проникновение в край племен, говоривших на индо-иранских языках, происходило много позднее отмеченного Ф. Энгельсом приручения семитами и азиатскими арийцами скота и перехода их к пастушеской жизни (Ф. Э н г е л ь с. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1951, стр. 23—24). И семиты, и тем более иранцы и ин-

дийцы пришли в Северную Месопотамию уже сформировавшимися скотоводами. Больше того — в отношении семитов мы можем утверждать, что главная их масса, попав в край, осела на землю, захватив плодородные долины, мало пригодные для степного скотоводства, распространенного среди этих племен, и лишь часть семитических племен, поднявшихся через покрытые лесом горные склоны до высокогорных альпийских пастбищ, сохранила скотоводство, применившись к его новым горным условиям. Одним из аргументов в пользу того, что в числе кочевых племен в горной части края были и семиты, служит отмеченный Фейльбергом обитием для курдов, луров и арабов тип кочевого жилища (С. G. Feilberg. *La tente noire*. København, 1944).

Можно даже наметить разницу между несколько более примитивным «иранским» типом шатра, характерным для луров, испытавших меньшее воздействие семитов, и «семитическим», точнее «малоазиатским» типом курдского шатра. Существенно, что тюркские племена принесли с собой свой, резко специфический тип войлочной юрты, отличаясь этим от племен, впоследствии усвоивших тюркский язык, которые сохраняют шатер из козьей шерсти. Кстати, это служит прекрасным доказательством бессмысленности утверждений о «древности» здесь тюркских элементов, в том числе языковых.

Все это служит лишь подтверждением правильности хорошо известных мыслей Ф. Энгельса о том, что, уйдя из лесистых районов в степи, скотоводы затем добровольно не возвращались в лесистые районы до тех пор, пока сами не начали переходить к возделыванию злаков (Ф. Энгельс. Прохождение семьи, частной собственности и государства, стр. 23—24).

³⁶ Достаточно напомнить серьезно высказывавшиеся соображения об отнесении к тюркским языкам не только эламского (см. прим. 28) на основании созвучия нескольких терминов, но и мидийского, уже без всякого основания, чем доводится до абсурда мнение буржуазного националиста Кесреви Тебризи о том, что якобы азербайджанцы во всех отношениях являются потомками мидийцев. Игнорируя работы К. Тебризи по языку азери, его последователи полагают, что раз азербайджанцы говорят в настоящее время на тюркском языке, то и язык мидийцев должен быть тюркским. Число подобного рода примеров можно было бы значительно умножить, но суть вопроса не в том, что то или иное гипотетическое построение себя не оправдало. К сожалению, большинство лингвистических соображений относительно малоизвестных языков древности страдает не тем, что они построены на явно недостаточном количестве реальных фактов, а тем, что эти соображения носят кабинетный характер и лица, их высказывавшие, обычно не давали себе даже труда подумать, могли ли в действительности иметь место предполагаемые ими события и факты.

³⁷ Ср. применительно к курдам посвященные внимательному распытыванию возможных этнонимических терминов древности работы: G. K. Driver. 1) *The Dispersion of the kurds in ancient times*. JRAS, October, 1924; 2) *The name kurd and its philological connexion*. JRAS, July, 1923.

³⁸ Когда Кэссон (Kesson. *A. Suivey of Persian Art*. London—New-York, 1938—1939, стр. 356 и след.) составляет скульптурный портрет «кутийского царя» с антропологическим типом курдов Загроса, то, как ни распыляет этот тип, все же сама по себе скульптура дает ясное, отчетливое представление о изображенном ею лице; когда же французский антрополог Ами (E. T. Hamy. *La figure humaine dans les monuments chaldéens*. Bull. et Mem. de la Société Anthropologique de Paris, 21, III, 1907, стр. 125 и след.) сравнивает изображение на скальном рельефе в Шейх-хана с антропологическим типом, распространенным в настоящее время среди азербайджанцев района Шуши, а И. М. Дьяконов, соглашаясь с этим, находит, что оба антропологических типа — и «кутийского царя» и статуя из Шейх-хана — идентичны, то произвольность и субъективность этих выводов несомненны. В самом деле: во-первых, население района Шуши, как тюркоязычное (азербайджанцы), так и армяноязычное, в основном антропологически продолжает линию древних албанцев, в то время как курдское население Загроса в антропологическом отношении продолжает линию населения Северной Месопотамии. Поэтому, если эти два антропологических типа совпали или оказались близкими, то это лишь служит еще одним доказательством того, насколько ненадежны и обманчивы оказываются для Малой Азии и прилегающих районов Ирана и Закавказья антропологические данные; во-вторых, — и это самое главное, — как совершенно правильно говорит И. М. Дьяконов, «стела из Шейх-хана выдает руку мастера, не имеющего за собой большой художественной традиции: фигуры непропорциональны, рисунок нечеток и неправилен» (История Мидии, стр. 116). Схематическое изображение человеческого лица на этой стеле настолько примитивно, что с одинаковым успехом может быть сближено с любым антропологическим типом.

³⁹ Г. Чайлд, ук. соч., стр. 364.

⁴⁰ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1950, стр. 170.

⁴¹ В. В. Струве. Лагерь военнопленных женщин в Шумере конца III тысячелетия до н. э. Вестник древней истории, 1952, № 3, стр. 12.

⁴² О. В и л ь ч е в с к и й. Лингвистические материалы по истории общественных форм в Курдистане, стр. 15.

⁴³ Этого вопроса, помимо цитировавшейся выше статьи, я касался в ряде своих штудий. В них я пытался дать анализ некоторых курдских терминов, связывающих как курдский язык, так и говорящих на нем с древними пластами истории Переднеазиатского мира. Методологической ошибкой этих работ было характерное для Н. Я. Марра и его школы увлечение субстратными явлениями, что приводило к преувеличению их роли и значения, к стремлению рассматривать факты курдского языка как прямой результат его внутреннего саморазвития и трансформации, без учета того, что в основных своих чертах курдский язык бесспорно принадлежит к иранским языкам и черты, характеризующие его связи с языками других генетических групп, в особенности в области лексики, часто являются результатом внешнего воздействия на иранскую речь. Однако столь же методологически неправильна и обратная точка зрения традиционной иранистики, отрицающая всякое продуктивное воздействие на любой из иранских языков, в том числе и на курдский, языков, генетически неиранских, и рассматривающая курдский язык лишь как результат внутреннего развития исходных иранских форм. Мне думается, что основная ошибка обеих точек зрения вытекает именно из преувеличения роли внутреннего развития языка, из повышенного внимания к специфике, в ущерб общим моментам, характеризующим язык как общественное явление. Дело в том, что генетическое и типологическое многообразие человеческой речи не исключает, а, наоборот, подтверждает положение о том, что язык, принадлежа к явлениям, характеризующим человеческое общество на всех этапах его развития, несомненно, менял свою роль в жизни общества и изменял свою структуру на разных этапах развития общества, даже продолжая формально генетическую линию развития. К языку на разных этапах развития человечества нельзя подходить с одной меркой, и те языковые явления, которые на одном этапе могут быть объяснены как явления, вызванные внешним воздействием, на другом — должны быть объяснены как результат внутреннего развития языка, и наоборот. Типологический момент, связанный с познавательной функцией языка, на ранних ступенях его развития играет более важную роль, чем генетический, являющийся результатом коммуникативной функции речи и приобретающий все большее значение по мере сложения языков мелких первобытных обществ в системы, допускающие взаимное понимание соседних обществ, независимо от того, как происходил этот процесс — путем ли взаимного сближения нескольких соседних языков примитивных обществ, или путем вытеснения одним языком других. Это более характерно для последующих эпох классового общества.

⁴⁴ Иранский характер этих верований всемерно подчеркивают в своих работах современные курдские ученые, см. хотя бы: *Quatre prières authentiques des kurdes Yezidis*. Серия Qiteb-Xana Haware. Дамаск, № 5, s. a. См. также монографии Р. Несми о курдах: *کرد بڤلم رشيد ڤاسمی* изд. 2-е. Тегеран, s. a. и С. А. Хасани о езидях: *السيد عبد الزواق الحسني اليزيديون في حضرةهم وماضيهم* Сайда, 1953.

⁴⁵ С. А. Х а с а н и, ук. соч., стр. 41; см. также А. М а р р и, опубликовавшего свещенные книги езидов (Anastase Marie. *La Decouverte recente des deux Livre Sacrés des Jezidis*. *Anthropos*, VI, Vienne, 1911). В работе С. А. Хасани на стр. 34—35 приводится основная литература; см. также: Th. Bois. *Les Yezidis*. *Al-Machriq*; Beyrouth, 1961, I—II et III—IV.

⁴⁶ Ф. Э н г е л ь с. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 54—55. Ниже нам придется еще неоднократно возвращаться к чрезвычайно важному положению Ф. Энгельса о том, что именно скотоводческим племенам принадлежит приоритет в изобретении рабства: «Семья размножалась не так быстро, как скот. Для надзора за скотом требовалось теперь больше людей; для этой цели можно было воспользоваться военнопленным врагом, который к тому же мог размножаться, как тот же скот». Этот взгляд на поработенного человека, как на скот, кошение скотоводческие племена пронесли через всю историю, сохраняя даже тогда, когда сама рабовладельческая формация уже изжила себя и уступила место феодализму, закрепощавшему не человека вообще, а земледельца, работающего на полях землевладельца. Так называемый «кочевой феодализм», связанный, как правило, с крупными нашествиями варварских племен кочевников на районы культурного земледелия, тем-то как раз и характерен, что он пытается внести социальные принципы рабовладения в структуру более или менее развитого феодального общества. Лишь по мере вrastания кочевников — в первую очередь их родоплеменной верхушки — в феодальную систему покоренного ими народа феодальные отношения сменяют стихийную тенденцию к развитию рабовладельческих отношений и охватывают само общество покорителей-кочевников. Очень хорошо эта сторона восточного средневековья с его почти непрерывными нашествиями кочевных орд на культурные районы освещена в монографии Н. П. Петрушевского «Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков» (М., 1960). Эту большую близость кочевника к рабовладению, а оседлого — к феодализму нам неоднократно придется констатировать для интересующего нас района, где так тесно переплелись между собой общества кочевников-скотоводов и оседлых земледельцев. При этом следует всегда строго ограничивать тенденции в развитии того или иного вида общества

от возможностей, что, конечно, далеко не одно и то же. Практически и рабовладение, и феодализм получили возможность развиваться не у кочевников, а у оседлых.

⁴⁷ Всемирная История, т. I, стр. 195.

⁴⁸ Опираясь на материалы раскопок из различных пунктов Ирана и Северного Ирака, Н. М. Дьяконов относит возникновение рабства в интересующих нас районах к несколько более позднему времени — началу II тысячелетия до н. э., когда здесь полностью было освоено производство бронзы, а «в недрах еще первобытно-общинного строя все чаще начинают иметь место случаи эксплуатации рабов. Захват иноземцев был частым явлением, еще начиная со времени кутийских завоеваний» (История Мидии, стр. 120). По-видимому, следует различать повсеместное применение рабов большинством населения, находившимся на разных уровнях родового строя, о чем свидетельствуют приводимые Н. М. Дьяконовым факты, от применения его только частью, наиболее развитых племен. Картина, рисуемая Н. М. Дьяконовым, наблюдается у народов, сохраняющих родоплеменное деление, не только в древности, но и на протяжении всего средневековья. Домашнее рабство, возникнув значительно ранее рабовладения как общественно-экономической формации, переживает его, сохраняясь рудиментарно вплоть до наших дней.

⁴⁹ Всемирная история, т. I, стр. 210.

⁵⁰ Саргон — по-аккадски «Шаррукин», в переводе значит «истинный царь». Не подлежит сомнению, что это не собственное имя Саргона, а имя, которое он присвоил себе, став царем. Это обстоятельство опять же является аргументом в пользу низкого происхождения Саргона, а стало быть в пользу истинности в своем основном зерне мифической легенды о его происхождении.

⁵¹ Всемирная История, т. I, стр. 211. Быть может, уже в это время начинает складываться традиция, характерная для населения Северной Месопотамии на всем дальнейшем протяжении истории: оказывать упорное сопротивление любой попытке иноземцев проникнуть на территорию их родины. Если бы не опасность объединения под общей терминологией столь различных по своей природе явлений, как экспансия рабовладельческих обществ в варварскую периферию и колониальная экспансия империалистов, можно было бы говорить об «империалистических», «колониальных» тенденциях грабительских походов рабовладельческих государств Двуречья в Северную Месопотамию. «Колониальная политика и империализм», — писал В. И. Ленин, — существовали и до новейшей ступени капитализма и даже до капитализма. Рим, основанный на рабстве, вел колониальную политику и осуществлял империализм. Но «общие» рассуждения об империализме, забывающие или отодвигающие на задний план коренную разницу общественно-экономических формаций, превращаются неизбежно в пустейшие банальности или бахвальство, вроде сравнения «великого Рима с великой Британией». Даже капиталистическая колониальная политика *прежних* стадий капитализма существенно отличается от колониальной политики финансового капитала» (В. И. Ленин и н. Сочинения, изд. 4, т. 22, стр. 247).

⁵² К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1953, стр. 344. Именно в этой связи — по поводу воздействия торговли на существующий способ производства — К. Маркс и говорит о том, что «в зависимости от исходного пункта», развитие торговли приводит в античном мире «только к превращению патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных жизненных средств, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости», а в современном мире — к капиталистическому способу производства (там же). Мысль эта перекликается с приводившимися выше замечаниями Ф. Энгельса по поводу зарождения и развития рабства (см. прим. 46) и помогает уяснить подчеркивавшиеся нами в этой связи различие в развитии рабовладения у кочевников и оседлых. К числу прочих факторов, обуславливающих это различие, нужно отнести и играющее далеко не последнюю роль различие в формах торговых связей между кочевниками и оседлыми (т. е. то различие, которое было вызвано первым крупным общественным разделением труда, породившим эти связи) и между характерным уже не столько для кочевого, сколько для оседлого общества различием между земледелием и ремеслом. Первое из этих различий всегда в конечном счете обуславливает характер торговых связей между кочевниками и оседлыми, в то время как торговые связи между разными группами оседлого населения в конечном счете обусловлены вторым различием. К. Маркс так и пишет: «Такова природа дела, что, как только городская промышленность как таковая отделяется от земледельческой, ее продукты с самого начала являются товарами, и следовательно для их продажи требуется посредничество торговли. Связь торговли с городским развитием и, с другой стороны, обусловленность последнего торговлею понятны таким образом сами собой. ... С другой стороны, в прямую противоположность городскому развитию и его условиям торговый дух и развитие торгового капитала часто свойственны как раз неоседлым, кочевым народам» (там же).

С точки зрения К. Маркса, торговля была тем ферментом, который способствовал разложению первобытной общины: «Обмен товаров», — говорит К. Маркс, — начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин. Но раз вещи превратились в товары во внешних отношениях, то путем обратного действия они становятся товарами и внутри общины» (Капи-

тал. т. I. Госполитиздат, 1950, стр. 94—95). Это замечание К. Маркса, помогающее раскрыть природу взаимоотношений между жившими родовым строем племенами горных районов Северной Месопотамии и рабовладельческими обществами Двуречья, поможет нам также в дальнейшем понять сложный и запутанный процесс развития феодальных, а затем и капиталистических отношений у кочевников, сохраняющих родоплеменную структуру, маскирующую внешне «патриархальными» формами все эти сложные и мало заметные с первого взгляда процессы. В связи с вышесказанным хочется отметить, что вряд ли можно рассматривать приведенную характеристику рабовладения, данную К. Марксом, как абсолютную дефиницию, не делая необходимых оговорок, в какой связи давал ее К. Маркс, как это сделано в редакционной статье «К обсуждению проблемы истории производителей материальных благ в древнем мире» (Вестник древней истории, 1952, № 3, стр. 5).

⁵³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 166.

⁵⁴ В. В. Струве. Лагерь военнопленных женщин в Шумере конца III тысячелетия до н. э.

⁵⁵ «Наряду с семитическими именами, здесь имеется ряд, несомненно, шумерийского происхождения, а также некоторое количество имен, которые прежде считались «митаннийскими», а в настоящее время называются «хуррийскими» (В. Струве. Лагерь военнопленных женщин..., стр. 13). Несомненно, следует учесть, что многие из рабов, а в особенности из рабынь, понав в полон, волей или неволей изменяли свои имена на более понятные порабощенным.

⁵⁶ В. В. Струве, ук. соч., стр. 22.

⁵⁷ «...В рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в *сословном* делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми *сословиями*. Напротив, в капиталистическом, буржуазном обществе юридически все граждане равноправны, сословные деления уничтожены (по крайней мере в принципе), и потому классы перестали быть *сословиями*. Деление общества на классы общее и рабскому, и феодальному, и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия, а в последнем классы *бессословные*» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 6., стр. 97, прим.). Это замечание В. И. Ленина вскрывает одну из основных причин того, что рабские движения никогда не могли быть «революцией рабов»: широкие народные движения могли привести к упразднению сословий, а не к замене одних сословий другими.

⁵⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 215. Не лишне напомнить, что В. И. Ленин, разбирая рассуждения Каутского о «демократии вообще», подчеркивал то обстоятельство, что диктатура рабовладельцев, направленная против стремления рабов отстаивать свои человеческие права, была бесспорно антидемократическим актом по отношению к рабам, ни в какой степени не умаляя демократии среди рабовладельцев.

⁵⁹ «Как известно, рабы, не имея собственной классовой идеологии и своей революционной программы, ориентируются обычно в своей борьбе на „варварскую“ периферию рабовладельческих обществ и ставят в таком случае себе идеалом возвращение к бесклассовому обществу первобытно-общинной формации», — пишет И. М. Дьяконов, смешивая несколько совершенно разных вопросов. То, что рабы в своих движениях ориентируются на близкую им варварскую периферию, а в особенности то, что они ставят себе идеалом возвращение к доклассовому обществу, является неоспоримым доказательством наличия у рабов своей классовой идеологии, нашедшей, кстати, свое отражение в многочисленных философских и религиозных учениях древности, вплоть до раннего христианства. Другое дело, что эта идеология не может найти своего выражения в политических требованиях рабов, не может привести к «революции рабов», поскольку рабы в своих политических требованиях стоят перед альтернативой — либо возврат к первобытно-общинным формам доклассового общества, к социальным нормам, которые продолжали бытовать среди большинства народных масс, либо дальнейшее развитие классового рабовладельческого общества и превращение (в идеале) самих рабов в рабовладельцев, т. е. отход от идеалов и чаяний народных масс. Третьего пути не было и не могло быть. Вот почему рабовладельческий строй, как и феодальный, никогда не устанавливался революционным путем. Вот почему, хотя история рабства знает на многие десятилетия тинущие войны за освобождение от рабства» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 444), «рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 449). Прогрессивность движений рабов, как и крестьянских движений средневековья, не в том, конечно, что они способствовали возникновению и развитию более высоких форм общества, чем то, против которого они боролись. Такие формы общества тогда возникнуть не могли хотя бы потому, что антирабовладельческие движения рабов, как правило, бывали особенно сильны в периоды становления и укрепления рабовладельческого строя, т. е. тогда, когда этот строй был на подъеме, в то время как хо-

рошо известно, что всякая революция сама по себе означает весьма глубокий политический и экономический кризис (В. И. Ленин. Сочинения, т. 30, стр. 317). Прогрессивность этих движений, бунтов, восстаний в другом — это была борьба эксплуатируемых против эксплуататоров, это была гражданская война, ставившая своей целью разрушение вредных, тяжелых для народа институтов и организаций. «...Только в гражданской войне, — писал В. И. Ленин, — угнетенный класс направляет усилия к тому, чтобы уничтожить угнетающий класс до конца, уничтожить экономические условия существования этого класса» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 341). Исходя из этого, В. И. Ленин писал: «...Мы вполне признаем законность, прогрессивность и необходимость гражданских войн, т. е. войн угнетенного класса против угнетающего, рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против помещиков, наемных рабочих против буржуазии» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 271). Думать, что народные массы могли при каких-либо обстоятельствах поддерживать рабовладельческий строй, потому что он был объективно прогрессивным и обеспечивал значительный рост производительных сил (Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. III, прим. 4) — по меньшей мере наивно. Народным массам рабовладельческий строй всегда нес только усиление эксплуатации, и ничего, кроме ненависти к эксплуататорам, у них не вызывал. Если в дошедших до нас источниках, в том числе и легендарных, Саргон рисуется «человеком из народа» (Н. М. Дьяконов. История Мидии, прим. 4), то отнюдь не потому, что Саргона «поддерживали» народные массы, которые, кстати, и не были творцами легенд и преданий о Саргоне, а потому, что это так и было на самом деле. Отношение же к Саргону народных масс определяется не легендами о нем, а неоднократными восстаниями против правления Саргона.

⁶⁰ «Наличие масс рабов и поденщиков явилось серьезной опасностью для богатого рабовладельческого Аккада. Военственные племена гор на востоке и степей на западе давно уже видели в Аккаде желанную добычу. Среди рабов было много представителей этих племен. В нашествии своих свободных соплеменников рабы видели путь к избавлению от рабства». — пишут авторы «Всемирной Истории» (т. I, стр. 214), опираясь в основном на то, что «в жреческих песнопениях позднейшего времени все еще звучала скорбь о разрушениях, причиненных этим вторжением горцев». Конечно, с точки зрения господствующего класса Аккада, деятельность горных племен отнюдь не была положительным явлением и подвергалась всяческому очернению. Весьма возможно, что и «военственные племена», так сказать, не положили охулки на руку, погнав в Аккад; но с точки зрения этих племен, то было лишь восстановление справедливости, лишь хотя бы частное возмещение того грабежа, который перманентно вели на их территории войска рабовладельческих государств Двуречья.

⁶¹ Всемирная История, т. I, стр. 214; Н. М. Дьяконов приводит этот же текст в другой редакции.

⁶² Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 110—111.

⁶³ В. К. Шилейко. Вотивные надписи шумерийских правителей. Нгр., 1916.

⁶⁴ Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 113.

⁶⁵ Кутии разрушили города Аккад, Акиак, Хурсагвалама, Дер, Нишпур, Адаб, Урук, Ларак, а также многие храмы и храмовые хозяйства. Об этом, в частности, рассказывает полный ненависти к завоевателям «плач», посвященный разрушениям, причиненным кутийским вторжением. Содержание его приводится в: «Cambridge Ancient History», Cambridge, 1924, t. I, стр. 424).

⁶⁶ Всемирная История, т. I, стр. 214. То обстоятельство, что несомненно имевшее место в период кутийского завоевания ослабление рабовладения в Двуречье, по-видимому, меньше расстроило экономику страны, чем разорение завоевателями городов, а также то, что Двуречье смогло сравнительно быстро оправиться от последствий кутийского нашествия и выплачивать кутиям довольно значительную дань, является, как мне кажется, косвенным свидетельством того, что рабовладельческий строй еще только находился в становлении и что экономические выгоды от него еще не были столь велики. Грабеж соседнего населения, тяжелая дань с покоренных народов в такой же, пожалуй, мере служили источником дохода рабовладельческой знати Двуречья, как и кутийской родоплеменной знати. Общего между двумя этими группами было, по-видимому, больше, нежели специфического, порождаемого различиями социального строя их общества. Тем более, что рабовладение в качестве уклада уже существовало в то время в Северной Месопотамии и прилегающих к ней районах, а родоплеменные нормы еще не изжили себя полностью в рабовладельческом Двуречье. Когда «плач» по поводу причиненных нашествием кутиев бедствий, отражающий, бесспорно, точку зрения рабовладельческой знати, называет страну кутиев «обиталищем чумы» и жалуется на тяжесть кутийского ига, это свидетельствует лишь о том, что рабовладельческой знати в период кутийского нашествия жилось хуже, чем до него. Распространить это на все население Двуречья, как делает Н. М. Дьяконов (Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 112), у нас нет оснований.

⁶⁷ Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 114. Следует все же оговорить, что, как видно из предыдущего примечания, к вопросу о срастании кутийской племенной знати с рабовладельческой знатью Двуречья надо относиться с некоторой осторожностью, хотя бы ввиду той ненависти, которую рабовладельцы Двуречья питали

к кутиям. Кутийская племенная знать хотела стать господствующей верхушкой рабовладельческого Двуречья, и в этом ей, возможно, помогали «прокутийские» элементы вроде Гудеа, находившиеся, по-видимому, в оппозиции к правителям Аккада. Однако в целом рабовладельческая знать Двуречья сопротивлялась этому стремлению кутийской знати и в конце концов добилась свержения кутийского ига. Следовательно, о «срастании» этих групп говорить как будто преждевременно. Вопрос же о том, как сказалось кутийское завоевание Двуречья на самих кутийских племенах, сводится, конечно, не только и не столько к вопросу о развитии рабовладения в Северной Месопотамии и прилегающих районах в результате кутийского завоевания. Как об этом придется говорить ниже, после разгрома кутиев в Двуречье, как и следовало ожидать, группировка кутийских племен распалась.

⁶⁸ В. К. Шлейко. Вотивные надписи шумерийских правителей, стр. XXIX и след.

⁶⁹ И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 108, прим. 4.

⁷⁰ И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 106 и след.

⁷¹ И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 108.

⁷² Th. Jacobsen. The Sumerian King List. Chicago, 1939, стр. 117.

⁷³ И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 105.

⁷⁴ И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 105. Неоднократно возвращаясь на протяжении своей монографии к проблеме содержания термина «кутии» в различных исторических памятниках древнего мира, И. М. Дьяконов с большой тщательностью анализирует оттенки, вкладываемые различными авторами в разные эпохи и в разных условиях в содержание этого весьма емкого и гибкого термина. К приводимому И. М. Дьяконовым большому количеству разнообразных фактов и к их всегда интересному истолкованию следует добавить лишь одно весьма немаловажное соображение: все эти факты относятся к событиям, происходившим в течение довольно длительного времени в горах, где, как правило, вплоть до сегодняшнего дня сохраняется большая этническая и языковая дробность. В горной части Малой Азии, как и на Кавказе и в большинстве других горных местностей, горный хребет зачастую служит границей между народами, племенами и языками, изолированное ущелье сплошь и рядом обладает своим «самобытным» народом, своим языком, своим религиозным культом и т. д. Надо также учитывать, что для интересующей нас эпохи самые «крупные» племена и даже группы родственных племен вряд ли превышали по численности нескольких тысяч или даже сот человек. Такова же, по-видимому, была и численность кутиев. О том, насколько различны бывают племена, входящие в общую конфедерацию, так же как и о том, насколько такие племена сохраняют свои различия, вплоть до языковых, дает достаточное представление союз племен Хамсе на юге Ирана, состоящий из двух тюркских, двух лурских и одного арабского племени и существующий уже несколько столетий.

⁷⁵ И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 221, а также стр. 212.

⁷⁶ «Основная масса мидий состояла из кутийских, эламоязычных — вообще «каспийских» племен, перенявших лишь язык индоевропейских пришельцев, а полной смены населения не было», — пишет И. М. Дьяконов (История Мидии, стр. 148).

Суди по тому, что термин «кутиум» («кутии») применялся также в течение I тысячелетия до н. э. не только к мидянам, но и к маннейцам-урарийцам и даже к персам (И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 287), можно предположить, что племена кутийской конфедерации входили в состав многих народов.

⁷⁷ Родоплеменная структура удивительно консервативна. Пройдут тысячелетия, кардинально изменится сама природа общественного строя, прикрываемого пережиточно сохраняемой родоплеменной структурой, а принципы объединения племен в крупные конфедерации останутся почти неизменными. В этом смысле, с точки зрения внешних форм образования, роста и распада родоплеменных объединений, история кутиев и созданного ими межплеменного союза до мелочей напоминает историю племени мукри и образовании им союза племен мукри из бильбасов и других неродственных мукринцам племен (см.: О. Вильчевский. Мукринские курды, стр. 181 и след.). Те же мукринцы дают нам прекрасный пример того, как племя, постепенно вставая в экономическую и социальную жизнь покоренного им района, несмотря на рост благосостояния, теряет авторитет среди других племен конфедерации, в результате чего главенство переходит к другому племени.

⁷⁸ Стоит внимательно изучить списки курдских племен, чтобы убедиться, что многие из игравших в прошлом крупную роль племен в настоящее время — всего лишь мелкие роды и кланы сравнительно молодых, но более сильных племен. Такова, например, судьба племени зенд, ныне являющегося мелким кланом входящего в состав союза племен Мукри племени гурук (А. Зекки. История курдов и Курдистана, т. I. Каир, 1936, стр. 447 — на арабском языке).

⁷⁹ А. Заки. История курдов и Курдистана, т. II, Каир, 1945, стр. 3—4.

⁸⁰ E. A. Speiser. Mesopotamian origins. Philadelphia, 1930. Цитирую по: В. Nikitin e. Les Kurdes, étude sociologique et historique. Paris, 1956, стр. 8 прим. 2. См. также мнение Шнейзера о языках населения горных районов к Западу от Загроса, приводимое Г. Чайлдом (ук. соч., стр. 38—39).

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 164—165. Об особенностях развития форм кочевого и полукочевого скотоводства в сочетании с другими видами хозяйственно-бытового уклада народов Приаралья — земледелием, рыболовством и формами городской жизни — см.: С. П. Толстов. Горда гузов (Историко-этнографические этюды). СЭ, 1947, № 3.

² Вопрос о различии между равнинным, «горизонтальным» кочеванием и кочеванием горным, «вертикальным» освещен на широком материале ряда малоазийских народов, в первую очередь курдов, в интересной статье французского курдоведа: P. R o n d o t. Les tributs montagnards de l'Asie Antérieure. Bulletin d'Institut français de Damas, VI, 1936; там же приводится и основная литература по этой теме. Наглядное представление о соотношении летовий и зимовий при горном кочевании дает карта профили культурно-географических зон Армении, приведенная в книге: B. N i k i t i n e. Les Kurdes, стр. 64, где она воспроизводится по оставшейся для меня недоступной работе: H. C h r i t o f f. Kurden und Armenien. S. I, 1935. О характере и протяженности маршрутов при горном кочевании можно составить себе некоторое представление по карте кочевков Фарса в работе: G. D e m o r g n y. Les tributs de Fars. Revue du Monde Musulman. Paris, vol. XXII et XXIII, mars et juin, 1913. Много интересных подробностей о характере и особенностях горного кочевания содержится в посвященных хозяйственной жизни скотоводческих племен и народов статей в «Материалах по исследованию экономического быта крестьян Закавказского края» (Тифлис, 1882) и в основанном на этих материалах «Своде». Очень наглядные — в вертикальном и горизонтальном разрезе — схемы маршрутов горного кочевания кочевников, а также передвижения кочевков оседлого населения при отгонном скотоводстве в горных местностях приводятся в недавно опубликованной работе: Wolf-Dieter H ü t t e r o t h. Bergnomaden und Yaylabauern im mittleren Kurdischen Taurus. Marburger Geographische Schriften, Heft 11, Marburg, 1959, стр. 84, 119, 120. К работе приложена подробная карта (1:200 000) маршрутов передвижений кочевников и выпасающих скот на горных пастбищах оседлых в малоисследованном районе центральной части Курдистанского Тавра, т. е. между Тигром выше впадения в него Хабуря около Джебзире и южном побережьем Ванского озера. Основной маршрут движения кочевников идет от Джебзире на север через Ширнак по горным перевалам к левому берегу Бохан-су, совпадая, таким образом, в целом с маршрутом перехода десяти тысяч греков через страну кардухов, описанным Ксенофонтом. См. о нем стр. 58 и след.

³ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э. Л., 1949, стр. 73.

⁴ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. . . , стр. 33.

⁵ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. . . , стр. 40. Отмечая, что интенсивное развитие скотоводства в энеолитический период имело большое значение для дальнейшего роста культуры, так как увеличение стада в условиях этой эпохи легче могло дать прибавочный продукт, чем земледелие, Б. Б. Пиотровский вместе с тем считает, что численному росту поголовья скота и усилению его роли в хозяйстве сопутствует также и качественное изменение поголовья в сторону увеличения мелкого рогатого скота. По мнению Б. Б. Пиотровского, «это изменение состава стада было, по-видимому, связано с изменением самой формы скотоводства, которое начало постепенно принимать полукочевой характер. Пастбища на территории поселения и поблизости от него не могли уже удовлетворить кормовую потребность, и скот приходилось угонять на пастбища, удаленные от места жительства. Естественно, что эта форма скотоводства связана с численным увеличением менее прихотливого и легче передвигающегося мелкого скота, а также с появлением собаки».

⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 171. Для уяснения характера противоречий между стоящими на различной ступени производства племенами, а также внутри племен в результате различий в размере прибавочного продукта при разных формах производства (что и в первом, и во втором случаях приводило к регулярному обмену) существенно то, что Ф. Энгельс видит в них «тенденции к образованию классов» (там же).

⁷ Ср., например, данные о количестве скота в небольшой области Эрпах к северу от Алагеза в VIII в. до н. э., приводимые Б. Б. Пиотровским (Археология Закавказья. . . , стр. 75), или утверждение Н. Б. Яковской о том, что «в Арпахе, так же как и в Ассирии, важнейшей отраслью хозяйства, наряду с земледелием, было скотоводство» (Н. Б. Я к о в с к а я. Хурритская Арпах. Вестник Древнего Мира, 1957, № 1, стр. 21). Эта характеристика хозяйства явно рабовладельческого хурритского общества, существовавшего на территории внешнего Керкука, основана на большом количестве данных из документов архива Арпах.

⁸ Роли торговли в разрушении существующих форм общественной и хозяйственной жизни мы касались в предыдущей главе (см. выше, стр. 122 прим. 52).

⁹ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. . . , стр. 43.

¹⁰ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. . . , стр. 43.

¹¹ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. . . , стр. 72, 73.

¹² См. по этому поводу хотя бы: О. Вильчевский. Мукринские курды, стр. 215—216. Попутно стоит отметить, что культ священных деревьев у курдов часто сочетается с пережитками, несомненно отражающими черты бывших охотников. В этом отношении до сих пор еще ждет своего исследователя одно из интереснейших произведений курдского народного творчества — «Поэма о Сиабанде и золотокудлой Хадже»; в основе этой поэмы лежит характерное для охотников представление о том, что женщина, принимая участие в охоте, приносит несчастье. Курдский текст поэмы см.: П. Сьнді, Е. Евдаль. Folkloro Kurmanca. Jerevan, 1936.

¹³ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. . . , стр. 92—93. Мнение Б. Б. Пиотровского о том, что усиление охоты в эпоху бронзы имеет вторичный характер, легко согласуется с предложенной мной интерпретацией, связывающей усиление охоты с переходом племен охотников-собирателей к скотоводству. Соображения Б. Б. Пиотровского о большой роли охоты при отгонном скотоводстве кажутся мне надуманными; достаточно сослаться хотя бы на то, что в Мукринском Курдистане, где охота является до сих пор настолько важным видом местного промысла, что ее продукты экспортируются за границу, охотничий промысел распространен среди оседлого населения и у лесных нескотоводческих племен, а кочевники охотой не занимаются, если не считать связанной с оседлым населением племенной знати, среди которой развита соколиная охота.

¹⁴ Одним из косвенных доказательств правильности этого может служить тот факт, что у многих курдских племен, в том числе и у ведущих уже оседлый образ жизни, обычно на зиму запасают для скота не сено, а древесные ветви с листьями. См.: О. Вильчевский. Мукринские курды, стр. 187.

¹⁵ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. . . , стр. 78.

¹⁶ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. . . , стр. 51. В своем экскурсе о появлении и развитии коневодства в горных районах Малой Азии и Западного Ирана, И. М. Дьяконов, ссылаясь на эти слова Б. Б. Пиотровского, полагает, что развитие коневодства происходило здесь во II тысячелетии до н. э. «В дальнейшем, — как считает И. М. Дьяконов, — оно сделало возможным большую подвижность для пастушеских племен, а впоследствии и переход их общества в некоторых областях к чисто кочевому скотоводству с миграциями отдельных племенных групп кочевников» (И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 123). То, что в горных областях в более позднее время появляются чисто кочевые племена, обладающие стадами транспортных и верховых животных и способные к миграциям, — это бесспорно, но столь же бесспорно, что эти племена не могли быть автохтонными племенами горных районов, где лошади и другие транспортные и верховые животные имели ограниченное применение для связи летовий с зимовьями, т. е. на расстоянии нескольких десятков километров, и почти не применялись для транспортировки летних жилищ, которые у автохтонных горных племен детализировались в виде шалашей из ветвей, камней и другого подручного материала. Не лишне напомнить, что горцы, как правило, лучшие пешеходы, чем всадники, и лошадей, как и прочие породы крупного скота, они, даже используя в своем хозяйстве, предпочитают не разводить сами, а приобретать у населения долин, где именно, начиная со II тысячелетия до н. э., начинает успешно развиваться коневодство, но опять-таки, как мы увидим ниже, под влиянием тех же внешних причин, которые привели к появлению в горных районах чисто пастушеских племен. Независимо от того, когда и откуда проникла лошадь в горные районы Малой Азии, отметим, что в настоящее время чем ближе к равнине, чем дальше от гор, тем больше ощущается примесь арабской крови у горных пород лошадей. В целом же вопрос, поднятый И. М. Дьяконовым, вряд ли может быть удовлетворительно разрешен только на основании размеров изображаемых на древних рисунках животных и пока еще недостаточно достоверных в части их филологического и лингвистического анализа терминов ряда языков древности. В частности, можно указать на приводимые В. П. Никитиным (Les Kurdes, стр. 252—254) соображения польского ученого Я. Пжедлусского о культе осла у курдов и о связи терминов, обозначающих осла в курдском, с рядом аналогичных терминов в индийских языках, причем фонетически эти термины близки к приводимому И. М. Дьяконовым материалу из малоазиатских языков древности. Так же как и в отношении других домашних животных, в частности овцы и горбатого быка, родящихся горные районы Малой Азии и с Индией, и с Средней Азией, и с Аравийским полуостровом, проблема происхождения лошади в этом районе вряд ли может получить удовлетворительное разрешение без привлечения сравнительно-генетических материалов, которые, кстати, как будто говорят о среднеазиатском происхождении не только горной лошади Малой Азии, Ирана и Кавказа, но и арабской лошади.

В этом плане не лишне интереса сообщение Б. Б. Пиотровского о том, что С. К. Далем при изучении зубов осла урартского времени обнаружены признаки, характерные для кулана (Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, стр. 157), а также то, что в погребениях вождей закавказских племен наряду с костями низкорослых пород крупного рогатого скота, издревле разводившихся в Закавказье, обнаружены кости весьма крупного рогатого скота, близкого к диному туру (там же, стр. 148—149).

¹⁷ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. . . , стр. 75.
¹⁸ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. . . , стр. 53.
¹⁹ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. . . , стр. 55—56.
²⁰ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. . . , стр. 52—53.
²¹ Мы слишком удалились бы от нашей темы, если бы попытались даже в самых общих чертах привлечь сравнительный этнографический материал, говорящий о том, как прочно связаны горные формы отгонного скотоводства с земледелием. Интересный материал этого порядка приводится в статье: В. Карпов. Гилыки Мазандерана. Советская Этнография, 1940, № 1.

Много таких же данных найдем мы в статье Н. Тардова «Основные черты производственных отношений у племен Персии» (Материалы по национально-колониальным проблемам, 1933, № 3—9), а также в работах С. А. Егиазарова, посвященных социальному строю и экономике курдского общества.

²² Б. А. Тураев. История Древнего Востока, изд. 2-е, под ред. В. В. Струве, т. I. Л., 1936, стр. 62. «Вопрос об этих национальностях, игравших роль в создании древневосточных культур, об их происхождении и взаимодействии, имеет основное значение для уразумения судеб этих культур», — совершенно справедливо замечает Б. А. Тураев. К сожалению, однако, главное внимание при этом обращалось на высоко-развитые культуры оседлых народов Древнего Востока, а культуры обитавших здесь же кочевых племен оставались, как правило, в тени или же подчеркивалось их бескультурье с целью еще более оттенить высоту оседлых культур, подчас разрушавшихся кочевниками.

²³ Б. А. Тураев. История Древнего Востока, т. I, стр. 64.

²⁴ Всемирная История, т. I, стр. 300.

²⁵ Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 122. По словам Н. М. Дьяконова, активизация касситов и проникновение возникших в их среде новых мощных племенных образований в долину р. Диалы большинством исследователей ставится в связь с появлением у них лошади в качестве транспортного животного. Существенно также замечание Н. М. Дьяконова, что уже в конце III тысячелетия до н. э. по долине р. Диалы проходил путь, соединявший Двуречье с областями индийской культуры Мохенджо-Даро и Харанцы (там же, стр. 118).

²⁶ Boghazköi-Studien, III.

²⁷ Н. Б. Янковская. Хурритская Арранха.

²⁸ «По-видимому, в начале II тысячелетия до н. э. в связи с одомашниванием лошади и применением ее для колесницы индо-иранские народы начинают довольно быстро распространяться из мест своего первоначального обитания. Этими местами следует признать уже для того времени Среднюю Азию. Надо предположить, что первыми двинулись индийские племена, отдельные ответвления которых понали затем в Иран и оттуда в Переднюю Азию, основная же масса — в северо-западную Индию. Но это означает, что носители индийского языка должны были на своих колесницах спуститься в равнины Месопотамии по долинам Малого Заба и Диалы», — пишет Н. М. Дьяконов, давая обстоятельную сводку воззрений современной науки на данный вопрос (Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 124—125). С мнением Н. М. Дьяконова об отсутствии документальных данных по этому вопросу нельзя не согласиться; однако с его отрицательным отношением к возможности передвижения индо-иранских племен через Кавказ согласиться труднее, так как иначе трудно было бы объяснить появление в Малой Азии несийских и других индоевропейских по языку племен.

²⁹ См. ниже, стр. 159 прим. 34.

³⁰ О. Л. Вильчевский. Марр и курдоведение. Язык и мышление, VIII, 1937.

³¹ П. Терх. Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеев, кн. I—III. СПб., 1856—1858. О том, насколько долго держалась в науке абсолютно беспочвенная гипотеза о «белокурых и голубоглазых арийцах», покоривших на заре истории семитические и прочие явно «неполющенные» народы Ближнего Востока, можно судить уже по тому, что еще в 1935 г. Шнейзеру пришлось всерьез опровергать бытовавшую в западной науке легенду об «арийском» происхождении кутиев, основанную на том, что в аккадских документах в числе рабов упоминаются «светлые кутии» (цит. по: Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 118, прим. 6).

³² F. Justi. Kurdische Grammatik. СПб., 1880, стр. IV.

³³ J. de Morgan. Mission scientifique en Perse.

³⁴ Н. Д. Андреев. Периодизация истории индоевропейского праязыка. Вопросы языкознания, 1957, № 2, стр. 18. Эта статья дает ясное представление о методе внутренней реконструкции, предполагающем спонтанное развитие индоевропейского праязыка в качестве имманентного свойства каждого из индоевропейских языков за все время их существования. Так, автор, например, глубоко убежден в том, что «первый германский перебой был лишь одной из разновидностей третьего индоевропейского» (там же, стр. 8, прим. 1).

³⁵ Всемирная История, т. I, стр. 325.

³⁶ Весьма характерно, например, что при разгроме ассирийцами Хурритской Арранхи дворцовые рабы и пастухи, принадлежавшие, по-видимому, к местному насе-

лению, и бежавшие от ассирийцев, были пойманы, как сообщают архивные документы, в лесу (Н. Б. Я н к о в с к а я. Хурритская Арпахха, стр. 21).

³⁷ В. П. Никитин посвящает в своей работе специальный раздел этому чрезвычайно интересному, но до сих пор еще мало исследованному вопросу, давая довольно подробную сводку тех любопытных материалов, которые были опубликованы в работах Х. Христоффа, О. Банзе, А. Социна, П. Ролдо и др. (Les Kurdes, стр. 66—67). Особый интерес представляет составленная по Банзе карта соприкосновения курдов и бедуинов в Северной Месопотамии (там же, карта № 7).

³⁸ В. Nikitine. Les Kurdes, стр. 89—90; О. Вильчевский. Мукринские курды, стр. 194—196. К. Г. Фейльберг в своей монографии о типах шатров кочевников (C. G. Feilberg. La tente noire) произвольно привнял за общераспространенный тип курдского шатра далеко не типичный шатер главарей одного из мукринских племен, рисунок и план которого был в свое время опубликован Й. де Морганом. Это привело Фейльберга к совершенно неправильным выводам о характере курдского шатра. Как отмечает В. П. Никитин (ук. соч., стр. 90), курдский двускатный шатер из черной козьей шерсти служит в отличие от войлочной юрты тюркских кочевников только летним жилищем, зимой же кочевые курды живут в землянках различного типа. Только племена бывших охотников-собирателей еще сохраняют примитивные шалаши из ветвей (см.: О. Вильчевский. Мукринские курды, стр. 194).

³⁹ См. описание лурского шатра у Фейльберга в его монографии и в его прекрасной работе о лурском племени нани.

⁴⁰ А. З а к и. История курдов и Курдистана, т. II, стр. 2 и след.

К главе третьей

¹ Б. А. Тураев. История Древнего Востока, т. I, стр. 311. В этом же плаве нелишне отметить столь характерную для пастушеских племен развитую детализацию различных случаев кражи скота в хеттских законах в отличие от явно сельскохозяйственного кодекса Хаммурапи (Всемирная история, т. I, стр. 373), а также не только генетическую, но и семантическую близость несийского термина для раба *аппантес* ('схваченный, связанный') с иранским *бандак*, причем оба эти термина обозначают военнопленного, обращенного в рабство, в противоположность употребляемому в хеттских документах шумерского *нам-ра*, обозначающему раба как социальную категорию и по своему значению полностью совпадающему с иранским *аншахрик*. Появление этой второй пары терминов как у хеттов, так и у иранцев может иметь только одно объяснение: при военных столкновениях между племенами, обладающими племенными ополчениями, в состав которых входили все способные носить оружие, т. е. все работоспособные члены племени, термины «военнопленный» и «раб» совпадали, в классовом же обществе, когда в рабство угонялось все подвергавшееся нападению войск рабовладельческих государств рабовладельческой периферии, термин «раб» семантически совпадал с термином «чужеземец», «иноходец», т. е. «аншахрик», а термин «военнопленный» приобретал другое значение, поскольку захваченный в плен неприятельский воин часто превращался в воина захватившего его в плен государства. Третий семантический вариант термина «раб» — его связь с «ребенком» (ср. русск. *ребенок* — *robenok*) членом семьи, характерен, например, для Ассирии, где власть отца или главы патриархальной семьи над детьми мало чем отличалась от его власти над рабом: по ассирийскому праву дети и рабы одинаково причислялись к имуществу, из которого кредитор мог брать свой долг (Всемирная История, т. I, стр. 320—321); этот вариант термина «раб» меньше всего связан с пастушеским бытом кочевых племен, являясь типичным для сохраняющих патриархальный уклад низших и средних слоев господствующего класса рабовладельцев развитого рабовладельческого общества. Следовательно, даже трансформировавшись в рабовладельческое общество, несийцы, как и иранцы, сохраняют в термине «раб» reminiscences еще недавно характерного для них быта и мировоззрения пастушеских племен, дополняя затем свою лексику новым термином, характерным по своей семантике для идеологии рабовладельцев, видящих в каждом иноземце потенциального раба.

² В более позднюю эпоху, примерно совпадающую с эпохой сложения курдской народности, византийский историк Георгий Амартол, сопоставляя отношение к женщинам у народов, пропавших рабовладельческий строй в Двуречье, с положением женщин у горных племен Гилина, близких курдам не только типологически, но и генетически, ибо в состав курдского народа входит большое племя гелы, находит нужным прибегнуть к тому же сравнению с амазонками. В тексте «Повести временных лет», сохранившей обильные цитаты из Г. Амартола, читаем по этому поводу: «Говорит Георгий (Амартол) в своем летописании: «Каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай, который люди, не знающие закона, принимают как предание отцов. . . Свой закон и у халдеев и у вавилонян: матерей брать на ложе, блуд творить с детьми братьев и убивать. И всякое они бесстыдство творят, считая его добродетелью, даже если будет далеко от своей страны. Другой закон гилий: жены у них пахнут и создают храмы и мужские деяния совершают, но любви предаются сколько хотят, не сдерживае-

мые своими мужьями и не стыдись. Есть среди пих и храбрые женщины и женщины умелые в охоте на зверей. Властвуют жены эти над мужьями своими и воиствуют как и они. В Британии же несколько мужей с одною женою спят, и многие жены с одним мужем связь имеют и беззаконие, как закон отцов, совершают. Амазонки же не имеют мужей, но, как бессловесный скот, однажды в году, близко к весенним дням, выходит из своей земли и сочетаются с окрестными мужичинами, считая то время как бы неким торжеством и великим праздником. Когда же зачнут от них во чреве — снова разбегаются из тех мест. Когда же придет время родить, и если родится мальчик, то убивают его, если же родится девочка, то прилежно вскормят ее и воспитают» (Повесть временных лет, серия «Литературные Памятники». Изд. АН СССР, Л., 1950, т. I, стр. 15—16 и 211—212). После этого автор «Повести» продолжает: «Так вот и при нас теперь полководцы держатся закона отцов своих: кровь проливают и даже гордятся этим, едят мертвечину и всякую нечистоту — хомяков и сусликов и берут своих мачех и ятровей и выполняют иные обычаи своих отцов» (там же). Мне думается, что авторы раннего средневековья, когда происходил процесс сложения современных нам народов на развалинах старых общностей, рухнувших вместе с крушением древнего мира, значительно острее, чем мы, ощущали и подмечали характерные особенности психического склада вновь возникавших народностей. К тому же многие из этих черт, столь актуальных еще в средние века, в наши дни являются уже трудно объяснимым пережитком, вызывающим у современников недоумение своей бессмысленностью, а не преклонение перед «законом отцов своих». По поводу древних обычаев прикаспийского населения, связанных с пережитками матриархата, в средние века см. также: К. А. П и о с т р а н ц е в. Обычаи прикаспийского населения Персии в X веке. Сасанидские этюды. СПб., 1909. О пережитках тех же обычаев в наши дни см. мою статью: Гиляки и галлеши. «Народы Передней Азии» в серии «Народы Мира». Изд. Инст. этнографии АН СССР. М., 1957. Можно привести и другой пример того, насколько подлинный смысл традиций древнего мира, утраченный в новое время, продолжал еще сохраняться пережиточно в средние века. Тот же Георгий Амартол и другие византийские историки, на трудах которых основана начальная часть русских летописей, восходит, как и труды сирийских и армянских историков, к исторической традиции древнего мира. В частности, к этой традиции восходит почти обязательные легенды о вавилонском столпотворении и всемирного потопа или же насколько типологически близки обе эти легенды к формально совпадающим с ними по сюжету легендам других стран и народов. Такая филологическая постановка вопроса ничего не дает для уяснения исторической правды, зерно которой заключают в себе обе эти папвные легенды. Выше уже приводилось мнение Б. В. Тураева о том, что миф о вавилонском столпотворении может быть лучше многих других исторических источников отражает хорошо известную древнему миру картину языковой и этнической менянипы, вызванной непрерывными вторжениями новых племен на территорию Двуречья и прилегающих горных областей (см. стр. 29). Необходимой параллелью к нему является миф о разделе после потопа всего населения известного тогда мира между тремя сыновьями Ноя — Симом, Хамом и Нафетом. Конкретный ассортимент народов, вошедших в удел каждого из сыновей Ноя, менялся в зависимости от эпохи и места жительства автора той или иной версии. Но принцип распределения этих народов всегда оставался неизменным: если принять Двуречье за центр мира, то с юга и востока, т. е. из Аравийского полуострова и Сирийской степи, из Иранского нагорья и расположенных за ним степей Средней Азии и Индии в Двуречье вторгаются «сыновья Симы», с юго-запада, из далекого Египта и других африканских стран, — сыновья Хама», с севера, через Кавказ и Балканы из степей Причерноморья, — «сыновья Нафета». Следовательно, в этом мифе нашли свое отражение те же многочисленные вторжения различных племен на территорию Малой Азии, отражением которых явился и миф о вавилонском столпотворении. Если, например, включение тюркских племен в число «сыновей Нафета» (Р а ш и д - э д - Д и н. Сборник летописей, т. I, кн. 1. Л., 1952, стр. 53 и 80) относится к явно поздней традиции, хотя в основе ее лежит и более раннее утверждение, что «сыновьями Нафета» являются все кочевники, то, по-видимому, отражением весьма ранней традиции является характерное для Амартола и русских летописей разделение Мидии между «уделом Симы» и «уделом Нафета» и причисление Кордун-Гордиены к «уделу Симы». Эта традиция восходит к рассматриваемому нами периоду, когда в горных областях Северной Месопотамии в результате вторжения племен номадов, говоривших на индоевропейских и семитических языках, возникали пастушеские племена, владевшие стадами мелкого рогатого скота. Они и оказались в представлении авторов, составивших генеалогические списки народов, либо потомками Симы, либо потомками Нафета. Как кочевники-скотоводы, они вполне закономерно были отнесены к «сыновьям Нафета»,

однако близкие в этническом и языковом отношении к остальному населению Месопотамии да к тому же еще владевшие не конями, а мелким рогатым скотом, они оказались отнесенными к числу сыновей Симовых.

³ Всеобщая История, т. I, стр. 320 и след.

⁴ Б. А. Тураев История Древнего Востока, т. I, стр. 111.

⁵ Напомним хотя бы, что этот аспект быта и мировоззрения хеттского общества не нашел ни малейшего отражения в хеттском законодательстве и хеттские законы, пожалуй, четче, чем другие кодексы древнего мира, отражают идеологию господствующего класса рабовладельческого общества.

⁶ См.: В. Nikitine. Les Kurdes, стр. 97 и след.; О. Вильчевский. Мукринские курды, стр. 212 и след. Там же приводится и основная литература по этому вопросу.

⁷ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 166 и след.

⁸ Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков. Тр. Инст. этнографии АН СССР. Нов. сер., т. XLIV, 1959, стр. 44—45. Весьма существенно в этой связи, что в тех же горных районах Таджикистана одной из существующих отраслей женского труда являлось примитивное гончарство без применения гончарного круга, в то время как на равнине гончарным ремеслом с применением гончарного круга занимались мужчины (там же, стр. 44). Интересно также, что, по свидетельству М. С. Андреева, первыми навестить на пастбище женщины отправляются мужья, имеющие там жен, а, по словам А. Слесарева, в Ягулеме первым на летовку приходит уважаемый всеми в селении старец, который приносит с собой корзину тутовых ягод и произносит установленное обычаем заклинание (там же, стр. 46). О роли женщины в скотоводстве, по данным курдского фольклора, см. ниже, в связи с анализом курдских версий Лейлы и Меджиды (стр. 42). Культ «биби Фатима» известен и курдам. См.: М. Чурсин. Курды Азербайджана. Бюлл. Кавказск. инст. истории и археологии, т. III. Тифлис, 1925. О роли женщины у народов Прикаспия см. выше прим. 2.

⁹ Н. А. Кисляков, ук. соч., стр. 232.

¹⁰ A. Mazaheri. La famille iranienne aux temps antéislamiques. Paris, 1938; Н. А. Кисляков, ук. соч., стр. 235. По поводу этой широко распространенной точки зрения об извечности присущих арийцам качеств, не подвергающихся изменению и лишь искажаемым чуждым арийцам субстратными явлениями на материалах языка, см.: О. Л. Вильчевский. Византизмальный счет в курдском. Сб. памяти акад. Н. Я. Марра. JL, 1938, стр. 75.

О том, насколько в этом случае стремление воссоздать «исконные арийские качества» идет в разрез с элементарной логикой, видно из следующего: чл.-корр. АН СССР В. А. Фрейман в статье «Забытые пранские числительные» (Сб. «Академия наук СССР — акад. С. Ф. Ольденбургу», JL, 1934) полагает, что якобы осетины, находясь в окружении горско-кавказских языков, утратили «общепранскую категорию числительных, как она должна была образоваться согласно законам осетинской исторической фонетики», а И. М. Оранский во «Введении в пранскую филологию» (М., 1960, стр. 34) считает, что невозможно даже представить, чтобы «безудки, забыв свои слова для обозначения... числительного „два“... заимствовали их у персов».

¹¹ Н. А. Кисляков, ук. соч., стр. 237.

¹² Ксенофонт. Анабасис, кн. III, гл. IV, ст. 24 (цитирую по переводу М. П. Максимовой под редакцией акад. Н. Н. Толстого. Серия «Памятники мировой литературы», JL, 1951).

¹³ Ксенофонт. Анабасис, кн. III, гл. IV, ст. 19.

¹⁴ Ксенофонт. Анабасис, кн. I, гл. IV, ст. 12.

¹⁵ Ксенофонт. Анабасис, кн. IV, гл. I, ст. 24.

¹⁶ Ксенофонт. Анабасис, кн. IV, гл. II, ст. 9.

¹⁷ Ксенофонт. Анабасис, кн. IV, гл. II, ст. 10.

¹⁸ Ксенофонт. Анабасис, кн. IV, гл. V, ст. 34.

¹⁹ Ксенофонт. Анабасис, кн. IV, гл. IV, ст. 35.

²⁰ Г. М. Петров. Некоторые данные для характеристики курдов Сенджаби в Иране. Советская этнография, 1952, № 1.

²¹ Всемирная История, т. I, стр. 321.

²² Этимология курдск. *джинди* не ясна. То, что персидский усвоил из курдской среды этот термин в указываемом выше значении «проститутка» самоочевидно. Можно назвать несколько таких терминов, попавших в персидский из курдского с изменением социальной окраски их значения, например: *каши* — курдск. 'благородный разбойник', перс. 'гуляка, пьяница', *рынд* — курдск. 'хороший', перс. 'пьяница' и т. д. (см. мою статью «Лингвистические материалы по истории общественных форм в Курдистане»). Сб. «Пранские языки», I, JL, 1945). Однако попытка сблизить *джинди* с перс. *гунд* в арабизованной форме *джунд* встречает серьезные затруднения; ср. курдскую поговорку *Джинди на бэ гунди* 'благородный не будет деревенщиной', где сталкиваются и противопоставляются оба значения этого термина, причем курдск. *джинди* выступает в роли семантического двойника, сохранившегося в турецком языке, курдск. *челеби* 'джентльмен', 'благородный', крупная роль которого в истории народов Перед-

ней Азии в качестве вклада курдской среды была в свое время отмечена Н. Я. Марром в его этюде «Еще о слове челеби» (к вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии), ЗВО, т. XX, вып II—III, СПб., 1911. Следовательно, *джинди* относится к числу тех многочисленных терминов, которые в той или иной форме играли роль названий или самоназваний курдского народа либо одной из входящих в него частей.

²³ *Сэнглав* (ср. перс. *сенглах*) означает каменистую, усыпанную камнями местность, в более узком значении 'каменистые горные склоны', служащие одним из основных трудностей при передвижении в горах лошадей равнины. По-видимому, именно эта, арабо-курдская порода явилась исходной формой для арабской лошади. Любопытно, что даже у арабов эта порода сохраняет свое иранское название.

²⁴ Такова, например, хорошо известная арабская полукровка «Мукри» — результат дальнейшего приспособления породы «Сэнглав» к горным условиям и скрещении ее с местными мелкорослыми горными породами лошадей, о которых мы знаем еще со слов Ксенофонта, а по археологическим материалам и в более раннюю эпоху. Так, С. К. Далию (лошадь времени Урарту из раскопок Кормирблур. Изв. АН Армянской ССР, 1947, № 10, стр. 41 и след.) удалось восстановить внешний облик одной из пород урартских лошадей. Это была лошадь низкорослой породы с небольшой головой и широко расставленными маленькими ушами. Как говорит Б. Б. Пиотровский (Васекое царство, стр. 156), наряду с этой породой в Урарту существовали и высокорослые породы лошадей. К сожалению, вопрос о генезисе лошадей Передней Азии до сих пор еще не получил удовлетворительного разрешения. Не исключена возможность, что в породе «Сэнглав» мы имеем лошадь иранских племен, получившую впоследствии дальнейшее развитие в сторону равнинной лошади в арабских породах лошадей и в сторону горной лошади в «Мукри».

²⁵ См.: Н. П. Аверьянов. Курды в войпах России с Турцией и Персией. Тифлис, 1908.

²⁶ См.: О. Вильчевский. Мукринские курды, стр. 197, 240. Там же приводится и часть литературы по этому вопросу.

²⁷ Перс. *мард*, арм. *эмерд*, русск. *смерд*. Социальная значимость этого термина в период сложения классового общества у ряда народов Передней Азии и Восточной Европы необычайно велика.

²⁸ См. мою статью: Гиляки и галечи, в томе «Народы Передней Азии», серия «Народы Мира». М., 1957, стр. 231; О. Вильчевский. Мукринские курды.

²⁹ Этой интересной проблеме уделяли большое внимание проф. Б. В. Миллер. См. его: Талышский язык. М., 1953, стр. 254—255. В этой же книге приводится библиография работ Б. В. Миллера, посвященных данной проблеме.

³⁰ Ю. Н. Марр. Статьи и Сообщения, т. II. Л., 1939, стр. 170—172.

³¹ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок, стр. 257.

³² См. выше, стр. 125, прим. 74.

³³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 441—442.

³⁴ См. карту роста территории рабовладельческих государств на стр. 11 во II томе «Всемирной Истории» (М., 1956).

³⁵ См. выше, стр. 19.

³⁶ Н. Б. Янковская. Хурритская Аррапха.

³⁷ Н. М. Дьяконов в интересной статье «О пленных в Ассирии и Урарту» (Вестник Древнего Мира, 1952, № 1), дополнив ассирийскими данными урартские материалы Г. А. Меликишвили, убедительно показывает, что и ассирийцы, и халды, увозя в полон население территорий, захваченных войсками этих государств, лишь часть его обращали в рабов обычного типа, работавших в царских и частновладельческих хозяйствах; значительная часть пленников хотя и обращалась в рабство, т. е. представляла собой наряду с орудиями производства собственность своих господ, тем не менее в отличие от рабов в Шумере поселялась на землях и вела самостоятельное хозяйство (там же, стр. 92), уплачивая дань (там же, стр. 95). Соображения Н. М. Дьяконова о том, что такое использование рабов связано с тем, что рабовладельцы якобы боялись крупных скоплений рабов, имеют кабинетный характер. То, что рабы оставались в повиновении только при наличии достаточно мощного аппарата, удерживающего их в повиновении, — это бесспорно. Столь же бесспорно, что при низком уровне военной техники древний воин не имел большого преимущества перед рабом, вооруженным копьем или иным сельскохозяйственным орудием. Нельзя ничего возразить и по поводу того, что при всяком удобном случае рабы становились естественными союзниками всякого внешнего врага государства, что особенно должно было сказываться при вторжении племен, стоявших на более низком уровне развития, чем рабовладельческие государства (там же, стр. 92). Все это совершенно верно. Единственно лишь вызывает сомнение вывод о том, что посаженные на землю рабы меньше имели возможности к сопротивлению своим эксплуататорам и меньше стремились к освобождению. Скорее наоборот — в царских и частновладельческих хозяйствах легче было наблюдать за рабом, а самому рабу труднее было оказывать сопротивление, чем тогда, когда рабов сажали на землю. Стремление же к возвращению на родину и к избавлению от подневольного положения у посаженных на землю пленных было таким же, как и

у всякого раба. Мне думается, что нацупываемая Н. М. Дьяконовым ассиро-урартийская форма рабовладения, когда раб сажался на землю, объясняется тем, что в отличие от Двуречья, где обязательное орошение делало более рентабельным, а подчас и единственно возможным крупное хозяйство, в горных долинах, наоборот, более рентабельными были мелкие земледельческие хозяйства. Не обсуждая вопроса о том, насколько эта новая форма рабовладения близка к колонату, отметим лишь, что именно таким рисует положение раба уже в средние века Газали, опираясь не только на юридическую традицию Ислама, восходящую к традициям более ранним, но и на реальную практику его времени. Во втором разделе «стопа взаимоотношений» своей «Алхимии счастья» Газали, приводя в качестве примера положение современного ему раба, говорит о нем: «Великий раз, когда господин землю, которую надлежит возделывать, рабу своему дает, и семена ему дает, и пару быков, и орудия земледельческие, которые имеет, ему передает, и надсмотрщика над ним посылает, дабы пашия ему была возделана, раб, ежели разум имеет, (сам) понимает, каково в этом желание господина, хотя господин (ни одного) слова ему не сказал» (цитирую по принадлежащей мне рукописи. См. о ней мою статью «Новый источник для характеристики мировоззрения городского населения Ирана в X—XI веках». Советское востоковедение, 1955, № 1). По-видимому, и у Газали, и у Н. М. Дьяконова речь идет об одном и том же типологическом явлении — о начальной и конечной стадиях своеобразной формы переднеазиатского рабства в тех условиях, когда мелкое земледельческое хозяйство оказывается более выгодным, нежели крупное. Рудиментарно многие характерные черты этой формы рабства сохраняются и в положении крепостного крестьянина в странах Передней Азии, в особенности в раннем средневековье (см.: Н. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков). Весьма архаический характер, свидетельствующий о силе и глубине родоплеменных пережитков в рабовладельческих обществах Малой Азии, имеет констатируемое рядом исследователей, в том числе и Н. М. Дьяконовым, включение воинов побежденной варварской армии в состав победившей рабовладельческой армии. Включались в армию победителей, как это отмечает Н. М. Дьяконов, не отдельные воины, а целые отряды. Это является, на мой взгляд, явным пережитком родоплеменных норм, в соответствии с которыми побежденное племя и его вооруженный отряд, а также и племенное ополчение включаются на правах клиента в племя, вооруженный отряд и ополчение победителей. Стало быть, никак нельзя рассматривать эти факты в одном ряду с обращением в рабство побежденных, хотя бы и посаженных затем на землю (Н. М. Дьяконов. О пленных в Ассирии и Урарту, стр. 99). Принятые в состав победившей армии отряды побежденных не обращались в рабство, не были рабами. Иначе именно они, вооруженные отряды рабов, а не их бесправные соотечественники, где бы они ни работали, явились бы главной угрозой рабовладельческого общества. Но именно потому, что эти включенные в состав рабовладельческих войск отряды побежденных племен становились союзниками рабовладельцев, их обращенные в рабство соплеменники, поднимая антирабовладельческие движения, искали помощи не у них, а у вторгавшихся на территорию рабовладельческих государств племен, хотя и чуждых этнически, но бывших врагами их врагов. Зерно истины в соображениях Н. М. Дьяконова состоит, однако, в том, что представители варварской периферии, независимо от их роли и места в рабовладельческом обществе, всегда рассматривались этим обществом как потенциальные рабы. Вместе с тем бесспорно, что массовое переселение захваченных на варварской периферии пленных и прикрепление их к земле являлось серьезным фактором переименования этнических групп населения рабовладельческого Древнего Востока. О том, насколько широкие размеры принял этот процесс, можно судить хотя бы по тому, что в первый же год правления ассирийского царя Саргона II десятки тысяч израильтян были переселены в Северную Месопотамию и соседние области, а на их место были поселены постепенно араменизировавшиеся вавилоняне, сирийцы, арабы, образовавшие новую этническую группу самаритян.

³⁸ Всемирная История, т. I, стр. 552 и 524. Расположенная в Сасунских горах Шубрия была лесной областью, и, как всегда, беглые рабы стремились укрыться от своих эксплуататоров в недоступное для рабовладельческих вооруженных сил место — в густую чащу лесов, росших по горным склонам (см. также: Б. Б. Piotrowski. Вавское царство, стр. 86).

³⁹ Н. М. Дьяконов (История Мидии, стр. 264), приводя ассирийский текст: «Я рассеял людей страны Машу, неусмирных кутиев, побил оружием войска Ишпака, скифа, союзника, не спасшего их», — правильно замечает, что поскольку об этих событиях ассирийские надписи говорят бегло, скороговоркой, это служит верным признаком того, что настоящего успеха ассирийские войска в этом походе не добились. Не менее существен данный контекст в качестве выразительной иллюстрации того, что скифы, как и прочие ираноязычные в основном племена, вторгшиеся в Малую Азию в эту эпоху, являлись естественными союзниками племен местной варварской периферии. Весьма существенно для оценки доли пастушеских племен в общей массе пленных, обращаемых в рабство, частые упоминания о том, что военнопленные рабы использовались для выпаса скота. Казалось бы, пастуху-рабу предоставлялись исключительно благоприятные условия для побега и вообще антирабовладельческой дея-

тельности, потому хотя бы, что ставить над рабом-пастухом надсмотрщика было бы менее рентабельно, чем просто назначить этого надсмотрщика пастухом, тем более, что пастушеское ремесло относилось к числу наиболее почитаемых. По-видимому, при обсуждении вопроса о возможности для рабов сопротивляться или бежать мы недостаточно учитываем широко применявшиеся рабовладельцами наложение на рабов озов, а также калечение их, применявшееся еще амазонками, калечившими мужчин, оставленных в их племени.

⁴⁰ См. предыдущее примечание, см. также: Всемирная История т. I, стр. 522.

⁴¹ Всемирная История, т. I, стр. 321.

⁴² Всемирная История, т. I, стр. 539.

⁴³ Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 199. Я вполне разделяю осторожность Н. М. Дьяконова при сопоставлении внешне созвучных этнических терминов, тем более, что один из них передан в ассирийской клинописи, а другой — греческим письмом. Племенные названия, как известно, относятся к древнейшим пластам языка, когда созвучие еще имеет не столько гепетический, сколько типологический характер. Нельзя напомнить, что именно племенные названия лежат в основе марровских лингвистических элементов.

⁴⁴ Всемирная История, т. I, стр. 539.

⁴⁵ Б. Б. Piotrowski. Археология Закавказья.

⁴⁶ «Весь Восток жил мечтой о гибели Ассирии — „логовища львов“ и надеждой на падение Ниневии — „города крови“. В этом сходились и представители окраинных, еще не покоренных племен, и переселенные на новые земли пленные, и эксплуатируемые общинники, и представители рабовладельческих кругов за пределами собственно Ассирии» (Всемирная История, т. I, стр. 554).

⁴⁷ Вопрос этот, к которому нам приходилось возвращаться неоднократно, выходит за рамки нашей темы. Тем не менее его нельзя не поставить в связь с характерной для рабовладельческих обществ в горных районах Малой Азии формой рабства, о которой мы говорили выше (см. прим. 58). Как пишет по этому поводу Н. М. Дьяконов во «Всемирной Истории» (т. I, стр. 541), данная форма рабства была обусловлена тем, что «Ассирийское государство, насильственно подчинив себе большую территорию, не имело достаточно сил, чтобы всюду подавлять сопротивление масс рабов, если бы они были собраны в обширных хозяйствах. Местное население, среди которого расселились пленные, тоже не было надежной опорой для государства. Поэтому Ассирийское государство предпочитало расселить пленных небольшими разрозненными группами или даже семьями, по возможности объединяя в одном месте людей различного языка и происхождения. Но повседневный надзор за такими группами работников, разбросанными по различным частям державы, рабовладелец осуществлять не мог, и поэтому рабам предоставлялась известная доля самостоятельности. Они не имели личной свободы, не были собственниками средств производства (лишь иногда они имели для своих нужд небольшое количество скота, но и этот скот считался собственностью хозяина). Они должны были отдавать рабовладельцу большую часть продуктов своего труда». Выше (прим. 37) я отмечал, насколько кабинетный характер имеет такое объяснение, повторяемое Н. М. Дьяконовым во «Всемирной Истории», с тем лишь добавлением, что он рассматривает ее, с одной стороны, как более примитивную форму, а с другой стороны как дальнейшее развитие рабовладельческих отношений, и, не имея фактов, предполагает, что в этих условиях «производительность труда этих пленных-рабов, вероятно, несколько повысилась». По сравнению с чем? Нельзя же механически сравнивать производительность труда рабов в Ассирии и, скажем, в Шумере, где и сами по себе условия труда были другими.

⁴⁸ Именно таким, весьма распространенным взглядом на миграционный процесс в древности и в средние века объясняются многочисленные попытки создания «общей» истории арабских, тюркских, монгольских и других племен, судьба которых, после того как они покинули район своего первоначального обитания, претерпела серьезные изменения и история которых, после того как они перестали жить общей исторической жизнью, сделалась интегральной частью тех стран и народов, в составе которых они оказались. В этих случаях историк не историческим процессом объясняет вопросы этнической истории, а, наоборот, этническим происхождением пытается обусловить исторический процесс. Так получилось, например, с Н. М. Дьяконовым, когда он, возражая акад. В. В. Струве, видящему в войнах, оказавших сопротивление попыткам Дария I завоевать Армению, кочевников-саков, полагает, что поскольку саки были пришельцами, они не могли отстаивать «свое временное местопребывание с большей решительностью, чем местное население свою исконную родину» (Н. Дьяконов. История Мидии, стр. 251).

⁴⁹ Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 5.

⁵⁰ Ниже нам придется остановиться на ряде фактов, говорящих как будто о том, что индийские племена сыграли известную роль в процессе этногенеза курдского народа. Тем более странным кажется, что Н. М. Дьяконов, отождествляя, при полном отсутствии каких-либо данных, касситов с дурами, во всем своем обширном исследовании даже не упоминает о курдах, хотя подробно описывает районы из давнишнего

обитания. Такова сила курьезной традиции, согласно которой каждый народ имеет право на «хорошего» предка в древности, который становится неотъемлемой собственностью данного народа и не может одновременно являться предком ни одного другого народа.

⁵¹ Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 152.

⁵² Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 225.

⁵³ Нельзя не согласиться с Н. М. Дьяконовым, когда он отвергает как необоснованное текстологическим анализом мнение Ю. Прашека о том, что два эти термина обозначают различные группы мидии (История Мидии, стр. 145 и прим.), однако еще меньше аргументов приводит сам Н. М. Дьяконов для подкрепления своей мысли о том, что подчеркивание ассирийскими источниками силы мидийцев доказывает, что они к этому времени сложились уже в мощный союз племен.

⁵⁴ Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 226.

⁵⁵ См. по этому поводу: Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 212, 221, 284, 288, 294 и ряд других мест.

⁵⁶ Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 237—238.

⁵⁷ Н. W i n k l e r. Die Kielschrifttexte Sargons II. Leipzig, 1893. Анналы. Цитирую в переводе Н. М. Дьяконова (История Мидии, стр. 219—220). То, что стоящее в ассирийском тексте *манда* соответствует обычному *мадай*, — это по-видимому, бесспорно. Однако этим самым опровергается и мнение Н. М. Дьяконова о том, что эти два термина не имеют между собой ничего общего (см.: История Мидии, стр. 238, прим. 1 с ссылкой на статью того же автора: Последние годы Урартского государства, и стр. 414—415, прим. 3). Приводимая Н. М. Дьяконовым (на стр. 59—60, прим. 1), таблица различных значений топонимических и этнонимических терминов древнего мира в зависимости от эпохи, куда включен и термин «манда», кажется мне несколько надуманной. Во всяком случае, не настаивая на полной адекватности терминов «мадай» и «манда», нельзя, мне думается, исключать последний из перечня племенных названий в районе Загроса только потому, что он употребляется также для обозначения племени в другом районе. Отнюдь не являясь сторонником непосредственного сближения племенных названий только по их фонетической близости, я тем не менее не могу не обратить внимания на близость термина «манда» ассирийских источников к названию одного из крупных подразделений курдского племени харки — *манда* (см.: О. Вильчевский. Мукринские курды, стр. 185; А. Заки. История курдов и Курдистана, стр. 411 и 420), а также к имени одного из божеств доисламского курдского пантеона Шех-менд сын Шех-менд Фархо-фарха, владычествующего над змеями и другими гадами и рыбами. (О. Л. Вильчевский. Очерки по истории езидства. Журн. «Атеист», М., апрель, 1930, № 51).

⁵⁸ Н. М. Дьяконов, по-видимому, прав, предпочитая для геродотовского «аризантой» этимологию, связывающую это племенное название с «арийцами» — «сыны ариев», «арийские дети», «потомки ариев» (Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 146 и след.). Такая этимология удачно связывает это название ведущего мидийского племени со всем столь существенным комплексом употребления термина «ариец» в значении «благородный», «стоящий во главе племени, народа», которое отразилось в представлении народов Передней Азии, начиная с названия Ирана и кончая грузинским *ари*, причем грузинское *аристави* будет в первой части этимологически, а по значению — полностью совпадать с геродотовским «аризантой», подобно тому, как этимологически уже во второй части (и столь же точно по значению) совпадает этот термин с названием господствующего племени в союзе племен Мукри, населившего в настоящее время территорию Малой Мидии — «бекзаде» — «дети дворянские», «сыны дворянские», «благородные» (см. О. Вильчевский. Мукринские курды, стр. 184; см. также: Хусейн Хузи Мукриани. Мукринский Курдистан, или Атропатена. Ревандуз, 1936 (на курдск. яз.). Однако отсюда еще далеко до сближения «аризантой» с ассирийскими *ариби* через искусственно восстанавливаемую гипотетическую эламскую форму *арине*, которая, снабженная показателем множественного числа, могла бы употребляться в значении названия народа, местности (ср. *еран*). Мы еще недостаточно знакомы с эламским языком и слишком хорошо знаем, к какому далекому от истины результатам приводят такого рода реконструкции. Эта этимология тем более кажется сомнительной, что термин «аризантой» имеет еще и другую, предложенную Кеннигом вполне корректную этимологию (F. W. Kö nig. Die älteste geschichte der Meder und Perser. Der Alte Orient. Leipzig, XXXIII, 3/4, стр. 6). Возражения Н. М. Дьяконова (История Мидии, стр. 147, прим. 1) по поводу исправления *аризантой* на *тризантой* — «трехплеменное, трехколенное (племя)», считающего, что так можно назвать область, но трудно назвать племя, отпадают, если вспомнить название союза племен на юге Ирана Хамсе — по-арабски «пятерница», в состав которого входят пять различных по происхождению племен, так же как в состав мидии входили различные по происхождению и культуре племена. Кстати, по поводу стремления Н. М. Дьяконова считать иранскими только те племена мидийцев, название которых имеют ясную иранскую этимологию: эта точка зрения, в особенности возведенная чуть ли не в основной методологический прием, вряд ли выдерживает критику. В самом деле, всякая этимология этно- или топонимического термина еще не служит доказательством этнической и даже языковой принадлежности народа,

к которому данный термин относится. Несмотря на ясную славянскую этимологию, ни немцы, ни самоеды не имеют никакого отношения к славянам, а славянская этимология Новгорода не делает этот город более славянским, чем лишенные такой этимологии Москву или Киев. Поэтому на основе того факта, что большинство сообщаемых Геродотом названий мидийских племен не имеет иранской этимологии, никак нельзя прийти к выводу, о том, что эти племена не были иранскими. Не имеют такой этимологии, по меньшей мере, четыре пятых заведомо относящихся к иранцам племенных и топонимических названий древности. Кроме того, поскольку с течением времени старые этно-топонимические термины забываются, а новые обычно имеют ясное смысловое значение, следуя методу И. М. Дьяконова, пришлось бы прийти к выводу, что, скажем, Иран периода позднего средневековья, после того как он претерпел значительные изменения в своем этническом составе в результате нашествий арабских, тюркских и монгольских орд, по своим этно-топонимическим названиям, обладающим иранской этимологией, стал более иранским, чем в древности; радикальное же очищение Ирана от этно-топонимических терминов, не обладающих иранской этимологией, произвела пуристическая деятельность Реза-шаха по упорядочению и переименованию в иранском вкусе значительного количества не обладавших персидской этимологией названий иранских городов и местностей.

⁵⁹ И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 321.

⁶⁰ Подробнее к вопросу о характере мидийского языка и его потенциальной роли в формировании курдского языка мы вернемся ниже, стр. 83.

⁶¹ И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 142 и след., 173 и след.

⁶² О некоторых фактах, косвенно подтверждающих это, см. ниже, стр. 51. Не исключена возможность, что со скифо-киммерийским передвижением связано давно уже привлекавшее внимание ученых название округа и племени в Мукринском Курдистане «алан». (Материалы для изучения Востока, вып. 2. Изд. МИД. Пгр., 1915, стр. 438; О. Вильчевский. Мукринские курды, стр. 165), тесно связанное с племенным названием аланов. Впрочем, аланы проникли сюда и в XI в. н. э. Не исключена также возможность, что в названии этого древнего горного округа в какой-то форме отразился сирийский термин *алан* (*алу*), означающий «крепость, укрепление». Я лично склонюсь к мысли, что и «алан» Северного Кавказа, и «алан» Мукринского Курдистана надо ставить в связь с кавказской Албанией, Арраном средних веков, т. е. с группой очень старых терминов, сохранившихся от языков автохтонного населения Передней Азии, в виду чего вряд ли можно сопоставлять между собой *алани* и *ари*; *ари* — термин иной языковой среды и иной истории (И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 147, прим. 9, со ссылкой на работы А. Фреймана и В. И. Абаева).

К главе четвертой

¹ «Ассирийский воин в это время всегда следовал за ассирийским купцом» (Всемирная История, т. I, стр. 319).

² По-видимому, отражением этого термина является название селения около Саккыза — Зивийе, где был найден интересный клад металлических предметов манейской работы (см. ниже, стр. 53). Перебой *м ~ w* характерен для мукринского диалекта, ср. перс. *замин*, мукр. *зав* 'земля'.

³ Но поводу «Парсуа» и отношения этого термина к названию персов см.: И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 69 и 161. Там же приводится и основная литература. Поскольку под мидийским языком различные исследователи понимают совершенно различные и взаимно исключающие друг друга категории (см. ниже, стр. 77), убедительность и реальность предлагаемой И. М. Дьяконовым этимологии сильно снижается.

⁴ Этот факт служит доказательством того, что в крае ощущалось влияние не только Ассирии, но и Двуречья.

⁵ И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 158. Мнение автора о том, что на строительные работы привлекались в массовом порядке ремесленники, а не просто черно-рабочие, едва ли правильно, поскольку район Замуа никакими архитектурными сооружениями не выделяется и вряд ли располагал специалистами по строительному делу. По-видимому, мы имеем дело с тем же недоразумением, благодаря которому неточное употребление термина *pionnier* французским ученым А. Рейнахом (A. J. Reinach) в его статье «Les kurtiens» (Revue Archeologique, т. XIII, Париж, 1909) обратило жителей соседней с Замуа Гордиены в «несравненных архитекторов и военных инженеров» и присвоило те же инженерные качества расположенным по соседству горным племенам киртиев, или куртиев, из числа которых армянский царь Тигран вывел за своим войском 35 000 человек, «чтобы провести дороги, перекинуть мосты, очистить реки, вырубить леса и произвести иные военные работы». Эта неточность, сохраненная и в русском переводе (Н. Я. Марр. Еще о слове челеби. ЗВО, XX, вып. 1—3. СПб., 1911), закрепила за кочевниками-скотоводами курдами, считавшимися потомками указанных выше народов, незаслуженную славу хороших инженеров. В действительности, и в этих случаях, и в эпизоде, на который обратил внимание И. М. Дьяконов, речь идет о чрезвычайно распространенном в древности использовании плесенных и

представителей покоренных народов на самых тяжелых и черных работах. Попутно хотелось бы обратить внимание на созвучие названия города Кальху с названием одного из крупных курдских племен кельхур.

⁶ «Большая часть населения и скот по обыкновению были укрыты в горах» (Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 162).

⁷ Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 162, прим. 1. Попытку Н. М. Дьяконова (там же, стр. 165, прим. 2) отождествить древнюю топонимику этого района с современной можно было бы значительно расширить. Так, наряду с горой Куллер мы встретим в том же районе и горный хребет Шилер и много других аналогий. Однако отождествление *-лар* с термином «гора» в неизвестном «местном языке» кажется не только неосторожным, но и наивным.

⁸ Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 156, где приводятся совершенно неоспоримые данные из ассирийских анналов, о данях конями, взимавшейся ассирийцами с населения Замуа. О значении южного побережья Урмийского озера для скотоводства, и в частности для коневодства, в последующее время вплоть до наших дней см.: В. Б. Писотровский. Ванское царство, стр. 157; Д. Беляев. Очерк северо-восточной части Персидского Курдистана. Изв. штаба Кавказского военного округа, 1910, № 29, а также: О. Вильчевский. Мукринские курды, стр. 189.

⁹ Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 158.

¹⁰ Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 174.

¹¹ Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 165 и 175. Тюрко-монгольское название реки Джикагу-чай вытеснило в постемонгольский период старое иранское название Зерри-руд, сохраненное курдским населением края и восстановленное в последние годы. Истоки Зерри-руд находятся в горах Чехиль-чешме, изобилующих альпийскими пастбищами. В верхней части своего течения эта река носит название Хорхора-чай (см.: Материалы по изучению Востока; Хусейн Хузи Мукриани. Мукринский Курдистан). О монгольской топонимике в Мукринском Курдистане см.: V. Minorsky. Mongol Place-names in Mukri-Kurdistan (Mongolica, 4) BSO AS, 1957. XIX/1. Имя Хорхора стоит в связи с Хорхира — река под Улан-Гомом в Монголии (ст. К. В. Вяткина. Монголы Монгольской Народной Республики. Восточно-азиатский этнографический сборник. Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. IX, Л., 1959, стр. 169, прим. 7).

¹² Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 165. Относительно привода сюда перекочевавшими из Средней Азии и Бактрии иранскими кочевниками двугорбых верблюдов см. там же, стр. 192, прим. 1 и стр. 215. По-видимому, восточные склоны Загроса были западной границей распространения этой породы верблюда, в настоящее время здесь полностью отсутствующего. Далее на запад находится уже область распространения одnogорбого верблюда дромадера, пришедшего сюда из Сирийской степи и пустынь Аравийского полуострова вместе с семитическими пастушескими племенами. Быть может, если бы удалось точнее установить границу распространения двугорбого верблюда в древности, удалось бы также уточнить, сколь далеко на запад за линии гор Загроса проникли иранские племена. Во всяком случае известный интерес представляет тот факт, что в курдской эпической поэме «Карр и Куллы», сюжет которой в нынешней ее редакции отражает борьбу между курдскими и арабскими племенами и которая в основе своей восходит к периоду борьбы между племенами иранцев и семитов, наряду с лошадью фигурирует также и верблюд. Судя по тому, что в поэме речь идет о *кантизареке даве пейрири* 'веренице черногрудых верблюдов', можно думать, что мы имеем описание черногрудого бактрийского двугорбого верблюда. Современные курдские сказители не дают вразумительного объяснения этому непонятному в настоящих условиях описанию верблюда.

¹³ Г. А. Мелникши и Л. Пекотеро вопросы истории Маниейского царства. Вестник древнего мира, 1949, № 1, стр. 57 и след.; Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 173 и след.

¹⁴ О развитии здесь садоводства, земледелия и виноградарства в средние века говорит Казвини (Hamdallah Mustawfi of Qazwin. The Geographical part of the Nozhat-at-Qulub. ed. G. Le Strange. London, 1915, стр. 87, 88).

¹⁵ См. изображение маниейской лошади на ассирийском рельефе в Дур-Шаррукине, воспроизведенное Н. М. Дьяконовым (История Мидии, стр. 144).

¹⁶ A. Godard. Le trésor de ziwiye. Haarlem, 1950; R. Chirshman. Le trésor de Sakkez Artibus Asiae, XIII, 3, 1950, стр. 181—206; В. Б. Писотровский. Ванское царство, стр. 253—256.

¹⁷ A. Godard. Le trésor de Ziwiye. Критика этого взгляда А. Годара см.: Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 404 и след. См. также: В. Б. Писотровский. Ванское царство, стр. 253—255. При решении вопроса следует учесть прочно вошедшие в научный обиход соображения С. П. Толстова о связи скифо-массagetской культуры с Приаральем и Средней Азией, что дает возможность удовлетворительно объяснить общность художественного стиля в искусстве народов Северного Причерноморья и Западного Ирана, этих крайних точек двух основных маршрутов иранской экспансии из Средней Азии. Неслинные наоминты в этой связи, во-первых, что те же два маршрута, сошедшиеся, правда, на Кавказе, характеризуют передвижение

⁵² Ксенофонт, кн. III, гл. V, ст. 8 и след.

⁵³ Ксенофонт, кн. III, гл. V, ст. 13 и след. Акад. Я. А. Манандян с ссылками на работы Ф. Юсти (статья «Geschichte Irans» — Grundriss des Iranischen Philologie, т. II, Straßburg, 1903, стр. 475) и Шнека (Handelsgeschichte des Altents, Bd. I, Leipzig, 1900, стр. 288) считает, что «пролегающая через Армению часть дороги шла, вероятно, близ Мелитены, нынешней Малатии, по направлению к Сапре или Безабде, теперешнему Джезире ибн-Омар. Направление этой дороги указано у Шнека из Джезире на запад по отлогостям плоскогорья Масин, затем на северо-запад, к Амиду, а оттуда через Сюперек (Сиверек, — О. В.) к месту переправы через Евфрат, вероятно, близ Хореса, приблизительно в середине между Самсатом и Гергером. Более вероятно, как мне кажется, что пролегающая через Армению линия шла не в этом, а в северном направлении — через Тавр в равнине Харберта и оттуда к Евфрату около Малатии» (Я. А. М а п а н д я н. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен, изд. 2-е, переработанное и дополненное. Ереван, 1954, стр. 16—18. Там же имеется и схематическая карта направления «царской дороги» в пределах Армении). Если акад. Я. А. Манандян прав и если действительно направление «царской дороги» шло несколько севернее, чем это принято считать, то тогда еще более оправданным выглядит стремление десяти тысяч греков обойти переправу через Тигр у Джезире и выйти на трассу дороги севернее, перевалив через западные, примыкающие к Тигру склоны Кардуческих гор. Это кажется тем более правдоподобным, что, как уже указывалось выше, шедшая в эти горы тропа вела, по показаниям пленных, именно туда, куда нужно, — в Армению. Весьма возможно, виною тому, что греки после семидневного перехода по Кардуческим горам оказались не на берегу Тигра, а в долине его притока Кентрита (древнее название реки Бохтан), была не тропа и не проводники, а кардучи, своими непрерывными атаками греческой колонии заставившие ее сбиться с пути. Кроме того, стремление греков воздержаться от форсирования переправы через Тигр в том месте, где он был достаточно глубоок, а пропустить дальше вверх по его течению, обойдя встретившиеся препятствия, углубившиеся в труднопроходимые горы, находит себе объяснение в следующих словах Ксенофонта, обращенных к его соотечественникам, удрученным казавшимся им безвыходным положением, в котором они очутились: «Если вы представите себе реки в виде непреодолимых препятствий, считая совершенные через них переходы губительными ошибками, то поразмыслите, не есть ли это также пустая выдумка варваров. Ведь через все реки, даже когда они непроходимы вдали от верховьев, можно перейти, не замочив при этом колен, если подойти к их истокам» (Ксенофонт, кн. III, гл. II, ст. 22). Вот почему «когда злияны приблїли туда, где Тигр совершенно непроходим из-за его большой глубины и ширины и где нельзя было также пройти вдоль берега потому что крутые кардуческие горы нависали над самой рекой, — тогда стратеги решили идти через горы. Дело в том, что они узнали от пленных, будто, если им удастся перейти кардуческие горы, они смогут переправиться в Армению через истоки Тигра, а если они не захотят этого сделать — обойти их кругом. Говорили также, будто истоки Евфрата находятся недалеко от Тигра, и оно так и оказалось» (Ксенофонт, кн. IV, гл. I, стр. 2—3). Если этот стих, следующий за ст. 1, также резюмирующим события, о которых рассказывается в предыдущих книгах, не является, подобно последнему, позднейшей вставкой, то он ясно излагает причины, заставившие греков стремиться вверх к истокам Тигра, где его легче было бы перейти, и вместе с тем в какой-то степени подтверждает мнение акад. Я. А. Манандяна о том, что «царская дорога» проходила севернее общепринятого для ее трассы направления. Я лично полагаю, что данный стих, подвергнувшийся значительной переработке позднейшими редакторами, в основе своей содержит подлинное зерно Ксенофонтовского рассказа.

⁵⁴ Ксенофонт, кн. III, гл. V, ст. 17.

⁵⁵ Ксенофонт. Анабасис, стр. 242.

⁵⁶ Ксенофонт, кн. IV, гл. I, ст. 12.

⁵⁷ Ксенофонт, кн. IV, гл. III, ст. 2.

⁵⁸ Первые сведения о кардучах греки получили, как мы уже говорили, от пленных, допрошенных греческим командованием после того, как греки убедились в невозможности форсировать Тигр. В числе этих пленных были и такие, которые «уверили, что знают местность, расположенную от них в том или ином направлении» (Ксенофонт, кн. III, гл. V, ст. 14 и след.). Из их числа, по-видимому, были выбраны те проводники, которые, находясь в авангарде, показывали грекам дорогу (см. хотя бы: Ксенофонт, кн. IV, гл. I, ст. 20) и к которым вскоре прибавились захваченный Ксенофонтом в стычке с кардучами «язык» (Ксенофонт, кн. IV, гл. I, ст. 20 и след.), которого вскоре за его помощь при переговорах с кардучами отпустили, и дальше уже греки шли без проводника (Ксенофонт, кн. IV, гл. II, ст. 23—24). Из текста Ксенофонта неясно, кто были эти пленные — солдаты ли неприязнелюбой армии, или захваченные в плен местные жители, как полагает не без основания М. И. Макеймова (Ксенофонт. Анабасис, стр. 266), тем более, что и персов и все другое местное население Ксенофонт в равной мере именует варварами, благодаря чему не всегда можно точно установить, с кем сражались греки — с пер-

СНБ, 1901, стр. 26 и след; прим. 2). Это, впрочем, не мешает нашим соображениям и не изменяет их, а, кроме того, выходит за пределы темы.

³⁴ Геродот, кн. V, ст. 52.

³⁵ Этим словам Аристагора предшествуют такие: «Живут тамошние народы рядом один подле другого так, как и покажу. . . При этих словах он указал на имевшийся у него очерк Земли, вырезанный на доске» (Геродот, кн. V, ст. 49). М. И. Максимова по этому поводу пишет: «Во времена Ксенофонта греки были знакомы с географическими картами. . . Однако подобные карты были, вероятно, очень неточны и широкого распространения не имели. По крайней мере, географические представления греков относительно отдаленных от Эллады стран были еще в V в. до н. э. крайне неясны и сбивчивы. . . Из „Анабасиса“ ясно, что наемники Кира картами не пользовались, так как со времени смерти Кира и измены Артемиды они чувствовали себя совершенно потерянными, не зная, как выбраться из Вавилонии. При своем отступлении они все время прибегали к услугам проводников из числа пленных местных жителей» (Ксенофонт, Анабасис, стр. 266). Доводы эти вряд ли могут быть признаны убедительными. Беспокойство греков объяснялось, конечно, не тем, что у них отсутствовала карта, и наличие ее, в особенности если учесть ее значительную неточность, вряд ли способствовало бы подъему их морального состояния. Точно так же пользование проводниками само по себе не исключает возможности пользования картой. Конечно, было бы сплошным анахронизмом представлять дело таким образом, что в ту эпоху у войск могли быть крупномасштабные подробные карты, подобные тем, которыми пользуются современные войска. Прimitивные карты древности могли лишь до некоторой степени облегчить общую ориентировку, и наличие такой карты в греческом отряде, отправившемся в глубь малоизвестной страны в составе иноземного войска, было бы более чем естественным. Однако даже если мы и не будем настаивать на наличии карты у десяти тысяч греков, то вряд ли можно что-нибудь возразить против предположения, что Ксенофонт, писавший свои записки после возвращения на родину, не мог бы иметь возможности проверять и уточнять свой маршрут на карте. Точно так же не может быть исключена возможность и того, что Ксенофонт и ряд других участников похода знакомились с предстоящим им маршрутом на карте до начала похода.

³⁶ Геродот, кн. V, ст. 52.

³⁷ Ксенофонт, кн. III, гл. V, ст. 17, кн. IV, гл. I, ст. 3.

³⁸ Геродот, кн. III, ст. 94.

³⁹ Геродот, кн. I, ст. 104.

⁴⁰ Геродот, кн. I, ст. 104.

⁴¹ Геродот, кн. I, ст. 72, 189, 202.

⁴² О том, насколько плохо знают обычно местонахождение истоков горных рек, так же как и о том, как трудно ориентироваться иноземцу в горных районах, может дать достаточно ясное представление сравнение описания одних и тех же мест в трудах, посвященных первому и второму персидско-турецкому разграничению (Материалы по изучению Востока, вып. 2, МПД. Пгр., 1915; там же приводятся все литература по первому разграничению).

⁴³ Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 339, 356—357. Ниже нам придется подробнее коснуться вопроса о том, что в данном случае речь идет о появлении здесь самых различных ираноязычных племен, а вовсе не одних лишь индийцев, как думает Н. М. Дьяконов, опираясь на традиционное мнение А. Мейе и Э. Бенвениста (История Мидии, стр. 88, прим. 2 и стр. 367, прим. 3). Интересную сводку противоположной точки зрения, построенной не столько на сравнительной грамматике иранских языков, но и на всем комплексе дошедших до наших дней фактов, см. в книге: В. N i k i t i n e. Les Kurdes, стр. 8 и след.

⁴⁴ Ксенофонт, кн. III, гл. II, ст. 25.

⁴⁵ По-видимому, в составе десяти тысяч греков были лица, знавшие те или иные иностранные языки, в том числе и персидский, в объеме, достаточном для того, чтобы объясняться с местным населением. Один такой случай знания языка макронов греческим солдатом — бывшим рабом, как необычный, отмечается Ксенофонтом (кн. IV, гл. VIII, ст. 4 и след.). Кроме того, Ксенофонт оговаривает случаи пользования переводчиком при переговорах с персидскими высшими кругами, а также, как нам придется обратить внимание ниже, обращение к помощи переводчика в необычных случаях, почему-либо изумивших автора. В остальных же случаях при следовании по персидской территории для Ксенофонта было само собой разумеющимся, что с местным населением следует говорить на персидском языке, как на территории Фракии — на фракийском. По-видимому, с этой целью из числа греческого отряда выделялись в каждом случае соответствующие переводчики.

⁴⁶ Ксенофонт, кн. III, гл. V, ст. 2.

⁴⁷ Ксенофонт, кн. III, гл. V, ст. 12.

⁴⁸ Ксенофонт, кн. III, гл. V, ст. 3.

⁴⁹ Ксенофонт, кн. III, гл. V, ст. 4 и след.

⁵⁰ Ксенофонт, кн. III, гл. V, ст. 7.

⁵¹ Ксенофонт, Анабасис, стр. 269, где вследствие неточно прочитанной транскрипции на какой-то иностранной карте этот город назван Езире.

⁵² Ксенофонт, кн. III, гл. V, ст. 8 и след.

⁵³ Ксенофонт, кн. III, гл. V, ст. 13 и след. Акад. Я. А. Манандян с ссылками на работы Ф. Юсти (статья «Geschichte Irans» — Grundriss des Iranischen Philologie, т. II, Straßburg, 1903, стр. 475) и Шнека (Handelsgeschichte des Altents, Bd. I, Leipzig, 1900, стр. 288) считает, что «пролегающая через Армению часть дороги шла, вероятно, близ Мелитены, нынешней Малатии, по направлению к Сапре или Беабаде, теперешнему Джезире ибн-Омар. Направление этой дороги указано у Шнека из Джезиры на запад по отлогому плоскогорью Масия, затем на северо-запад, к Амиду, а оттуда через Сюверек (Сиверек, — О. В.) к месту переправы через Евфрат, вероятно, близ Хореса, приблизительно в середине между Самсатом и Гергером. Более вероятно, как мне кажется, что пролегающая через Армению линия шла не в этом, а в северном направлении — через Тавр в равнину Харберта и оттуда к Евфрату около Малатии» (Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен, изд. 2-е, переработанное и дополненное. Ереван, 1954, стр. 16—18. Там же имеется и схематическая карта направления «царской дороги» в пределах Армении). Если акад. Я. А. Манандян прав и если действительно направление «царской дороги» шло несколько севернее, чем это принято считать, то тогда еще более оправданным выглядит стремление десяти тысяч греков обойти переправу через Тигр у Джезиры и выйти на трассу дороги севернее, перевалив через западные, примыкающие к Тигру склоны Кардуческих гор. Это кажется тем более правдоподобным, что, как уже указывалось выше, шедшая в эти горы тропа вела, по показаниям пленных, именно туда, куда нужно, — в Армению. Весьма возможно, виной тому, что греки после семидневного перехода по Кардуческим горам оказались не на берегу Тигра, а в долине его притока Кентрита (древнее название реки Бохтан), была не тропа и не проводники, а кардучи, своими непрерывными атаками греческой колонны заставившие ее сбиться с пути. Кроме того, стремление греков воздержаться от форсирования переправы через Тигр в том месте, где он был достаточно глубок, а проникнуть дальше вверх по его течению, обойдя встретившиеся препятствия, углубившиеся и труднопроходимые горы, находит себе объяснение в следующих словах Ксенофонта, обращенных к его сотоварищам, удрученным казавшимся им безвыходным положением, в котором они очутились: «Если вы представите себе реки в виде непреодолимых препятствий, считая совершенные через них переходы губительными ошибками, то поразмыслите, не есть ли это также пустая выдумка варваров. Ведь через все реки, даже когда они непроходимы вдали от верховьев, можно перейти, не замочив при этом колен, если подойти к их истокам» (Ксенофонт, кн. III, гл. II, ст. 22). Вот почему «когда эллины прибыли туда, где Тигр совершенно непроходим из-за его большой глубины и ширины и где нельзя было также пройти вдоль берега потому что крутые кардуческие горы нависали над самой рекой, — тогда стратеги решили идти через горы. Дело в том, что они узнали от пленных, будто, если им удастся перейти кардуческие горы, они смогут переправиться в Армению через истоки Тигра, а если они не захотят этого сделать — обойти их кругом. Говорили также, будто истоки Евфрата находятся недалеко от Тигра, и оно так и оказалось» (Ксенофонт, кн. IV, гл. I, стр. 2—3). Если этот стих, следующий за ст. 1, также резюмирующим событиям, о которых рассказывается в предыдущих книгах, не является, подобно последнему, позднейшей вставкой, то он ясно излагает причины, заставившие греков стремиться вверх к истокам Тигра, где его легче было бы перейти, и вместе с тем в какой-то степени подтверждает мнение акад. Я. А. Манандяна о том, что «царская дорога» проходила севернее общепринятого для ее трассы направления. Я лично полагаю, что данный стих, подвергнувшийся значительной переработке позднейшими редакторами, в основе своей содержит подлинное зерно Ксенофонтовского рассказа.

⁵⁴ Ксенофонт, кн. III, гл. V, ст. 17.

⁵⁵ Ксенофонт. Анабасис, стр. 242.

⁵⁶ Ксенофонт, кн. IV, гл. I, ст. 12.

⁵⁷ Ксенофонт, кн. IV, гл. III, ст. 2.

⁵⁸ Первые сведения о кардучах греки получили, как мы уже говорили, от пленных, допрошенных греческим командованием после того, как греки убедились в невозможности форсировать Тигр. В числе этих пленных были и такие, которые «уверяли, что знают местность, расположенную от них в том или ином направлении» (Ксенофонт, кн. III, гл. V, ст. 14 и след.). Из их числа, по-видимому, были выбраны те проводники, которые, находясь в авангарде, показывали грекам дорогу (см. хотя бы: Ксенофонт, кн. IV, гл. I, ст. 20) и к которым вскоре прибавились захваченный Ксенофонтом в стычке с кардучами «язык» (Ксенофонт, кн. IV, гл. I, ст. 20 и след.), которого вскоре за его помощью при переговорах с кардучами отпустили, и дальше уже греки шли без проводника (Ксенофонт, кн. IV, гл. II, ст. 23—24). Из текста Ксенофонта неясно, кто были эти пленные — солдаты ли неприязнелюбской армии, или захваченные в плен местные жители, как полагает не без оснований М. Н. Максимова (Ксенофонт. Анабасис, стр. 266), тем более, что и персов и все другое местное население Ксенофонт в равной мере именует варварами, благодаря чему не всегда можно точно установить, с кем сражались греки — с пер-

«сибирскими войсками или с оказавшим им сопротивление местным населением. Судя по тому, что в числе осведомителей Ксенофонта были и кардухи, можно предположить, что термин «кардухи» был не только названием этого племени у соседних народов, но и самоназванием.

⁵⁹ Ксенофонт, кн. IV, гл. III, ст. 1.

⁶⁰ Ксенофонт, кн. IV, гл. I, ст. 8—9, II; кн. IV, гл. II, ст. 22; кн. IV, гл. III, ст. 1—2. Линия в самом начале вступления в область кардухов Ксенофонт говорит о необходимости двигаться вперед, так как не было достаточного количества продовольствия. Однако это случилось после того, как греки, увидев невозможность передвижения по горным тропам своего большого обоза, избавились от большей части его и, естественно, лишились и своих продовольственных запасов, ввиду чего им нужно было двигаться вперед до следующих селений кардухов (Ксенофонт, кн. IV, гл. I, ст. 15).

⁶¹ Ксенофонт, кн. IV, гл. I, ст. 20; кн. IV, гл. III, ст. 17.

⁶² Ксенофонт, кн. IV, гл. I, ст. 7.

⁶³ Ксенофонт, кн. IV, гл. III, ст. 1.

⁶⁴ Ксенофонт, кн. IV, гл. IV, ст. 1.

⁶⁵ G. de Morgan. Mission scientifique en Perse, t. II, стр. 27, прим. 2.

⁶⁶ Ксенофонт, кн. IV, гл. II, ст. 22.

⁶⁷ Ксенофонт, кн. IV, гл. I, ст. 8.

⁶⁸ Ксенофонт, кн. IV, гл. V, ст. 25.

⁶⁹ Ксенофонт, кн. IV, гл. I, ст. 8.

⁷⁰ Ксенофонт упоминает о «сильном буре» (кн. IV, гл. I, ст. 15) и «сильном дожде» (кн. IV, гл. II, ст. 2), которые застали греков во время их семидневного прохождения через область кардухов. А вскоре, попав в Армению, греки встретились уже со снегом.

⁷¹ Ксенофонт, кн. III, гл. V, ст. 9. Не исключена возможность, что скот этот, находившийся осенью в долине Тигра, летом выпасался в горах кардухов. Из того, что в горы кардухов не могли проникнуть персидские войска, не значит, что туда не проникали жители соседних районов. Наоборот, тот факт, что проводниками греческого отряда через кардухские горы явились жители соседних с этими горами районов по берегу Тигра, как будто свидетельствует об обратном — о том, что такие связи существовали. Если припомнить, что само расположение селений по обоим берегам Кентрита свидетельствовало о серьезной племенной вражде между кардухами и племенами Армении в эпоху Ксенофонта, то по отношению к южным соседям кардухов у нас скорее есть основания говорить о дружеских связях между ними.

⁷² Если в начале движения греков по территории кардухов отряды последних стремятся преградить неприятелю путь через горные перевалы в глубь страны, то когда греки подошли к долине Кентрита, кардухи, до того времени нападавшие с фронта и с флангов, начали нападать с тыла, стремясь ускорить уход греков с их территории. После того, как греки оставили большую часть вьючных животных и рабов, а также, по-видимому, часть своего обоза, кардухи, несомненно овладевшие какой-то частью брошенного греками имущества, неоднократно стремились отбить от греков их обоз, прибегая к обычной в горных условиях тактике — попыткам отрезать обоз, шедший в арьергарде, от основных сил.

⁷³ Ксенофонт, кн. IV, гл. I, ст. 23—24. Характерно, что когда на территории соседней Армении вскоре после этого греки захватили в плен «дочь комарха, вышедшую замуж за 9 дней перед тем» (Ксенофонт, кн. IV, гл. V, ст. 24), то комарх после этого дружески общался с греками, помогая им, был у них проводником и бежал от них только после того, как греки избили его, подозревая, что он неправильно показывает им дорогу (там же, гл. VI, ст. 2 и след.). Из слов Ксенофонта, что комарх «всякий раз, когда видел кого-нибудь из своих родичей, принимал его под свою защиту» (там же, гл. V, ст. 32), трудно, конечно, сделать вывод, что в этом можно усмотреть черты, свойственные родовому строю (Н. А. Манаджян. О торговле и городах Армении. . . , стр. 19). Так поступал бы каждый деревенский старшина и в древности, и в средние века, и в новое время.

⁷⁴ Ср. следующее характерное свидетельство одного из наблюдательных путешественников, посетившего в конце прошлого века ряд районов Курдистана: «Одна благородная женщина из племени мангулов в 1880-м году отправилась в гости к одной из своих знакомых из племени мамашей, недалеко от лазатов мамашей ей навстречу попался один из агаларов их, который обесчестил ее. Возвратившись в свои палатки, она сообщила о случившемся мужу; немедленно старшины и миря собрались и постановили кровью смыть оскорбление, нанесенное их племени. Все племя выступило походом против мамашей, и поход этот продолжался несколько лет. Со стороны мангулов пали 1000 человек, со стороны мамашей 200, были убиты предводители обоих племен и до сих пор еще продолжается вражда при смене каждого поколения, ибо жажда мести еще не утолена» (А. А. Аракелян. Курды в Персии. Изв. Кавказск. отд. РГО, т. XVII. Тифлис, 1904, стр. 25).

⁷⁵ Ксенофонт, кн. IV, гл. II, ст. 23.

⁷⁶ «Хирисоф в сумерки пришел к деревне и натолкнулся перед валом у колодца на женщин и девушек, носивших воду. Те спросили эллинов, кто они такие. Переводчик ответил по-персидски, что они идут от цари к сатрапу. Женщины сказали, что сатрапа здесь нет и что он находится на расстоянии примерно 1 парасаганга. Так как было поздно, то эллины вместе с водоносцами прошли по ту сторону вала к комарху» (К с е н о ф о н т, кн. IV, гл. V, ст. 9—10). Немного далее рассказывается, что когда Ксенофонт с комархом прошли несколько деревень, в которых весело шло развлечение там на постоя греческие солдаты, и «когда они пришли к Хирисофу, то застали и там пирующих, увенчанных венками из сена, а прислуживали им армийские мальчики в варварских одеждах. Мальчикам, словно глухонемым, они знаками давали понять, что им надлежит делать. После взаимных приветствий Хирисоф и Ксенофонт сообщали, через говорившего по-персидски переводчика, стали расспрашивать комарха, что это за страна. Он сказал, что это Армения» (там же, гл. V, ст. 30—34). Следовательно, Ксенофонт дважды подчеркивает, что в этой, примыкавшей с севера в районе долины Кентрита к стране Кардухов области Армении население говорило на таком языке, что с ним можно было объясниться при помощи переводчика, знающего персидский язык. Большая часть греческих воинов, не знаящая этого языка, объяснялась с населением «знаками». Допустить, чтобы местное население, а в особенности собравшиеся за колодезней у колодца женщины и девушки, знали персидский язык потому, что Армения в это время была одной из сатрапий Ахеменидского государства, вряд ли возможно, так же как должно быть исключено предположение, что эта область была населена персами. Единственно возможное предположение сводится к тому, что население этого района говорило на одном из иранских диалектов, допускающем взаимопонимание с теми, кто знал по-персидски. Поскольку именно здесь Ксенофонт снова после перехода через область кардухов встречается с лопадями и не только в войске персидского сатрапа западной Армении Трибаза (К с е н о ф о н т, кн. IV, гл. III, ст. 3 и гл. IV, ст. 21), но и у местного населения (там же, гл. V, ст. 24), которое платило конями дань царю, причем кони эти отличались от персидских (там же, гл. V, ст. 35), постольку не исключена возможность, что Ксенофонт рассказывает о посещении греками одного из осевших в этом районе киммерийских или скифских племен.

⁷⁷ Н. Я. Марр. Еще о слове челеби. ЗВО, т. XX, вып. II—III, СПб., 1911, стр. 139 и след., где автор приходит к выводу, что «к халдеям или, вернее, халдам тиготей курды, потомки кардухов, точнее продолжатели народных традиций этого племени, основой своего названия *kard*, resp. *kord* или *kard+u*. Одно из наиболее подлинных его названий — *karḍōuioi* (*kardu-ū*) формой, этническим суффиксом *ū* (*χ-oi*) выдает ифетическое свое происхождение; сама основа *kard*, resp. *kord* находит такое яркое совпадение в основе этнического названия самих грузин — груз. *garḥ*, мингр. *gorḥ+u* одной из наилучше сохранившихся национально ифетических народностей, что мы не удивимся, если с течением времени будет поддержано реальными переживаниями первоначальное тождество кардухов (курдов) и картов (грузин), ныне оторванных друг от друга тысячелетней историей. Язык курдский, очевидно, подвергся коренному изменению, полной замене ифетического арийским, но, по образному выражению Кер Портера, «правы курдов также неизменчивы, как скалы их края». Этот тезис Н. Я. Марра был первой по времени попыткой усомниться в правильности беспочвенной гипотезы «русских немцев» Куника и Лерха, видевших в курдах с их иранским языком, о чем речь уже шла выше, потомков сильных арийским духом северных халдеев. Отдавая индоевропейскому языкознанию курдский язык, терпевший для последнего при такой постановке вопроса всю свою привлекательность, Н. Я. Марр выдвигал взамен этого тезиса об автохтонности как курдов, так и их предков кардухов, в такой же мере, как и грузин и халдов. Можно, конечно, утверждать, что за те полстолетия, которые прошли с момента написания в 1908 г. этой интересной статьи, наука во многом ушла вперед и сегодня распознает значительным количеством неизвестных Н. Я. Марру фактов, так же как Н. Я. Марр знал о халдах неизмеримо больше писавшего за полстолетия до него П. Лерха, но тем не менее сама постановка вопроса и по сей день не теряет своей актуальности. Тем важнее, что Н. Я. Марр, лингвистическая теория которого в значительной, если не в основной своей части строилась на анализе этнонимических терминов, в примечании к этому своему тезису предупреждает, что «решение задачи зависит от правильной постановки дела сравнительного изучения всего комплекса культурно-этнографических явлений в жизни, с одной стороны, курдов, с другой стороны, ифетических народов, а не от более или менее остроумного сопоставления географических имен, которое может навязываться случайным созвучием. В отношении этнических терминов при настоящем девственном состоянии разработки их мы не можем утверждать и того, одного ли с основами *kard* (*karḍōuioi*) и *kord* (*gorḥ+u-γῆ*) происхождения *kurt* (*Kurtios*, *Curtius*) или это случайное совпадение двух терминов (там же, стр. 139, прим. 2). Как мы увидим ниже, сегодня нас вряд ли может удовлетворить выдвинутое Н. Я. Марром в этой работе решение проблемы этногенеза курдов; больше того, именно сегодня это решение выдвигается как единственно возможное и правильное последователями и продолжателями изучения курдов с позиций П. Лерха.

⁷⁸ Ксенофонт, кн. IV, гл. III, ст. 30—31. Любопытно, что кардухи, преследуя проходивших по горным склонам и через перевалы греков, сбрасывали на них и скатывали по склонам огромные каменные глыбы (Ксенофонт, кн. IV, гл. II, ст. 3 и 4), а также стремились совершать свои нападения поздним вечером или ночью, когда на их стороне было преимущество хорошего знания местности.

⁷⁹ Ксенофонт, кн. IV, гл. II, ст. 27—28.

⁸⁰ Входявшие в состав наемных войск сатрапа Армении Оронта отряды арменов, мардов и припонтийских халдеев были вооружены плетеными щитами и копьями (Ксенофонт, кн. IV, гл. II, ст. 4). Не лишено интереса также упоминание Ксенофонта о том, что оставший от персидского войска воин, попавший в плен к грекам, был вооружен «персидским луком, колчаном и секирой, подобной секирам амазонок» (там же, гл. IV, ст. 16). Для нас в этом случае интерес представляет не то, откуда мог знать Ксенофонт о форме секир у амазонок (Ксенофонт, Анабасис, стр. 272), а другое: как всегда наблюдательный, Ксенофонт сразу же обратил внимание на то, что вооружение пленного именно секирой отличалось от обычного вооружения персидских воинов. Так были вооружены, по словам Геродота, только входившие в состав персидских войск саки, которые «имели туземные луки, короткие мечи, наконец, секиры» (Геродот, кн. VII, ст. 64). Невольно напрашивается вопрос, не принадлежал ли захваченный пленник, назвавшийся персом, к какому-нибудь отряду из местных скифских племен.

⁸¹ См. изображение маннеев на ассирийском рельефе в Дар-Шаррукине, воспроизведенное Н. М. Дьяконовым в «Истории Мидии» (стр. 146); они держат в руках дротики. Очень схематическое и неумелое изображение тех же маннеев и на бронзовой обшивке чаши из клада в Зивийе показывает нам их с короткими копьями в руках (там же, стр. 364).

⁸² По словам Геродота, матиены, так же как и нафлагоницы, вооружены были малыми щитами и короткими копьями, а сверх того имели дротики и мечи (Геродот, кн. VII, ст. 72).

⁸³ В подобном списке употребительного у курдов оружия, составленном А. Аракелином, перечислены многие старинные, выходящие из употребления предметы вооружения, в том числе «мзрах» — копье из камышевого ствола длиной от 3 до 8 м; однако лук в этом списке отсутствует (А. А. Аракелин. Курды в Персии, стр. 19—20), упоминание о «длинном копье», входившем в ассортимент старого курдского вооружения, встречаем мы и у Ж. де Моргана (J. de Morgan. Mission scientifique en Perse, t. II, стр. 40, там же приводятся две фотографии этих старинных курдских доспехов, в том числе и копья). Свидетельством широкого распространения у курдов дротика служит пережиточно сохраняющаяся в среде аширетных курдов военно-спортивная игра «таккалэ». Вот как описывает эту игру Беляев: «К числу упражнений, оставшихся у курдов от времени употребления ими холодного наступательного оружия, как пика, сабли, щита и брони, вышедших теперь совершенно из употребления, относится игра с так называемой «таккалэ». Упражнение это производится верхом. Оно состоит в том, что всадник на карьере мечет вперед небольшую (аршина полтора длины) палку. Таккалэ, отскакивая от земли, поднимается снова в воздух, и в этот момент всадник должен поймать ее, не меняя аллюра. Упражнение это требует большой силы и ловкости, так как если палка ударится о землю прямо перед конем и не достаточно сильно, чтобы быстро отскочить и подняться в воздух, то она может, отскочив, ранить коня в голову и грудь. Помимо одиночного упражнения, существует игра в таккалэ вдвоем. При этом один всадник на полном карьере старается догнать другого и попасть в него таккалэ. Доскакав до конца арены, всадники меняются ролями и второй преследует первого. Хотя палка эта и тулая и не особенно тяжелая, но сильно брошенная и притом с инерцией несущегося в карьер всадника, она наносит страшный удар» (Д. Беляев. Очерк северо-восточной части Персидского Курдистана. Изв. штаба Кавказского Военного Округа, № 29. Тифлис, 1910, стр. 30—31). Единственное известное мне упоминание лука в качестве употребительного у курдов оружия, это записанный мной у курдов Закавказья вариант поэмы «Мам и Зипи», в котором состязание между Мамом и отцом Зипи происходит не в шахматной игре, а в стрельбе из лука («Мам и Зипи», курдская повесть. Записи и перевод О. Л. Вильчевского. Сказки народов Востока. Л., 1938).

Любопытным свидетельством того, насколько долго основным вооружением курдского воина считался дротик, служат следующие строки Дениса Давыдова из его стихотворения, написанного в районе Алагеза, Арарата и Аракса во время русско-персидской войны 1826 г.:

Вы видели: я не боюсь
Ни пули, ни дротика куртинца,
Лечу, стремглав, не дуй в ус,
На пож и пашку кабардинца.

(Денис Давыдов. Стихотворения.
Библиотека поэта, Малая серия.
Л., 1953, стр. 154).

⁸⁴ Ксенофонт, кн. IV, гл. III, ст. 27.

¹ Повесть временных лет. Подготовка текста Д. С. Лихачева, перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова, под редакцией Б. П. Адриановой-Перец. Серия «Памятники мировой литературы», Л., 1950, стр. 9 и 205. Кардуна стоит в Повесть временных лет на месте Корбона Хроники Георгия Амартола, которой соответствует Кордуена, или Гордиена, древних авторов — область в верховьях Тигра на юге Армении, соответствующая стране Кардухов Ксенофонта (Повесть временных лет, ч. II, стр. 206). О связи «Повести временных лет» с хроникой Георгия Амартола и ее первоисточником — хроникой Иоанна Малалы см.: А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. Тр. Общ. древней русск. литер., т. IV, Л., 1940, стр. 72. Помещая в соответствии с древней традицией Кордуну и Мидию до реки Евфрат в пределы «жребия Симова», тот же источник относит остальную часть Мидии, а также Армению к «жребию Нафетову», т. е. рассматривает эти последние страны, как населенные племенами, прибывшими сюда с севера, в то время как население Кордуны и других стран «жребия Симова» трактуется как автохтонное. Как отражение той же традиции данный источник отнесит к «жребию Нафетову» область, по которой протекает «река Тигр, текущая между Мидией и Вавилоном» (там же, стр. 10 и 206), косвенно подтверждая, таким образом, мнение Ксенофонта, отождествившего эту область с Мидией (см. выше, стр. 59).

² Книга Марко Поло. Перевод старофранцузского текста Н. П. Минаева. М., 1955, стр. 58.

³ В. В. Болотов. Из истории церкви сиро-персидской; экскурс в «Смутное время в истории сиро-персидской церкви», стр. 55 и след.

⁴ Maurizio Garzoni. Grammatico et Vocabolario della Lingua kurda. Nella stamparia della sacra Congregazione di Propaganda Fide. Roma, 1875. Доминиканец М. Гарцони был послан в Курдистан вместе с Д. Сольдини. Об их поездке см.: Domenico Sestini. Viaggio da Constantinopoli a Bassora 1786 Vidggio diritorno la Bassora a Constantinopoli. S. I., 1788. Французский текст работы Д. Сольдини, куда включена и заметка М. Гарцони о езидях, см.: D. Söldini. Voyage de Constantinople à Bassora en 1781 par le Tigre et l'Euphrate et retour a Constantinople en 1782 par le désert et Alexandrie. Paris, 1798. Полное собрание сочинений Д. Сольдини «Viaggio et Opuseuli diversi» вышло в 1907 г. в Берлине.

⁵ Fragen an eine Gesellschaft gelehrter Männer die auf Befehl Ihre Majestät des Königs von Danemark nach Arabien Reisen. Frankfurt am Main, 1762.

⁶ Книга Марко Поло, стр. 63 и след.

⁷ Статья А. Л. Шлецера «Von den Chaldaern» помещена в издававшемся Н. Д. Михаэлисом «Repertorium für Biblische und morgenländische Literatur», Т. VIII, 1787, стр. 113—176.

⁸ А. Л. Шлецер. План путешествия на Восток. Журн. Мин. Народн. просв., т. XXV, ч. V, 1840, стр. 1—4.

⁹ Рецензия Михаэлиса на грамматику Гарцони помещена в «Neue Orientalische und Exegetische Bibliothek», т. VI. Геттинген, 1789, стр. 153—177. Об экспедиции Нибура см.: M. Niebaur. Reisebeschreibung nach Arabien und andere umliegende Länder. Bd. 1 и 2. Kopenhagen, 1774—1778; Bd. 3. Hamburg, 1837.

¹⁰ П. Паллас. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. СПб., ч. I, 1787; ч. II, 1789. Курдские слова помещены под № 77, числительные — под № 111. В основном П. Паллас для курдского языка использует материалы Гюльденштедта, опубликованные в его «Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge», ч. II, стр. 545—552.

¹¹ Статья G. Hörnle помещена в III книге издававшегося в Базеле «Magazin für die neueste Geschichte der Evangelischen Missions und Bibelgesellschaften» за 1836 г.

¹² Kurdische Studien von E. Rödiger und A. F. Pott. Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, т. III, стр. 1—63; т. IV, стр. 259—280; т. V, стр. 57—83; т. VII, стр. 91—167.

¹³ Essai pour éclaircir au moyen de l'histoire comparée la question de l'influence des Iraniens sur les destinees de la race semitique. Mel. Asiat, т. I, стр. 540, прим. 21. Ср. также: Журн. Мин. Народн. просв., т. XC, отд. V, 1856, стр. 59 и след.

¹⁴ E. Renan. Histoire générale et système compare des langues semitiques. Paris, 1885, ч. I, стр. 27—33, 54—62, 433 и след. В. П. Никитин (Les Kurdes, стр. 8, прим. 1) напрасно считает, что мысль о связи взглядов Куника и Ренана на происхождение курдов принадлежит мне. Ее еще раньше высказывал акад. Н. Я. Марр (Еще о слове челеби, стр. 138, прим. 3). Ее же сформулировал на стр. 2 своего исследования П. Лерх: «Оба ученые того мнения, что не допустив существования значительного иранского элемента в истории древних государств на Тигре и Евфрате, нельзя понять высокое значение, которое они имеют в истории нашей образованности». Эта теоретическая предпосылка имела, по словам П. Лерха, в его время глубоко практическое значение, поскольку «дело идет о возрождении способных к новой и высшей жизни племен востока. Нет сомнения, что между немногими племенами

западной Азии, подающими некоторую надежду в этом отношении, Курды более Турок возбуждают интерес соплеменного им индо-европейца».

¹⁵ Н. Л е р х. Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях. СПб., 1856, кн. 1, стр. 2. Как мне уже пришлось отмечать раньше (О. Л. В и л ь ч е в-ский. Марр и курдоведение. Язык и мышление. VIII, 1937, стр. 214, прим. 1), не лишено интереса то обстоятельство, что, во-первых, в немецкий текст своей монографии, который был издан одновременно с выходом в свет II и III книг русского издания в 1856—1857 гг., Лерх не включил ранее вышедшую I книгу, хотя именно в ней и сосредоточены все рассуждения о гипотезе Куника, и, во-вторых, озаглавил немецкое издание несколько иначе, а именно: «Forschungen über die Kurden und Iranischen Nord-chaldäern», хотя на стр. VII первого выпуска немецкого издания русское заглавие монографии переведено совершенно точно: «Forschungen über die Iranischen Kurden und ihre Vorfahren die nordischen Chaldäern». По-видимому, П. Лерх, так и не закончивший своего исследования о курдах, уже через год после выхода в свет первой книги убедился в неправильности тезиса Куника, что и вызвало изменение заглавия в немецком издании.

¹⁶ См. об этом подробнее в моей статье: Марр и курдоведение. Язык и мышление. VIII. Наиболее четко эта точка зрения сформулирована В. Ф. Минорским: Le classement des Kurdes parmi les nations iraniennes est basé principalement sur les données linguistiques et historiques et ne préjuge, pas de la complexité d'éléments ethniques incorporés par les Kurdes (статья «Kurdes» в т. II «Encyclopedie de l'Islam»). Нельзя не отметить, впрочем, что идея Куника обосновать с помощью курдов прогрессивную роль арийцев в создании переднеазиатской культуры, встречала у многих сторонников иранского происхождения курдов скептическое к себе отношение, поскольку эту идею надо было согласовать с прочно установившемся в западноевропейской науке мнением о «варварстве» курдов (см.: F. Justi. Kurdische Grammatik. St-Ph., 1880, стр. IV). В связи с аналогичными характеристиками курдов французским ориенталистом Катрмером как «дикий народности», лишенной каких бы то ни было мирных культурных качеств, и Нельдеке, полагавшим, «что курд был и есть воплощение всего некультурного», находится злая реплика Н. Я. Марра: «По-видимому, даже ученые ориенталисты не способны представить себе культурность вне земледелия и специальных форм торговли, а также без писания научных трактатов» (Н. Я. М а р р. Еще о слове челеби, стр. 126).

¹⁷ Th. N ö l d e k e. Kardu und Kurden. Festschrift F. H. Kieper. Berlin, 1898; M. H a r t m a n n. Bohtan. Mitt. d. Vorderasiatische Gesellschaft, 1896, вып. 2; 1897, вып. 1. См. также статьи Вейсбаха о кардухах и куртиях в «Real Encyclopedie Pauly-Wissowa». Как убедительно показывает В. П. Пикитин (Les kurdes, стр. 2 и след.), указанные авторы, с одной стороны, устанавливали связь кардухов с картвелами, впоследствии развитую одним из крупных знатоков Древнего Востока С. Ф. Леман-Хауптом (C. F. L e h m a n n-H a u p t. On the origin of the Georgian. «Georgica». London, 1937, №№ 4 и 5), параллельно отмечая связь термина «карду» с акадо-ассирийским «карду» 'сильный герой' и «караду» — 'быть сильным', с другой же стороны, отказывались от сближения термина «карду» с «курд», предпочитая сближать последний с наименованиями киртиев, или гордиев, Древнего Востока.

¹⁸ Н. Я. М а р р. Еще о слове челеби, стр. 150.

¹⁹ Н. Я. М а р р. Еще о слове челеби, стр. 121, со ссылкой на «Историю Армении» Чамчана.

²⁰ Н. Я. М а р р. Еще о слове челеби, стр. 139.

²¹ Н. Я. М а р р. Еще о слове челеби, стр. 167.

²² Н. Я. М а р р. Еще о слове челеби, стр. 139, прим. 2. Приводимые акад. Н. Я. Марром в качестве примера возможных курдско-грузинских параллелей курдск. *bag* — груз. *tata* 'отец' и курдск. *de, di* — груз. *deda* 'мать' относятся к тому широкому фонду не укладывающихся в рамки индоевропейских норм слов, которые представляют собой бесспорно следы доиранского субстрата не только в курдском, но и в большинстве живых иранских языков Западного Ирана, Малой Азии и Закавказья. Как мне приходилось отмечать в другой связи, такого рода слова в периодических толковых словарях часто имеют помету زبان رومی 'ромейский язык' или же زبان یونانی 'греческий (дословно — ионийский) язык', свидетельствующую о том, что они воспринимались авторами этих словарей как слова малоазиатского происхождения; европейские лексикографы некритически переводили эту помету как «lingua graeca», хотя снабженные ею слова никакого отношения к греческому языку не имели (О. В и л ь ч е в-ский. Лингвистические материалы по истории общественных форм в Курдистане. Сб. «Иранские языки», I, 1945, стр. 19). О характере такого рода субстратных явлений, родивших курдов и их язык со всем комплексом автохтонных народов и языков Малой Азии, см. выше, стр. 14, .

²³ «В низах происходило массовое скрещение курдской и турецкой крови, процесс ассимиляции, продолжающийся и в наши дни. В выработке как этнического, так и культурного типа малоазиатских турок, естественно, не могло не сказаться явление наиболее тогда социально сродного народа, давшего из своей среды ряд талантливых воинов и выдающихся политических деятелей» (Н. Я. М а р р. Еще о слове челеби,

стр. 124). То, что акад. Н. Я. Марр первый, пожалуй, указал на ту особую роль, которая принадлежит курдским племенам в формировании малоазийских турок, является безусловной заслугой этого прекрасного знатока этнического состава Передней Азии. К сожалению, вопрос этот до сих пор остается неисследованным, хотя уже тот факт, что турецкая орфография арабской графики восходит, несомненно, к курдской традиции, которая, в свою очередь, принципиально отличается от персидской (см.: О. В и л ь ч е в с к и й. Обзор зарубежных курдских печатных изданий в XX столетии. Сб. «Иранские языки», I. Л., 1945, стр. 147, прим. 1), свидетельствует о крупном культурном вкладе курдов в культуру малоазийских турок. Роль курдских племен в формировании малоазийских турок была не меньшей, чем роль иранских (татских, талышских, гилекских, курдских и др.) племен в формировании азербайджанцев.

²⁴ G. R. D r i v e r. 1) The Dispersion of the Kurds in ancient Times. JRAS, 1921, вып. 4; 2) The name «kurde» and its Philological connexions. JRAS, 1923, вып. 3; 3) Studies in Kurdish History. BSOS, 1922, т. II, ч. III.

²⁵ Н. Я. М а р р. Еще о слове челеби, стр. 123, 148 и след.

²⁶ Н. Я. М а р р. Еще о слове челеби, стр. 117.

²⁷ См. работу: Kemal G ü n d ö z. Sunubî Anadolu yürüklerinin etnoantropolojik tetkiki. Ankara, 1941, и построенную на ней статью: А. Д. Н о в и ч е в. Турецкие кочевники и полукочевники в современной Турции. Советская этнография, 1951, № 3. Из этих работ явствует, что значительная часть «кочевых турецких племен» в Западной и Центральной Анатолии по своему этническому происхождению являются иранцами или, возможность чего также не исключена, что эти племена, как и курдские, предвременно подверглись «лингвистической иранизации». О вхождении лурских и других иранских племен в состав тюркоязычных в настоящее время племенных объединений, см.: О. В и л ь ч е в с к и й. Мукурские курды, стр. 181, там же и литература по этому вопросу. Ср. также, уже для более позднего, правда, времени, включение обитавших аборигенов южного побережья Каспийского моря талышей в состав бесспорно тюркского объединения племен Шахсевен (Б. В. М и л л е р. К вопросу об языке населения Азербайджана до отуречения этой области. Уч. зап. Инст. национальн. и этнич. культур народов Востока СССР, РАННОН, М., т. I). Можно, наконец, напомнить о вхождении части курдского племени зилин в тюркоязычную конфедерацию Джелали, а также хорошо известное объединение Хамсе, в состав которого входит тюркские, иранские и арабские племена.

²⁸ Н. Я. М а р р. Еще о слове челеби, стр. 149.

²⁹ Cheref-nameh ou fastes de la nation Kurd par Cherefondinne prince de Bidlis. Trad. par F. B. Charmoy. St-Pb., 1873, т. I, стр. 229. Арабская транскрипция *كردى* — *кардуки* — прекрасно передает термин «кардухи». Предложенное Ф. Б. Шармуа чтение с изменением огласовки *курдеки* отпадает, так как такого названия племени у курдов нет.

³⁰ В ассирийских источниках название Урарту в древнейшую эпоху связывается с территорией, находящейся юго-восточнее озера Ван (Г. А. М е л и к и ш в и л и. О древнейшем очаге урартуских племен. Вестник древней истории, 1947, № 4, стр. 29), где, видимо, находился первоначальный центр халдских племен, обитавших по верхнему и среднему течению р. Большой Заб (Г. А. Меликишвили вопреки твердо установленной восточной, европейской и русской географической традиции почему-то именует эту реку «Верхний Заб»), т. е. в том районе, население которого, в особенности кочевые скотоводческие племена, подверглось уже к середине I тысячелетия до н. э. значительному воздействию иранских элементов и который является одним из исконных курдских районов. Следовательно, практически Н. Я. Марр был не так уж далек от истины, когда он говорил о возможных курдско-халдских связях. Неиние напомнить в этой связи, что позднее этот район входит в сферу влияния шемдинанского, или орамарского, шейха из рода халиди, или, в курдском произношении, халди, имеющего резиденцию в сел. Нери (نهری) на ирано-турецкой границе. В этом селении, название которого так близко к термину Наири (в курдском долготное е исторически восходит к дифтонгу *ей, ай*), во дворе резиденции орамарских шейхов находится высокий каменный столб с клинописной надписью, пользующийся почитанием курдов в качестве священного камня. Род орамарских шейхов, по традиции считающих своим эпономом известного мусульманского деятеля Халида ибн-Валида, одновременно возводит себя к числу последователей потомков известного суфия Абд-уль-Кадыра Гилини. Таким образом, мы опять возвращаемся к периоду между арабским завоеванием и монгольским нашествием как к эпохе, когда старые реминисценции приобретают новое осмысление и новое оформление.

³¹ Значительную часть своего исследования акад. Н. Я. Марр посвящает выяснению связей курдских исламских сект — езидства, ахле-хакк и других с близкими к ним по природе сабейскими и христианскими сектами — павликианами, богумилами, альбигойцами, кактарами и др. Все эти по большей части тайные и гонимые официально церквами секты акад. Н. Я. Марр рассматривает как народные религиозные языческие движения, уходящие своими корнями в седую старину. Расцвет этих народных религиозных движений в средние века акад. Н. Я. Марр связывает с ростом антифеодальных движений. О связи суфизма как с кругами городской антифеодальной

оппозиции, так и с антифеодальными курдскими народными религиозными сектами см.: О. Вильчевский. Лингвистические материалы по истории общественных форм в Курдистане, стр. 20—21. Уходящее своими корнями в языческие местные доисламские верования езидство в его нынешнем состоянии крайней суфийской секты (так же как и секта ахле-хакк, представляющая собой крайнюю шиитскую секту) возникло в XII в. н. э., когда происходившим из Баальбека мусульманским богословом Шейхом Ади (ставшим впоследствии мусульманским и христианским святым одновременно) был основан дервишеский орден Адавийе, трансформировавшийся вскоре в тайную мусульманскую секту езидов.

³² О. Л. Вильчевский. Н. Я. Марр и курдоведение, стр. 217.

³³ О. Л. Вильчевский. Н. Я. Марр и курдоведение, стр. 231.

³⁴ V. Minor sky. Les origines des kurdes. Travaux du XX Congrès des Orientalistes. Bruxelles, 1940, стр. 143—152.

³⁵ Пактика, или Пактийская земля (πακτική), по словам Геродота, находится в 13 сатрапии (Геродот, кн. III, ст. 93). Кроме того, Геродот применяет этот же термин к области на севере Индии, около Каспатира, т. е. примерно там, где должна быть Бактрия (Геродот, кн. III, ст. 102 и кн. IV, ст. 44). О самих пактиях Геродот говорит только в связи с их вооружением в составе персидского войска (Геродот, кн. VII, ст. 67, 68, 85). Не исключена возможность, что в пактиях мы имеем не автохтонное племя, а переселившихся в район нынешнего Бохтана бактрийцев. Если это предположение оправдается, то легко будет объяснить связь курдского языка с языком ормури на территории нынешнего Афганистана.

³⁶ V. Minor sky. Les origines des kurdes. Нельзя не отметить, однако, что количество подобного рода легендарных и полуполегендарных эпонимов у курдов весьма велико, и нет, пожалуй, ни одного сколько-нибудь крупного курдского племени, которое не обладало бы одной, а то и несколькими легендами такого рода. Автор Шереф-наме, откуда В. Ф. Минорский почерпнул легенду о двух братьях, эпонимах бохтанских курдов, довольно тщательно излагает сведения о такого рода эпонимах у большинства из курдских племен. В некоторых случаях в этих легендах мы имеем весьма древние reminiscences, однако, как правило, преломившиеся через призму средневековой истории курдских племен. См. в этой связи легенды об эпонимах мукринцев (О. Вильчевский. Мукринские курды, стр. 181, прим. 6).

³⁷ См. по этому вопросу статью В. Ф. Минорского «Kurdes» во II томе «Encyclopedie de l'Islam», где приводятся и основная литература; см. также: V. Minor sky. Les tsiganes lufi et les lurs persan. J. A., т. CIXIII, 1930, стр. 281 и след. Нам еще придется вернуться к тому весьма любопытному обстоятельству, что для ранних арабоязычных авторов, как это установил В. Ф. Минорский, «курдами» именуется кочевые племена Фарса, Исфагана и других районов Центрального Ирана, а территория нынешнего Курдистана называется *Zavazan* — арабизированной формой курдского *zozan* «кочевье». Характерно, что согласно этой традиции основатель Сасанидской династии Ардешир Папакан происходил из «курдского» племени. Современные курдские историки — Амин Заки, Хусейн Хузин Мукриани, Рашид Ясеми и другие широко используют в своих работах это второе значение термина «курд». Эта точка зрения так же мало соответствует истине, как, например, утверждение некоторых грузинских историков о том, что обитавший на территории нынешнего Мукринского Курдистана народ манна был одним из предков грузинского народа, на том лишь основании, что ассирийский царь Саргон разорил населенную маннейцами богатую область во время своего похода на Урарту, а урартийцы обладали языком, который генетически можно сопоставлять с грузинским (см.: Н. Бердзенишвили, П. Джавахишвили, С. Джавахишвили. История Грузии, ч. I. Тбилиси, 1946, стр. 35 и след.). И. М. Дьяконов, повторяя традицию азербайджанских историков, относит маннейцев к мидийцам (И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 143 и след.), а В. Ф. Минорский — к предкам курдов.

³⁸ V. Minor sky. Les origines des kurdes, стр. 147.

³⁹ См. хотя бы опубликованную А. Шанидзе армянскую рукопись, в которой, кроме албанского алфавита, содержится перевод «Отче наш» на ряд языков, в том числе и на «мидийский». Как установил Б. В. Миллер, «мидийский язык является в этом случае мукринским диалектом курдского языка». См.: А. Шанидзе. Новоткрытый алфавит кавказских албанцев. Изв. Инст. языка, истории и материальной культуры, Груз. фил. АН СССР, т. IV, вып. 1, 1938.

⁴⁰ Если и могли быть какие-нибудь сомнения в правильности утверждения В. Ф. Минорского о постепенном повышении удельного веса иранских элементов на территории Западного Ирана, то они должны окончательно отпасть после подробной и обстоятельной разработки этого вопроса И. М. Дьяконовым в его «Истории Мидии». Единственно, что, пожалуй, не подтвердилось из соображений В. Ф. Минорского, это отождествление небольшой области Парсуа ассирийских источников, расположенной рядом с областью Замуа, с Персией. Нельзя не согласиться с И. М. Дьяконовым, что, несмотря на возможную общность этимологий, мы имеем дело с двумя совершенно различными областями, название которых по значению приблизительно совпадает с русск. «Украина, Окраина» (И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 68). Следо-

вательно, соображения В. Ф. Минорского о передвижении персидских племен из района Мидии в район Фарса, построенные на отождествлении этих двух этно-топонимических терминов, отпадают, так же как отпадают отмечавшиеся выше попытки сопоставлять в генетическом плане курдов Исфагана, Фарса и других районов Центрального и Южного Ирана с курдами горных районов Малой Азии, построенные на таком же отождествлении созвучных терминов, обладающих не только этническим, но и социальным значением (см. прим. 37). Касаясь проблемы взаимоотношений между мидийцами и персами, следует отметить, что если В. Ф. Минорский проводит четкую грань между племенами мидий и персов, то И. М. Дьяконов, наоборот, стремится по мере возможности растворить персов в мидийцах. Это относится к его утверждению, что в языке и графике персидской клинописи имеются мидийзмы, свидетельствующие, что персы получили письменность через посредство мидий, хотя речь идет всего лишь о том, что реальные факты персидского языка в том виде, как его донесла нам весьма несовершенная клинописная графика, подчас не совпадают с гипотетической реконструкцией персидских форм средствами сравнительного языкознания. Это же относится и к зачислению И. М. Дьяконовым, на основании возможного сближения с Зикерту, в число мидийских племен сагартиев, несмотря на совершенно недвусмысленное свидетельство Геродота о том, что сагартиняне являются персидским кочевым племенем (Геродот, кн. I, ст. 125); при этом И. М. Дьяконов без всякого основания считает, что уже в эпоху Геродота племенная структура не только для оседлых, но и для кочевых мидийских и персидских племен была всего лишь пережитком (И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 187, 225, 339, 340). Между тем только наличием родоплеменной структуры у иранских племен, прибывших в горные районы Малой Азии, мы можем объяснить сохранение ее курдами. Несмотря на значительное влияние арабских и тюркских форм на структуру курдских племен, в основе ее лежат несомненно иранские формы. На этом последнем, в сущности, основано указывающееся выше объединение ираноязычных кочевых племен на различных территориях термином «курды», и на этом построена, как мы увидим ниже, единственная возможная этимология этого названия курдов, после того как отпала возможность видеть в курдах прямых потомков кардухов, куртиев или каких-либо других близких по названию племен и народов Древнего Востока.

⁴¹ Эти обстоятельно аргументированные соображения В. Ф. Минорского подтверждают изложенные выше предположения о соответствии Мидии Ксенофонта Матиене-Геродота (см. выше, стр. 59). Нельзя не согласиться с В. П. Никитиным в его высокой оценке филологического анализа терминов «мада», «мания», «матиепа», «мард» и других, произведенного В. Ф. Минорским (В. Nikitin. Les Kurdes, стр. 10—12 и 14). Особенно убедительным кажется этот анализ потому, что он учитывает фонетические нормы курдского языка.

⁴² Если семантически еще можно допустить образование такого рода «скрепленного» этнического термина, то, во всяком случае, не в качестве самоназвания; термин же «курмандж» никем из соседних народов не употребляется и является исключительно самоназванием курдского народа, а также названием курдского языка (*курманджи*). Фонетически нет никаких оснований для появления *д* в конце первой половины термина и отпадения *дж* в конце второй. Реконструированный В. Ф. Минорским термин «курмандж» получил в последнее время распространение в кругах курдских националистов в качестве «универсального» названия курдов.

⁴³ В. Ф. Минорский. Курды, Журн. ИИД, Игр., 1915. Статьи В. Ф. Минорского «Kurdes» и «Kurdistan» во II томе «Encyclopedie de l'Islam». Подробное изложение точки зрения В. Ф. Минорского на происхождение курдов см. также: Амин Заки. История курдов и Курдистана, стр. 41 и след. Нельзя забывать, что непосредственная связь кардухов с курдами впервые была широко обоснована переводчиком Шерешпапе Шармуа (Cheresh-papah, trad. F. B. Chahnoy, т. I, ч. I, стр. 21 и след.).

⁴⁴ Это обстоятельство, учитываемое в должной мере В. Ф. Минорским с еще большей подробностью раскрывается на обширном фактическом материале И. М. Дьяконовым в его «Истории Мидии». В настоящее время можно считать прочно установленным, что в период, предшествовавший сложению Мидийского и Древнеперсидского государств, происходил сложный и, по-видимому, весьма болезненный процесс смещения иранских кочевых племен с племенами местного населения. Хотя удельный вес иранских и местных элементов в этом процессе не всегда был одинаков, а многие стороны его до сих пор еще не выяснены, тем не менее можно с большой долей вероятности утверждать, что столь явственно ощущаемое на территории Малой Азии различие между скифо-киммерийской и индо-персидской струями иранских, бесспорно, элементов должно находить себе объяснение не только в различиях, существовавших на месте первоначального обитания иранцев, но и в различии их исторических судеб впоследствии, т. е. в различной природе субстрата. Так, например, обстоит дело с культурной характеристикой зивийскогоклада (см. выше, стр. 55). Приходится, однако, еще раз подчеркивать, что как бы глубоки ни были результаты этого процесса, они не могли в условиях родового строя и даже на первых этапах зарождения классового общества привести к полному слиянию всех захваченных этим процессом компонентов, к обра-

зованию новых этнических общностей, как это имело место в эти же годы в районах Малой Азии, где рабовладельческое общество достигло высокого развития.

⁴⁵ Всемирная история, т. 1, стр. 593.

⁴⁶ В этой связи не лишне еще раз вспомнить мысль Н. М. Дьяконова о том, что первоначально мидийский союз племен возник и некоторое время существовал как союз неиранских племен и что иранская часть этого союза уже позднее вошла в его состав под общим названием «племя ариев» (аризанты), причем, как показывает само название, это было творчески образованное племя, куда вошли представители различных иранских племен, объединенные по признаку чужеродности их по отношению к другим племенам союза (см. выше, стр. 135, прим. 58). Если это так, то, даже учитывая возможность появления затем в составе Мидийского союза и других иранских племен, мы должны будем констатировать, что иранский элемент имел здесь весьма разношерстный характер и племенные диалекты этих иранских племен находились в самой различной степени близости друг к другу. Даже если говорившие на этих диалектах общались между собой, сами диалекты тем не менее не образовывали общую систему, которую можно было бы противопоставить другой группе диалектов племен, входивших в состав других племенных объединений. Мидийского языка эти диалекты не составляли уже потому, что не было сложившегося мидийского этноса. Совершенно понятно поэтому, что когда после падения Мидийской державы на ее развалинах образуется Персидское государство с персидским союзом племен во главе, то, по свидетельству современников, особой разницы между персидским и мидийским языком не оказалось, и, как это видно из рассказа Ксенофонта, персидские переводчики имели возможность общаться с различными ираноязычными племенами Персидской державы, что свидетельствует о бесспорной близости между собой если не всех, то значительного большинства иранских племенных диалектов, и в такой же мере свидетельствует, что для противопоставления этих диалектов, близких друг другу, по принципу вхождения говоривших на них племен в племенные конфедерации, у нас нет оснований. Эти различия появятся впоследствии, когда, с одной стороны, укрепятся связи между живущими общей жизнью племенами, а с другой стороны, появятся другие иранские племена, говорящие на других диалектах.

⁴⁷ Попутно следует лишь заметить, что независимо от того, насколько убедительной оказывается намечаемое в результате такой реконструкции мидийского языка его отличие от древнеперсидского, этот вопрос не имеет никакого отношения к констатируемому В. Ф. Минорским различию между курдским и новоперсидским языком. Во-первых, как хорошо известно, новоперсидский язык не является прямым потомком древнеперсидского. Больше того, даже к языку раннего иранского средневековья, к языку Сасанидского Ирана, новоперсидский язык, сложившийся вместе с таджикским языком в Средней Азии и на востоке Ирана, не имеет непосредственного отношения. Вполне естественно поэтому, что курдский язык, складывавшийся в Малой Азии, может и должен быть противопоставлен новоперсидскому языку. Из этого не вытекает, однако, что курдский язык должен быть в такой же мере противопоставлен древнеперсидскому языку ахеменидских надписей и среднеперсидскому пехлеви; и с тем и с другим у курдского языка гораздо более интимные и тесные связи генетического и типологического порядка, чем у новоперсидского языка. Во-вторых, такое противопоставление снимается, когда мы от сопоставления курдского с персидским литературным языком обратимся к сопоставлению живых диалектов Западного Ирана с курдскими диалектами и сразу же обнаружим значительное количество «переходных» диалектов — от курдского к курскому, бахтиарскому, прикаспийским языкам и т. д. Как показывают диалектологические исследования В. А. Жуковского, О. Манна, Хаданка, Б. В. Миллера и других, весь этот многообразный комплекс западноиранских говоров, племенных и местных диалектов может быть с успехом противопоставлен персидскому литературному языку и генетически, и типологически. Что же касается тезиса В. Ф. Минорского относительно противопоставления персидского мидийскому по аналогии с противопоставлением курдского персидскому, то в основе его лежит попытка Кесреви Тебризи противопоставить по тому же принципу иранские говоры Азербайджана персидскому языку и обосновать это противопоставлением мидийского языка персидскому. В обоих случаях предполагается непрерывная линия развития от мидийского к азерб. или курдскому (что еще допустимо), которой противопоставляется такая же непрерывная линия от древнеперсидского до новоперсидского (что абсолютно невозможно). Кстати, та же идея о непрерывном развитии мидийского языка вплоть до наших дней заставила Н. М. Дьяконова увидеть непосредственные reminiscences мидийской фонетики в констатируемом Б. В. Миллером влиянии тюркской речи на фонетический облик современных иранских наречий Азербайджана (Н. М. Дьяков. История Мидии, стр. 381, прим. 1).

⁴⁸ Б. В. Миллер. Талышский язык. М., 1953, стр. 255 и 261.

К главе шестой

¹ Хорошо знающий Курдистан английский путешественник капитан Диксон, отмечая отсутствие общего антропологического типа у курдов, пишет: «Антрополог мог бы отметить в них монголов, скифов, киммерийцев, галлов, римлян, греков и я не

знаю еще что» (B. Dickson. Journey in Koordistan. JRGS 1919, стр. 361). Н. Я. Марр, ссылаясь на это непосредственное впечатление путешественника, тем не менее не считает возможным принимать его всерьез (Н. Я. Марр. Еще о слове челеби, стр. 138, прим. 2). Приводимое В. П. Никитиным мнение В. Е. Аллена о том, что сложное горных племен Малой Азии и Закавказья, обладающих вариантами племенного названия, образованного от корня *к-д* (к числу которых В. Е. Аллен причисляет и курдов и картлийцев), связано с нашествием скифов и киммерийцев (В. Nikitin e. Les kurdes, стр. 3, прим. 4), не имеет под собой серьезного основания, хотя бы потому, что вопрос о том, когда и почему термин «*курд*» получил распространение в качестве названия, а тем более самопазвания курдского народа, до сих пор не получил удовлетворительного разъяснения, проблема же непосредственного отождествления курдов с грузинами кажется более чем спорной. Попытка В. Ф. Минорского увидеть в курдском показателе множественности *ed, me*, распространенном в северных говорах и отсутствующем в центральных, «след проникновения некоторой скифской группировки в среду маннейцев, предполагаемых предков мардов» (цитирую по: В. Nikitin e. Les kurdes, стр. 15, прим. 3), пожалуй, единственный, относительно убедительный пример возможного воздействия скифской среды на курдов. Однако поскольку, как правило, этот формант существует в сопряженном состоянии, постольку надо еще предварительно опровергнуть довольно убедительные мнения А. Социна о связи его с сирийским показателем родительного падежа и Держа, виденного в нем дериват древнеперсидского относительного местоимения *-tva* (см. обе эти этимологии: F. J u s t i. Kurdische Grammatik, стр. 130 и 123). Кроме того, если скифский характер показателя множественности *t* сам по себе не вызывает сомнений, то о языке маннейцев и мардов мы ничего определенного не знаем, в частности не знаем, был ли в этих языках данный показатель множественности. Что же касается того, что в курдском он встречается только в говорах той части племен, которые обитают в северной части Курдистана, то нельзя не вспомнить, что именно В. Ф. Минорскому принадлежит вполне убедительное обоснование того, что эти племена попали в район их нынешнего обитания после арабского завоевания (см. его статью «Kurdes» во II томе «Encyclopedie de l'Islam»); следовательно, этот показатель может быть и новообразованием, связанным с тем более поздним воздействием «скифов» на курдов, о котором речь идет ниже. Но тогда нам придется допустить наличие в составе тюркских кочевников, проникших в Малую Азию в X—XI в., ираноязычной прослойки. Как ни парадоксально это кажется, но такая возможность не исключена, если мы вспомним, что одновременно с движением сельджукских племен из Средней Азии, т. е. с запада на восток, по тому же пути, по которому в VII—VI вв. до н. э. двигались иранские племена, происходило и продвижение тюрков с севера на юг, шедшее по тому пути, по которому в свое время двигались скифы; и имею в виду продвижение из Закавказья в Малую Азию и Северо-Западный Иран племен кичаков, в составе которых вполне могли быть и ираноязычные группы.

² Н. Я. Марр. Еще о слове челеби, стр. 121.

³ См. хотя бы: С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3, стр. 100, см. еще там же, прим. 8.

⁴ Б. Б. Piotrowskiy. Археология Закавказья. . . , стр. 114. В этой связи Н. М. Дьяконов, выдвигая тезис о том, что развитие культуры у скифов Передней Азии могло идти самостоятельно, говорит: «И если тем не менее очень многие черты культуры скифов Передней Азии (включая сюда, по всей вероятности, и поздних киммерийцев) тесно связывают их со скифами Северного Причерноморья, то для меня неясно, принесли ли эти черты скифы и киммерийцы с собой со своей старой родины в VIII и начале VII вв., или, напротив, они создались частично и на новой уже переднеазиатской территории и попали обратно в Северное Причерноморье благодаря непрекращающимся связям между кочевниками по обе стороны Кавказа, или, наконец, эти черты создавались еще где-то, например в Средней Азии, откуда попали и в Причерноморье и на Ближний Восток» (Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 253—254). Это, пожалуй, одна из наиболее четких формулировок сложности и многогранности «скифской проблемы».

⁵ Повесть временных лет, т. I, стр. 10, 14; т. II, стр. 223, 227.

⁶ См. выше, стр. 49, а также: Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 339. Нельзя заметить, что В. Ф. Минорский, говоря о формировании курдского этноса на этой же территории, совершенно не учитывает важное и по сей день сказывающееся в крае значение семитических элементов, хотя в своих других работах он сам неоднократно указывал на это.

⁷ Так, например, характеризуя итоговые результаты иранской экспансии на территории Атропата, возникшей на развалинах Мидии, Н. М. Дьяконов приходит к следующему выводу: «Несомненно, что в IV в. до н. э. кадусии, матиены, а вероятно, и другие потомки маннеев, лулубеев и тому подобных „каспийских“ племен, как не входивших, так, быть может, и входивших в пропавший в Мидийский племенной союз, сохранили свои особенности в общей массе людей, называвших себя „мидианами“. Иранский язык религии и магов (играющих в новом государстве, видимо, ведущую роль), отражаясь в дошедших до нас именах собственных и т. п., скрывает от нас существовав-

шую, вероятно, еще и в то время, языковую пестроту Мидии» (Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 452).

⁸ С. П. Толстов, несомненно, прав, считая, что еще «с глубочайшей древности Иранское нагорье и прилегающие к нему страны являлись глубоким этнографическим тылом Передней Азии», где сталкивались различные по своему этносу, языку и культуре элементы (С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 79) Иранская экспансия в значительной мере выровняла, нивелировала этот весьма пестрый субстратный слой, причем сами иранские племена, двигаясь с востока на запад в течение многих столетий набегаящими друг на друга волнами, также в значительной мере сглаживали характерные для каждого из них особенности. Характерная для сегодняшнего многонационального и многоязычного Ирана картина — результат бурной средневековой истории страны, и было бы крупнейшей методологической ошибкой искать примых предков большинства населяющих современный Иран народностей в его далеком прошлом.

⁹ Есть методологически много общего между соображениями Куника относительно иранизма древних «халдеев», ввиду того что их предполагаемые потомки курды говорят на иранском языке, и гипотезой о «самобытности» мидий. С точки зрения Кесреви Тебризи (см.: Кесреви Тебризи. Азери, или древний язык Азербайджана. Тегеран, 1304 г. солнечн. иранск. летоисчисл., на перс. яз.), поскольку современные азербайджанцы отличаются от современных персов, а вместе с тем по происхождению являются иранцами, постольку это различие должно было существовать и в прошлом. Следовательно, иранские диалекты на территории Азербайджана (близость которых к талышскому показал Б. В. Миллер, см.: Б. Миллер. Талышский язык, стр. 524 и след.) должны были в прошлом еще больше отличаться от персидского, и было это тогда, когда нынешняя территория Иранского Азербайджана входила в состав Мидии, а предки нынешних азербайджанцев были мидийцами. Ряд европейских исследователей, начиная с К. Хюара, пытаются «восстановить» мидийский язык на том основании, что не все факты древнеперсидского языка могут быть возведены к общеперсидскому праязыку (см. хотя бы: A. Meillet et E. Benveniste. Grammaire du vieux Perse. Paris, 1951, стр. 7. и след.; Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 65 и след.). Нереальность этой «реконструкции» прекрасно показал В. П. Абаев, совершенно справедливо отметив, что, во-первых, в результате такой реконструкции мидийского языка «персидский язык даже в иранской своей части оказывается на 3/5 неправильным» и «заимствованным». А говорящие на этом языке, кажется, и не подозревают этого, во-вторых же, поскольку конкретно от мидийского языка ничего не дошло до наших дней, кроме нескольких случайно сохранившихся слов, то поэтому те, кто приписывает ему те или иные качества, чувствуют себя в полной безопасности: опровергнуть их невозможно» (В. П. Абаев. Древнеперсидские элементы в осетинском языке. Сб. «Иранские языки», т. I, Л., 1945, стр. 11 и там же прим. 1). В самом деле, что можно возразить против хотя бы следующего утверждения Н. М. Дьяконова: «Уже à priori невероятно, чтобы персы имели свою письменность, в то время как великая Мидийская держава своей письменности не имела бы» (Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 367) или по поводу рассуждений того же автора, что всякое слово, которое гипотетически можно отнести к мидийскому языку, даже если оно с точки зрения тех же гипотетических соображений может быть отнесено к персидскому и действительно встречается в персидском, должно быть отнесено к мидийскому, а поэтому «процент лексики ахеменидских надписей, которая была бы возможна и в мидийском тексте, значительно возрастет» (там же, стр. 369). Таким путем действительно можно приписать любому явлению что угодно и, поскольку факты отсутствуют, находиться в полной безопасности со стороны возможных возражений. Совершенно очевидно, что такие утверждения грешат не только против истины — мы слишком мало знаем о мидийском языке, а то, что нам известно, говорит скорее в пользу его максимальной близости к древнеперсидскому, а не наоборот, — но и против элементарных законов формальной логики.

¹⁰ Как известно, ахеменидские надписи подчеркивают, что Персия и Мидия являются «странами одного языка», которым противопоставляются «страны другого языка», в том числе и области с ираноязычным населением на Востоке. Следовательно, в глазах самих насельников Западного Ирана их иранские диалекты, как и следовало ожидать, представлялись диалектами одного языка, в состав которого не включались, однако, даже генетически близкие им иранские диалекты на Востоке. Н. М. Дьяконов совершенно правильно отмечает, что греческие источники «обычно называют персами всех говоривших по-ирански вельмож Ахеменидского царства» (Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 444, прим. 5). Выше мы имели возможность убедиться, что Ксенофонт пользовался «персидским переводчиком» во всех случаях общения с ираноязычным населением. Столь же хорошо известны многочисленные случаи, когда греческие авторы называют Ахеменидов царями не персов, а мидийцев. В своем месте (см. стр. 147, прим. 40) мы отмечали убедительность предложенной Ростом и развитой Н. М. Дьяконовым этимологии терминов «Парсуа», «Персида», «Парфия» как «окраинных» (Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 69), если к этому добавить, что и Мидийский племенной союз существовал еще как союз неиранских племен и что иранская часть мидий-

ского населения была лишь позднее конструирована в отдельное «племя Ариев», причем неоднократно высказывалось мнение, что с древнейшим названием мидий мы встречаемся еще в новозамском (И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 149—150), то, по-видимому, и мидийские и персидские иранские племена окажутся просто близкими друг к другу племенами «ариев» (см. по этому поводу: В. В. Струве. Арийская проблема. Советская этнография, №№ VI—VII, 1947), оформившимися после своего переселения в Западный Иран во вторичные конфедерации племен, уже не по принципу этнической близости, а по политическим мотивам.

¹¹ Нам пришлось бы проследить чуть ли не всю многовековую историю древнего и средневекового Востока для того, чтобы подчеркнуть несомненную связь такого рода трансформаций с особенностями родоплеменной структуры и с процессом роста классовых отношений внутри господствующего племени в первую очередь. Ограничимся в качестве примера историей союза племен Мукри (см.: О. Вильчевский. Мукринские курды, стр. 181 и след., там же и основная библиография). Пример этот характерен и доказателен в том отношении, что как и в истории сложения Мидо-персидской державы, в организации союза племен Мукри приняли участие несколько групп племен, входивших ранее в другие, впоследствии одряхлевшие и частично распавшиеся конфедерации: собственно мукринцы, или бекаде; мамани, мангуры и пираны, входившие ранее в состав бильбасов, диалект которых значительно отличается от мукринцев; теурьки, принадлежавшие к одному из старых курдских племен, в состав которого вошли и остатки других племен; дебюкри — молодое племя, прибывшее из района Диярбекира. Во главе союза племен первоначально стояли мукринцы, глава которых являлся полунезависимым владетелем края (сердар Мукри); когда они ослабели, власть захватили Дебюкри, глава которых, подобно Ахеменидам, именовавшимся царями Мидии, унаследовал титул и власть сердара Мукри; когда одряхлели и дебюкри, среди мукринских племен началась борьба за переход власти сердара Мукри к главе более сильного племени.

¹² Ф. Энгельс. Франкский диалект. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. Весьма важно в методологическом отношении различие, проводимое Ф. Энгельсом между судьбами племенных диалектов, в зависимости от того, каковы были судьбы самих говорящих на них племен, см. на стр. 27—29.

¹³ И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 92. Мнение о сближении семантского диалекта с прикаспийскими принадлежит В. А. Жуковскому (см.: В. А. Жуковский. Материалы для изучения персидских наречий, т. I. СПб., 1888, стр. VI), отметившему, что их «морфология и лексический состав приближаются к диалекту мазандеранскому».

Большую и плодотворную работу по выяснению и обоснованию близости между собой иранских диалектов Северозападного Ирана и южного побережья Каспийского моря проделал Б. В. Миллер (см. хотя бы его последнюю итоговую работу «Талышский язык», где приводится и основная библиография его работ по этому вопросу). Следует, однако, помнить, что и В. А. Жуковский и Б. В. Миллер имели в виду в первую очередь современное состояние и средневековый период иранских диалектов, не считая возможным механическое перенесение этих выводов на древний период. В. А. Жуковский так прямо и писал: «Чистота и сохранность наших наречий зависят от целой совокупности условий — смещения населения с населением других мест при помощи браков, выселения отдельных членов и целых семейств, наконец, влияния различных окружающих их этнографических типов — курдов, турок, арабов с их языками. Все эти условия нельзя не брать во внимание, но проследить влияние их исторически крайне трудно. Во всяком случае, нелишним считало указать на свидетельство арабского писателя IX века Якуби, что в его время в пределах наших наречий (от Исфагана до Тегерана) жили разнообразные племена арабские и курдские, но были и персидские поселения, которые не смешивались с другими». В этой связи В. А. Жуковский предполагал, что «разбор фонетики наших наречий по сравнению с ново- и среднеперсидским языком поможет указать подходящее место их среди существующих диалектов». Что же касается сопоставления с гипотетическими реконструкциями древнеиранских языков, то В. А. Жуковский не без юмора говорит: «Мое полнейшее незнание с первоисточниками новоперсидского языка лишило меня приятной возможности разработать этот отдел подробнее» (В. А. Жуковский. Материалы для изучения персидских наречий, т. I, стр. XIX). Таким образом, когда в работах Тедеско, Э. Бенвениста, Херцфельда и других древнеперсидский язык ахеменидских надписей выделяется в самостоятельную «юго-западную» группу западноиранских языков и ему противопоставляются все остальные западноиранские языки, то, если эминировать всегда внушающие недоверие реконструкции мидийского и парфянского языков, конкретным материалом для такого противопоставления служат живые иранские наречия. Следовательно, в сущности говоря, мы имеем дело с новым рецидивом «мусульманского пехлеви» или «современного мидийского языка» К. Хюара, который в своем издании четверостиший Баба Тахира пытался при помощи этих терминов объединить в одну группу диалекты Рея, Гиляна, Мазандерана и других прикаспийских областей с диалектами Западного и Центрального Ирана (Clément Huart. Les quatrain de Baba Tahir. JOAS, т. VI). К. Хюар, по его собственным словам, заним-

ствовал этот термин из трудов тех мусульманских авторов, которые «из пехлевийского делают язык Мидии, между тем как язык персидский есть язык собственно Персии» (там же, стр. 504). В. А. Жуковский в свое время подверг эту концепцию Хюара уничтожающей критике, показав, во-первых, что у средневековых авторов не было для термина «пехлеви» сколько-нибудь твердого значения, и разные авторы, а тем более разные лексикологи, дают этому термину самое различное истолкование и, во всяком случае отличное от того, которое предлагает Хюар; во-вторых, что язык, на котором писал Баба Тахир (произведения которого, как известно, переделывались затем применительно к нормам отдельных языков Ирана, от мазандеранского до курдского, но из этого не следует, что язык Баба Тахира был близок языкам этих переделок, — близка была тематика) носит название не «пехлевийского», а рейского языка. В заключение В. А. Жуковский пишет: «Huart вводит свой новый термин для того, чтобы не смешивать современных диалектов со старым пехлеви. Так как никто никогда ни одного из существующих персидских диалектов не называл просто пехлевийским, то выражать опасение за какое бы то ни было смешение нет достаточного основания. Затем, если мы со словом „пехлеви“ (—из. среднеперсидский) соединим известное уже и точное представление об языке, то можем ли мы, за оставлением других соображений, достигнуть того же при термине „мусульманских пехлеви“ Huart'a, когда курд не понимает мазандеранца, последний гебра и т. д., когда персидские диалекты — остатки старого языка — сохранились и развивались при разных условиях и в разное время (очень давно), достигли разнообразия? Поймет ли кто-либо, каков язык Баба Тахира, если сказать, что он писал на „мусульманском пехлеви“?» (В. А. Жуковский. Материалы для изучения персидских наречий, стр. IV—V). Несколько выше В. А. Жуковский на конкретном, убедительном примере показывает насколько подчас беспочвенными и далекими от действительного положения вещей являются чрезвычайно распространенные среди кабинетных ученых схоластические сопоставления и выводы, построенные на подмене конкретного изучения языковых фактов априорными суждениями по поводу них (там же, стр. III). Таким образом, если, например, и можно говорить о сопоставлении фактов курдского языка с материалами прикаспийских языков, то только лишь в плане их уже вторичной близости, связанной со средневековым периодом их развития и находящей себе объяснение в той роли, которую сыграло в истории северокурдских племен пришедшее в Курдистан из Гилина племя гелы, следы которого отложились в частности, в имени одного из эпонимов орамарских шейхов — известном мусульманском мистике Абд-уль-Кадыре Гилиани.

¹⁴ Ранним Ясеми (Курды, изд. П. Тегеран, s. a., на перс. языке), сопоставив некоторое количество примеров своего родного диалекта и современного персидского литературного языка, причем и те и другие даны в арабской графике, приходит к выводу, что курды и персы говорят на родственных, но различных языках (стр. 132 и след.)

¹⁵ См. хотя бы мою статью: К семантической палеонтологии в живых языках Ирана. Сб. «Академии наук академику П. Я. Марру», Л., 1935.

¹⁶ Единственная попытка сблизить лексический состав прикаспийских диалектов и диалекта Семнана с курдским принадлежит Хутум-Шиндлеру (A. Houtum-Schindler. Beiträge zum kurdischen Wortschatz. ZDMG, 1888, т. XXXVIII). Она подверглась справедливой критике В. А. Жуковского как лишенная всякого основания (Материалы, т. I, стр. III). Нельзя не заметить, что Хутум-Шиндлер, объединяя с указанной выше группой диалектов материалы авроманского диалекта курдского языка (см.: О. Д. Вильчевский. Библиографический обзор зарубежных курдских печатных изданий в XX столетии, стр. 150, прим. 4) отрывает тем самым этот диалект от всего курдского языка в целом, забывая при этом, что даже если авроманский диалект, — на основе которого, кстати, строит свои соображения о различии между курдским и персидским Р. Ясеми, — и отличается несколько от остальных диалектов курдского языка, то зато обладает совершенно бесспорными связями с лурскими и бактиарскими диалектами.

¹⁷ См. выше, стр. 135. В. П. Никитин (Les Kurdes, стр. 122—123) приводит одну из легенд о возникновении племени харки, связывающую названия его родов, в частности рода мандан, с именами братьев — эпонимов племени. О кочевках харкинцев см.: О. Д. Вильчевский. Мукринские курды, стр. 185. Для того чтобы показать, насколько неспроступен для всякого, кроме горца, район кочеваний харкинцев, могу привести следующий факт: еще в годы Второй мировой войны харкинцы, кочующие по территории трех государств — Ирака, Турции и Ирана, собирали дань с расположенных на территории Турции деревень; при этом, когда начиналась перекочевка харкинцев, то турецкая жандармерия и воинские части, во избежание возможных столкновений, отходили и освобождали район. Об этом же глухо упоминает со слов курдов В. Д. Хюттерот, которому в 1957 г., несмотря на содействие турецких властей, не удалось проникнуть в район кочевков харкинцев (Wolf-Dieter Hütteroth. Bergnomaden und Yaylabauern im Kurdischen Taurus. Marburger Geographische Schriften. Heft 11. Marburg, 1959, стр. 62. См. также маршрут нынешнего кочевания харкинцев нанесенный на приложенную к работе карту).

¹⁸ См.: Геродот, кн. III, стр. 102, стр. 44. Судя по этому описанию места обитания гактиев, они должны жить в пределах Бактрии, в двенадцатой сатрапии.

¹⁹ Помимо фонетически более убедительного, чем при сопоставлении с Бохтаном, сближения названий «бахтиар» и «пактий», можно в подтверждение этого привести сохранившееся в бахтиарском фольклоре название местности в Бахтиарии — *Вохтевеж* (В. А. Жукowski. Материалы для изучения персидских наречий, ч. III. Петроград, 1922, стр. 120; долгое *ā* в бахтиарском, как и в таджикском, огублено настолько, что переходит в *ō*). Кроме того, если на востоке пактий, судя по словам Геродота, жили в Бактрии, то на западе — наоборот: Геродот, рассказывая о пути, по которому Кир двигался из Сард в Экбатану, говорит, что «на пути Кира лежали Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне» (Геродот, кн. I, ст. 153). Действительно, Кир, как далее описывает Геродот, подошел к Вавилону, отправился затем к истокам Тигрисида, нынешней Диалы, т. е. приблизительно в район Бахтиарии, затем, после покорения Вавилона, отправился в поход в Среднюю Азию, где и был убит, а его сын Камбис отправился в поход на Египет. Таким образом, бактрийцы как будто стоят у Геродота там, где по контексту следовало бы видеть пактий. Возможно, объяснение этому следует искать в следующем: в том месте, где Геродот говорит о предстоящем маршруте Кира, он рассказывает также, что свои западные владения Кир поручил взбуждавшемуся против него впоследствии лидийцу, носившему созвучное с пактиями имя Пактия, вследствие чего Геродот или, вернее, кто-либо из его переписчиков, «исправил» пактийев на бактрийцев, тем более, что и на востоке оба эти термина, как мы видели выше, также путались у Геродота.

²⁰ Геродот, кн. I, ст. 125; кн. III, ст. 93. Весьма существенно, что, называя сагартиев «персидским племенем по языку» (кн. VII, ст. 85), Геродот тут же отмечает, что вооружение их занимает среднее место между персидским и пактийским и описывает, как сагартии в боях набрасывали на противника и его коня ремненные арканы; сагартии, так же как и бактрийцы, принадлежали к тому небольшому списку народов, из которых в персидской армии комплектовалась конница.

²¹ В. П. Никитин приводит сообщение ему при личной встрече в Оксфорде в 1928 г. мнение Е. Херцфельда о том, что он считает сагартиев вероятными предками курдов и полагает, что их название отразилось в имени города Сирта. Одновременно В. П. Никитин приводит мнение М. Штрека, сближающего сагартиев с областью Зикерту в Мидии (мнение это поддерживает также И. М. Дьяконов), и мнение Л. В. Кинга о том, что восставший против Дария вождь сагартиев, изображение которого имеется на Бехистунском рельефе, обладает характерными для курдского типа чертами лица (В. Nikitine. Les Kurdes, стр. 11, прим. 2).

²² И. М. Дьяконов цитатами из Бехистунской надписи вполне убедительно, как мне кажется, показал, насколько институт кара глубоко пронизывал собою все мидийское общество, продолжая сохраняться и тогда, когда мидийские племена потеряли свое господствующее положение в Мидо-персидской монархии (И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 332 и след.). Отмечаемое И. М. Дьяконовым разделение кара мидийцев на находившееся при царе и находившееся в общине только подчеркивает военное значение кара и роль этого института в мидо-персидской армии.

²³ Восприятие кара как общины и одновременно как всего комплекса обязанностей членов общины, сохраняется весьма долго. В этом отношении весьма характерно прошедшее через все средние века и известное буквально всему Переднеазиатскому миру разделение взимаемых с общины налогов на *кар* — «основные повинности и налоги общины» и всегда противопоставляемые этому комплексу дополнительные налоги, устанавливаемые феодалом или правительством, — *бекар*, или для древнего состояния иранских языков — *патакар*, т. е. «сверх кара, кроме кара». В этом смысле и отмечаемые Бехистунской надписью две разновидности кара могут обозначать, в том случае, когда кара находится в общине, *кар*, а в том случае, когда она находится у царя, — *патакар*. В этой связи отпадают соображения Г. А. Меликишвили (К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 417 и след.) о значении *бекар* в грузинских летописях, основанные на попытке Н. Адонца объяснить этот древний термин из современного персидского выражения *бе кар амадан*, хотя оно никогда не значит «идти на работу», а имеет только одно значение — «годиться». Значительно сложнее также взаимоотношения терминов *кар* и *бекар* с имеющим иную историю *харае* (араб. *харадж*, арм.-груз. *харк*).

²⁴ И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 150, прим. 1, стр. 447, прим. 1.

²⁵ О структуре курдских аширетов и характерных формах военных институтов родоплеменной структуры в тех формах, в каких она сохраняется в средние века, см.: О. Вильчевский. Мукуринские курды, стр. 190 и след.

²⁶ Б. А. Тураев. История Древнего Востока, стр. 110.

²⁷ Геродот, кн. VII, ст. 184 и след. Называемая Геродотом численность армии Ксеркса 2641610 бойцов, а с обслуживающим персоналом — 5 273 220 человек приближается к численности армий современного мира в военные время. Если же прибавить неучтенных Геродотом, но его же словам, следовавших за армией стрелков, наложниц и евнухов, то эта цифра, вероятно, мало чем отличается от общей численности населения всей державы Ахеменидов.

²⁸ См. по этому поводу: А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. Л., 1950.

К главе седьмой

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 438. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что, несмотря на все различия в положении непосредственного производителя при рабовладельческом строе и при феодализме, практически положение крестьян очень слабо отличалось от положения рабов в рабовладельческом государстве (см. там же, стр. 443).

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1953, стр. 151.

³ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем Средневековье.

⁴ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем Средневековье, стр. 23 и след.

⁵ А. Б. Ранович. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии. Вестник Древней истории, 1947, № 2, стр. 39.

⁶ А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, стр. 27. Вместе с тем А. Б. Ранович подчеркивает и обратную сторону процесса «эллинизации» стран Востока: «Общение с народами Востока не только расширило горизонт эллинов и раздвинуло границы ойкумены: оно показало им своеобразную культуру, в некоторых отношениях более высокую, во всяком случае, более древнюю» (Эллинизм и его социально-экономические основы. Вопросы истории, 1945, № 1, стр. 114). К этому вопросу о расширении границ тогдашнего, рабовладельческого мира и о результатах этого процесса в связи с дальнейшим развитием рабовладения и его кризисом, нам придется еще вернуться ниже.

⁷ К. В. Тревер. Очерки по истории культуры Древней Армении. Л., 1953, стр. 18. Замечание К. Маркса в его письме к Ф. Энгельсу см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI, стр. 488. Мне кажется, что К. В. Тревер в предисловии к своей крайне интересной и насыщенной большим количеством фактов по культурной истории Древней Армении и соседних с нею стран работе несколько прямолинейно объясняет различия падастроичных явлений различиями в конкретных особенностях базиса. Противопоставление эллинистического «Запада» иранскому и даже малоазийскому «Востоку» находит себе объяснение не только и, пожалуй, не столько в различии форм рабовладельческого общества в греко-римском мире и на Востоке, сколько в культурных и этнических особенностях, которые непосредственно не сводимы к различиям в базисе. Приводимые К. В. Тревер в прим. 2 на стр. 17 слова Псократ о том, что уже в конце IV в. до н. э. «эллинами называют не столько родственных по крови людей, сколько в гораздо большей мере тех, кто разделяет нашу образованность» являются, мне кажется, достаточно точным определением «эллинизма» исходящим из уст самого эллина и к тому же современника этого процесса. Это определение еще раз подчеркивает опасность непосредственного сведения вопроса к одним лишь базисным различиям, тем более, что сам по себе эллинизм на Востоке был явлением поверхностным, затрагивавшим по преимуществу лишь господствующий слой населения, т. е. людей в социально-экономическом отношении принадлежавших к одному классу.

⁸ К. В. Тревер. Очерки по истории культуры древней Армении, стр. 18.

⁹ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 37 и след. Там же приводится и основная литература по изданию текста этой хроники, ее переводу и исследованию.

¹⁰ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 38. «Издатель сирийского текста хроники Карки де бет Селох Мезингер, — пишет Н. В. Пигулевская, — считает имя «Сардона» неверным написанием имени Саргон, но согласен считать его и изменением имени Асархадон» (Mösi n g e r. Monumenta Syriaca, II, Oeniponti, 1878, стр. 24). Анализ указанного текста может привести к выводу, что речь идет о двух различных лицах — о царе Ассирии Саргоне II (722—705 гг.) и о царе Асархадоне, сыне погибшего в 681 г. до н. э. Синнахериба. Однако если в прошлом традиции об этих двух царях и были различны, то позднее они так слились, что разделить их не представляется возможным.

¹¹ Хотя версия Ктесия, расхожющаяся с Геродотовой, и совпадает, вплоть до имени мидийского царя, с версией Моисея Хоренского, который, как известно, в своей наиболее древней части восходит к сирийской хронике Мар-абаса Катини (у Моисея Хоренского вместо «Арбан» стоит «Варбак»), тем не менее Н. М. Дьяконов решительно отмечает эту версию, на том основании, что Ктесий якобы чуть ли не нарочно сообщал сведения, прямо противоположные данным Геродота: «Если Геродот говорил „черное“ — Ктесий говорил „белое“, и наоборот» (Н. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 25—26, 30—31, а также 313). Неубедительна и ссылка Н. М. Дьяконова на Ксенофонта (Анабасис, кн. I, гл. VII, стр. 11) упоминающего в числе четырех главнокомандующих армии Артаксеркса Арбака, хотя бы потому, что в этом месте он не называется сатрапом Мидии, а в этом звании упоминается в заключительных строках Анабасиса (кн. VII, гл. VIII, стр. 25), которые, по общему мнению всех современных ученых, принадлежат не Ксенофону, а какому-то другому, хорошо осведомленному лицу, и приведенные в нем имена сатрапов и племен частично не согласуются с показаниями Ксенофонта (Ксенофонт. Анабасис, стр. 286).

¹² «В то время был царек в Гармай, он обладал этой землей», — повествует хроника.

¹³ Предложенный Пейн-Смитом (P a y n e - S m i t h. Thesaurus Syriacus, II, Охоніі, 1901, col. 2816. Цитирую по: Н. П и г у л е в с к а я. Города Ирана в раннем Средневековье, стр. 39, прим. 1) перевод этого термина как «адъютант» — явное недоразумение, в особенности по-русски. Наиболее близким к букве и смыслу подлинника будет перевод «подполковник» (ср. франц. и англ. Lieutenant colonel, немецк. Oberst-Leutenant).

¹⁴ Н. П и г у л е в с к а я. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 39. По мнению Н. В. Пигулевской, тот сирийский источник, на основании которого составлена хроника, «почерпнул свои данные непосредственно, или опять опосредствовано из вавилонских источников» (там же, стр. 38).

¹⁵ Так, в тексте, изданном Мезингером; отличающийся от него извод хроники, изданный Беджаном, дает эту же картину с некоторыми изменениями, см.: Н. П и г у л е в с к а я. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 48, где находится перевод обоих изводов хроники, и стр. 41, где указаны соответствующие изменения текста хроники.

¹⁶ G. H o f f m a n. Auszüge aus syrischen Akten Persischer Martyrer. Excurse. Leipzig, 1880, стр. 45, прим. 387, было ли оно известно в предшествующий период — данных не имеется, добавляет Н. В. Пигулевская (Города Ирана в раннем средневековье, стр. 40). Ниже нам придется остановиться на том, что сасанидское происхождение имени этого эпонима, одного из старейших знатных родов Карка, вполне вероятно.

¹⁷ P. A m i e t 1) L'aigle dans l'art et la religion de la Mesopotamie antique. Paris, 1950; 2) L'homme-aiseau dans l'art mesopotamien. Orientalia, 21, 1952.

¹⁸ Одно из основных божеств езидов — Мелек Таус, обликаемый по фонетическим соображениям и с Таммусом, и с павлином (таус), в езидской легенде о сотворении мира имеет облик «большой белой птицы», обладающей качествами человека. Один из моих осведомителей, хорошо знакомый с езидской космогонией и теогонией, пир Агит Давренях из сел. Большой Мирак в Арм.ССР, в 1932 г. говорил мне, что Мелек Таус имеет облик «орла с человеческой головой». Обладающие волшебными свойствами чудесная птица и чудесный лев принадлежат к распространеннейшим персонажам курдского сказочного фольклора. В числе намогильных анималистических изображений, широко распространенных в большинстве районов Курдистана, наряду с лошадью и бараном встречаются изваяния львов и, правда, не очень часто, леопардов, а также крылатых львов.

¹⁹ Н. П и г у л е в с к а я. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 43. Эта особенность хроники Карка де бет Селох родит ее с составленной эмиром Битлиса Шерефаддином летописью курдского народа. В Шереф-наме, в особенности в ее начальной части, посвященной вопросу о происхождении курдов, а также в последнем разделе, где описывается история города и области Битлиса, также наряду с письменными источниками широко используются местные предания, легенды, генеалогии отдельных племен и родов и тому подобный фольклорный материал. В силу этого общая картина древней и средневековой истории курдов и Курдистана, рисуемая Шерефаддином, кажется более архаичной, сохраняющей большее количество древних традиций и реминисценций, чем даже более старые труды мусульманских историков и хронистов. Тенерение работы курдских историков — Амина Заки, Рашида Ясеми, Хусейна Хузни Мукриани и других в значительной мере являются попытками увязать, примирить старые местные традиции Шереф-наме, имеющие своим источником фольклор, с исторической традицией мусульманских историков. В первую очередь это относится к Амицу Зеки, познакомившись с трудом которого, акад. И. Ю. Крачковский сказал мне: «Теперь история курдов приобретает твердую базу и становится вполне сопоставимой с историей других народов Ближнего Востока. Амин Заки в своей сводной работе опирается на фундаментальные источники и труды восточных и европейских авторов, а не на сказки и легенды, которыми напоснена летопись Шерефаддина». Действительно, в отличие от нарушающего привычные исторические каноны текста Шереф-наме, потребовавшего для своего понимания превышающие по объему основной текст комментарии ее переводчика, труд А. Заки является четкой систематизированной сводкой расположенных в хронологическом порядке всех упоминаний о курдах и их возможных предках в многочисленных исторических источниках Древнего и Средневекового Востока. В ней мы найдем перечень всех больших и малых курдских средневековых князей и их владетелей; однако подлинной истории курдского народа, такой, какой она рисуется самому народу, здесь мы не найдем. За всем этим нам придется обращаться к полному легенд и преданий тексту Шереф-наме.

²⁰ Н. П и г у л е в с к а я. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 34.

²¹ Рашид Я с е м и. Курды, стр. 119—120. Приведу текст и персидский перевод этого памятника. Р. Ясеми отмечает, что среди населения Сулеймание и по сей день сохраняются многие традиции, связанные с поклонением огню; в частности, они зажигают священные огни во время празднования новруза и седе. Одновременно Р. Ясеми отмечает общность погребальных и свадебных обрядов у населения Сулеймание с иран-

сельская община у курдов, так же как и формы самоуправления курдских городов, соблюдая принципы старого родоплеменного деления, в особенности деления по родам, не считается обычно с новыми турецкими формами родоплеменной структуры, не распространяющейся на эксплуатируемые слои населения — «райя»), то среди кочевого скотоводческого населения развитие новых форм родоплеменной структуры идет параллельно с развитием новых, также, судя по терминологии, заимствованных у турецких племен форм кочевой сельскохозяйственной общины (аба), идущей на смену сохраняющейся только в глухих углах Курдистана большой семье. Подробнее см.: О. Л. Вильчевский. Экономика курдской кочевой сельскохозяйственной общины Закавказья и прилегающих районов во второй половине XIX в. Советская этнография, 1936, № 4—5, а также: В. Nikitine. Les Kurdes, стр. 140 и след.; последний автор, пользуясь в основном предложенной мною характеристикой, расширил ее и во многом дополнил материалами и фактами, относящимися к другим районам Курдистана. Несмотря на то, что в некоторых своих частях эта предложенная мною характеристика должна быть пересмотрена (в частности, в этой написанной более двух десятилетий назад работе не проведена четкая грань между капиталистическими отношениями и отношениями товарищескими, что привело к переоценке роли буржуазных элементов в курдском национальном движении), в целом она тем не менее сохраняет свое значение и помогает понять тщательно маскируемый буржуазной наукой процесс классового расслоения в курдском обществе, в котором кочевые формы скотоводческого хозяйства играют столь важную роль, а классовое расслоение затухивается родоплеменной структурой.

⁵² А. Заки. История курдов и Курдистана, т. I, стр. 404.

⁵³ В. Р. Розен. Дополнительная заметка о слове челеби. ЗВО РАО, 1890, г. V, стр. 307.

⁵⁴ Н. Я. Марр. Еще о слове челеби, стр. 120.

К главе восьмой

¹ Геродот (кн. I, ст. 125) перечисляет, как известно, десять персидских «родов», которые, в свою очередь, делились на «дома», т. е. десять племен, делившихся на роды. Из числа этих племен шесть было, по словам Геродота, «земледельческих» и четыре «кочевнических». В связи с особенностями родоплеменной структуры у курдов нелишне отметить, что, как сообщает Геродот, из числа земледельческих племен персов три были такими, «в зависимости от которых находится все прочие персы».

² Сводку названий «курдских», т. е. кочевых иранских племен Фарса и Шираза, по данным Истахри, Ибн-Хаукали и Мукаддаси, дает А. Заки в I томе «Истории курдов и Курдистана» (Каир, 1936, стр. 376), по которой я и привожу их. В арабской транскрипции имена этих племен передаются таким образом: *برازدختی*, *آزاد دختی*. Несомненно, было бы важно попытаться сопоставить приводимые Истахри и другими авторами названия тридцати трех «курдских» племен со списком Геродота, тем более, что одно из названных Геродотом племен — германий прекрасно идентифицируется с названным Истахри первым племенем *کرماني* *кермани* или, поскольку графемы *ک* и *گ* в ранних текстах не различались, *германи*; звук *г* в арабской транскрипции мог быть передан также через *ج*, что, однако, является более поздней традицией, чем передача его через *ک*. Вполне допустимо также, что звук *к* в одном из древнеперсидских диалектов мог быть передан по-гречески через *Г*. Связь названия этого племени с названием города Керман, по-видимому, не вызывает сомнений. И. М. Дьяконов (История Мидии, стр. 445—447) справедливо считает, что Арриан не прав, предполагая, что Атропат выдал за амазонок специально обученных и наряженных женщин. Непонятно лишь, на чем основывает И. М. Дьяконов свою уверенность, что Атропат не был знаком с греческим мифом об амазонках. Находясь в плену именно греческого представления об амазонках, И. М. Дьяконов, со ссылкой на Геродота, отождествляет амазонок с савроматами, и хотя, судя по словам Арриана, «амазонки» Атропата были вооружены не характерным для савроматов мечом, а характерной для саков секирой, полагает, что «Атропату удалось захватить в плен некоторое количество савроматов» (так образует И. М. Дьяконов женский род от «савромат»), из чего делает ни на чем более не основанный вывод, якобы Атропат, имя которого отразилось в названии Азербайджана, владел не только Южным, но и Северным Азербайджаном. В действительности, конечно, в рассказе Арриана, так же как и в более позднем перечне «курдских» племен юга Ирана, находит отражение тот чрезвычайно важный и весьма существенный для характеристики иранских кочевых племен факт, что среди некоторых из них еще существовали матриархальные отношения, близкие к тем, какие мы знаем из многочисленных рассказов об амазонках.

³ Вопрос этот достаточно подробно разработан В. Ф. Минорским в его статьях «Kurdes» и «Kurdistan» во II томе «Encyclopedie de l'Islam». Более подробное освещение он нашел в трудах А. Заки, который посвятил этому вопросу весь второй том своей «Истории курдов и Курдистана», озаглавив его «История курдских государств и кня-

жеств в эпоху ислама», а также в многочисленных работах плодovitого курдского историка Хусейна Хузи Мукриани, список которых с краткой аннотацией см.: О. М. Вильчевский. Библиографический обзор зарубежных курдских печатных изданий в XX столетии. Сб. «Иранские Языки», т. I, Л., 1945.

⁴ Термин *مملوك الطوائف*, как и его западноевропейский эквивалент *Feodalisme* (ср. также русск. «удельный»), передает весьма характерную для раннего феодализма государственную раздробленность, противопоставляя эту политическую структуру крупным монархиям древнего рабовладельческого мира и позднего средневековья. Поскольку он не отражает самой природы феодального строя, основанного на закреплении непосредственного производителя, постольку В. И. Ленин часто предпочитал пользоваться параллельно с ним термином «крепостничество». Надо еще отметить другую сторону дела: буржуазная историография переносит относительную прогрессивность крупных государств позднего средневековья (см. о ней: Ф. Энгельс. О разложении феодализма и возникновении национальных государств, в кн. «Крестьянская война в Германии». Госполитиздат, 1953, стр. 153 и 158) по сравнению с раннефеодальной раздробленностью на рабовладельческие «мировые» империи древнего мира, считая их также более прогрессивными по сравнению со сменившим их периодом феодальной раздробленности, для чего, конечно, нет никаких оснований. Насколько глубоко въелось в сознание историков это утверждение безотносительной прогрессивности всякого крупного государства по сравнению с мелким, можно судить хотя бы по следующему характерному высказыванию Я. А. Манандяна: «Благодаря крайне благоприятному сочетанию внешних и внутренних условий своего роста и развития и сильному разномыслию народонаселения Большая Армения, соединившись под властью Тиграна Великого в одно политическое целое с Софеной, стала в начале первого века до нашей эры крупным и полным жизненных сил государством. Более могущественным, чем соседние мелкие царства — Осроена, Кордуена, Адиабена, Атропатенская Мидия, Албания и Иберия. Вполне понятно поэтому, что она, заключив союз с Митридатом Евпатором и обеспечив свой тыл с запада, могла противопоставить парфянскому великодержавию свое великодержавие» (Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении. . . , стр. 65). В действительности, Тигран II сколотил в 70-х годах I в. до н. э. эфемерное государственное образование. «Быстро возвысившаяся держава Тиграна просуществовала лишь до начала 60-х годов. Временное подчинение торговых городов Сирии и Филиппии не оказало существенного влияния на развитие социально-экономических отношений центральных областей Армении. . . Под влиянием внутренних противоречий и ударов римской агрессии рухнула переднеазиатская держава Тиграна II. Сохранилось лишь зависимое от Рима Армянское царство, границы которого были сильно урезаны» (Всемирная история, т. II, стр. 421 и 423).

⁵ P. Peeters. Le «passionnaire d'Adiabene». *Analecta Bollondiana*, Bruxelles, 1925, т. 43, вып. 1/2, стр. 304.

⁶ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 140.

⁷ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 71.

⁸ Cambridge ancient History, т. IX, стр. 393—394.

⁹ M. J. Rostovtzeff. *Caravan cities*. Oxford, 1932, стр. 99.

¹⁰ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 91.

¹¹ Н. В. Пигулевская относит «робкое и медленное возникновение новых форм в недрах рабовладельческого строя при длительном сохранении родового уклада» к парфянскому периоду и, отмечая постепенное развитие новых форм общественных отношений, считает, что «феодальные порядки, зародившиеся в предшествующий период, встретили сопротивление широких народных масс тогда, когда прикрепление общины и их подчинение приняло более систематический характер», что произошло, по ее мнению, уже в сасанидскую эпоху (Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 120). В оценке роста рабовладения в странах Переднего Востока в период греко-македонской экспансии Н. В. Пигулевская недооценивает развитие рабовладения в период рабовладельческих деспотий древнего мира, когда, конечно, ни о каком «домашнем рабстве» для Двуречья не могло быть и речи (там же, стр. 21—22). В таком виде, как описывает Н. В. Пигулевская, находились расположенные на восток от Месопотамии страны Иранского нагорья, т. е. собственно Иран, но именно потому владыки Мидии и Персии стремились распространить свою власть на рабовладельческую Малую Азию, превращаясь тем самым из вождей родоплеменной знати в царей Вавилона и других царств древнего мира. Можно даже сказать, что в приводимом Н. В. Пигулевской соображении о наличии у греческих завоевателей большого количества военнопленных сказалось против воли исследователя то обстоятельство, что для античных греков рабовладение в Двуречье было более развитым, нежели у них на родине.

¹² Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 98.

¹³ M. J. Rostovtzeff. *The social and economic history the hellenistic world*, т. I. Oxford, 1941, стр. 517—524.

¹⁴ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 87. Парфия, как сообщает хроника, обрушилась на Адиабену потому, что ее царь Пар-

сей, когда парфии рассчитывали на военную помощь подвластной им Адиабены, «не пошел на войну с партавами». В этой связи Н. В. Пигулевская пишет: «Эти небольшие государства Осроена, Адиабена, Гордуена — жили между двух огней, вынужденные опасаться то нападения римлян, то жестокого принуждения парфиан».

¹⁵ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 83 со ссылкой на: N. S. Debevoise. A political history of Parthia. Chicago, 1938, стр. 242. Несколькими страницами ранее Н. П. Пигулевская рассказывает, по Псифу Флавию, об обстоятельствах, когда впервые царю Адиабаны была пожалована эта высокая привилегия — посещать тигру и восседать на золотом троне, в дословном переводе с греческого «спать на золотой кровати» (там же, стр. 71).

¹⁶ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 84—85.

¹⁷ Наиболее полную сводку всех возможных фонетических разновидностей термина «кардух» в древности в средние века дал G. R. Driver в статье: The name «kurde» and its philological connexions. JRAS, 1923, ч. III. В числе этих вариантов Драйвер приводит и «карду» как одно из встречающихся разночтений названия области Джезирет ибн аль Омар в сирийских средневековых текстах. Возражая Нельдеке, считавшему невозможным отождествить термин «курд» с кардухами и намечавшему связь термина «курд» с киртиями и карду (Th. Nöldcke. Kardu und kurden in Beiträge zur alten Geschichte und Geographie. Festschrift für H. Kiepert. Berlin, 1898, стр. 71—82), Драйвер считает, что весь этот фонетически близкий комплекс названий встречается в пределах нынешнего расселения курдов, а потому и должен быть объединен. Отдавая должное эрудиции и усидчивости Драйвера, выбравшего максимальное количество фонетических и орфографических вариантов близких между собой этнотопонимических названий, встречающихся в разное время у разных авторов, а подчас и в различных списках одного и того же автора, следует вместе с тем отметить и его слабую сторону. Драйвер почти исключительно интересуется лингвистическая сторона вопроса — возможность или невозможность фонетического сближения тех или иных собранных им вариантов без учета того, возможно ли такое сближение реально. Внимательно исследуя фонетические и орфографические варианты созвучных терминов, Драйвер не задумывается над возможностью, что при их созвучии они могут обозначать разные явления. К этому, в сущности, сводится и все возражение Драйвера Нельдеке. Эта же особенность методологии Драйвера сказалась в его попытке объяснить термин «курд», который он сближает и со всем многообразным комплексом близких по звучанию этнотопонимических названий горной части Малой Азии в древности и в средние века и одновременно с перс. *горд* 'богатырь' и с вавилонским *гарду*, имеющим то же значение. Можно лишь удивиться, как Драйвер не привлек сюда для полноты коллекции турецк. *курт* 'волок' и груз. *курди* 'вор', фигурирующие в народных этимологиях этого термина. Вряд ли нужно еще раз оговаривать, что более осторожная точка зрения Нельдеке, разделяемая большинством исследователей, в том числе В. Ф. Минорским и В. П. Никитиным, стоит ближе к истине и, во всяком случае, сопоставление курдов с кардухами в плане сближения их племенных названий в настоящее время не имеет продуктивного значения (см. в этой связи прим. 21).

¹⁸ P. Peeters. Le «passionnaire d'Adiabene» Analecta Bollandiana, t. 43, f. 2. Bruxelles, 1905.

¹⁹ И. М. Дьяконов. История Мидии, стр. 127. Район этот, населенный в основном скотоводческими племенами, долго и успешно сопротивлялся ассирийской экспансии, и его наименование неоднократно встречается в ассирийских документах (там же, стр. 135, прим. 1, там же и литература).

²⁰ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 141 (там же и основная литература, относящаяся к этому произведению).

²¹ Литература по этому вопросу, кетати, совершенно игнорируемая Драйвером (см. прим. 17), довольно значительная. Первая сводка, сделанная Шармуа (Cherelnémet, т. I, ч. I, стр. 21 и след.), изобилует орфографическими ошибками и устарела. Помимо литературы, приведенной В. Ф. Минорским в его статье «Kurdes» во II томе «Encyclopedie de l'Islam», см. также: А. Закс. История курдов и Курдистана, стр. 373 и след.; Р. Исем. Курды, стр. 165 и след. Термин *рам* (رَم) арабск. мн. ч. (جمع), связанный с перс. *раме* (رَمه) 'толпа', 'собрание', 'стадо', по-видимому, является синонимом известного нам еще от ахеменидов персидского же *кара* 'народ-войско' и употребился для обозначения всего коллектива племени. В курдском он сохранился в названии одного из племен пиранов — *рамк*, или *рамык* (О. Вильчевский и Я. Мукришские курды, стр. 185) и в названии одного из кланов племени хемавенд — *ремавенд* (см. выше, стр. 103).

²² См. А. Закс. История курдов и Курдистана, т. I, стр. 37 и след. и стр. 466 и след. Далеко не все из этих разбросанных по всему Переднему востоку «курдских» племен являются курдами по происхождению и по языку; в ряде случаев, по-видимому, мы имеем дело с племенами, по отношению к которым термин «курд» применен в социальном смысле. Некоторые же из этих племен действительно были переселены в разное время из Курдистана на границы средневековых переднеазиатских деспотий.

²³ Ср., например, чрезвычайно показательное свидетельство Ибн-Батуты о том, что в районе Персидского залива он проходил в течение трех дней «по равнине, насе-

ленной курдами, (живущими) в шатрах из шерсти, и говорит, что происходит они от арабов» (Voyage d'Ibn Batoutah. Texte arabe accompagné d'une traduction par Deformerie et d-r. B. K. Sanguinetti. Paris, 1854, т. II, стр. 22).

²⁴ Низам аль-Мульк в «Сиясет-наме», посвящая специальную главу «туркменам», т. е. тюркским племенам, которых он выделяет как «родичей» сельджуков султанов, говорит перед этим о военных отрядах других племен, на которые опирались сельджуки; к числу этих племен он относит арабов, курдов, дейлемитов и румийцев (Сиясет-наме. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька, пер. Б. П. Заходера. Л., 1949, стр. 108—109). Несколько ранее тот же автор перечисляет в числе племен, участвовавших в войске султана Махмуда, тюрок, хорасанцев, арабов, индусов, дейлемитов, гуридов и тут же рекомендует в качестве хороших воинов «гурджей», т. е. грузин и «шабанкаре из Парса», т. е. «курдов» ранних мусульманских авторов (там же, стр. 107).

²⁵ См. статью В. Ф. Минорского «Kurdistan» во II томе «Encyclopedie d'Islam». Там же и основная библиография. См. также у Казвини (Hamd-Allah-Mustawfi of Qaswin. The Geographical part of the Nizhat-al-Qulub, стр. 107 и след.).

²⁶ Книга Марко Поло, стр. 58.

²⁷ Т. е. арабск. «Джекирет ибн аль Омар», см.: Driver. The name kurd and its philological connexions, стр. 398.

²⁸ Ср. высокую оценку значения этого термина, которую он получил в связи с дискуссией по поводу его происхождения, в статье В. Р. Розена (см. выше, стр. 162), а также мнение Н. Я. Марра, связывавшего этот термин с племенным названием курдов (Н. М а р р. Еще о слове челеби). См. также.: В. Н и к и т и н е. Les kurdes, стр. 239 и след.).

²⁹ Justinus Trogi Pompei historiarum Philippicarum epitoma, XXXXI, 2. Leipzig, 1876.

³⁰ Я. А. Манандян. Проблема общественного строя доаршакидской Армении. Исторические записки, т. 15, 1945, стр. 19.

³¹ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 94 и след.

³² Геродот, кн. I, ст. 25. Я не касаюсь хорошо известных от того же Геродота и из других источников случаев одичания персидских племен мидийским и впоследствии — наоборот.

³³ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 152—153.

³⁴ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 159.

³⁵ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Госполитиздат, 1953, стр. 156.

³⁶ Мнение М. Б. Руденко о том, что язык этого произведения «ближе всего к мукринскому (южному) диалекту курдского языка (М. Б. Руденко. К вопросу о курдской литературе, стр. 434) является результатом того, что она сопоставляет язык «плача» с языком более поздних произведений курдской литературы на северных диалектах, в которых отсутствуют некоторые архаические формы, сохранившиеся в южных диалектах.

³⁷ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье, стр. 85.

³⁸ О. Вильчевский. Лингвистические материалы по истории общественных форм в Курдистане.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава первая	5
Глава вторая	25
Глава третья	36
Глава четвертая	52
Глава пятая	67
Глава шестая	80
Глава седьмая	88
Глава восьмая	106
Примечания	117
К главе первой	117
К главе второй	126
К главе третьей	129
К главе четвертой	136
К главе пятой	144
К главе шестой	149
К главе седьмой	155
К главе восьмой	162

Олег Людвигович Вильчевский
Курды

*

*Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

*

Редактор Издательства А. А. Зырин
Технический редактор В. Т. Бочевер
Корректоры К. И. Видре и Л. Я. Комм

*

Сдано в набор 15/III 1961 г. Подписано к печати 30/VI 1961 г. РИСО АН СССР
№ 126-89В. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 5¹/₄. Печ. л. 10¹/₂=14.38 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 16,27. Изд. № 1305. Тип. зак. № 100. М-07333. Тираж 1300.
Цена 1 р. 13 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
91	1 сверху	Шахргерда	Шахригерда
110	5 »	Бологеша	Вологеша
110	10—11 »	свободна	свободно
131	33 »	чуждым	чуждыми
153	18 »	«мусульманских	«мусульманский
164	19 снизу	Cherel-	Cheref-

О Видьченский. Курды